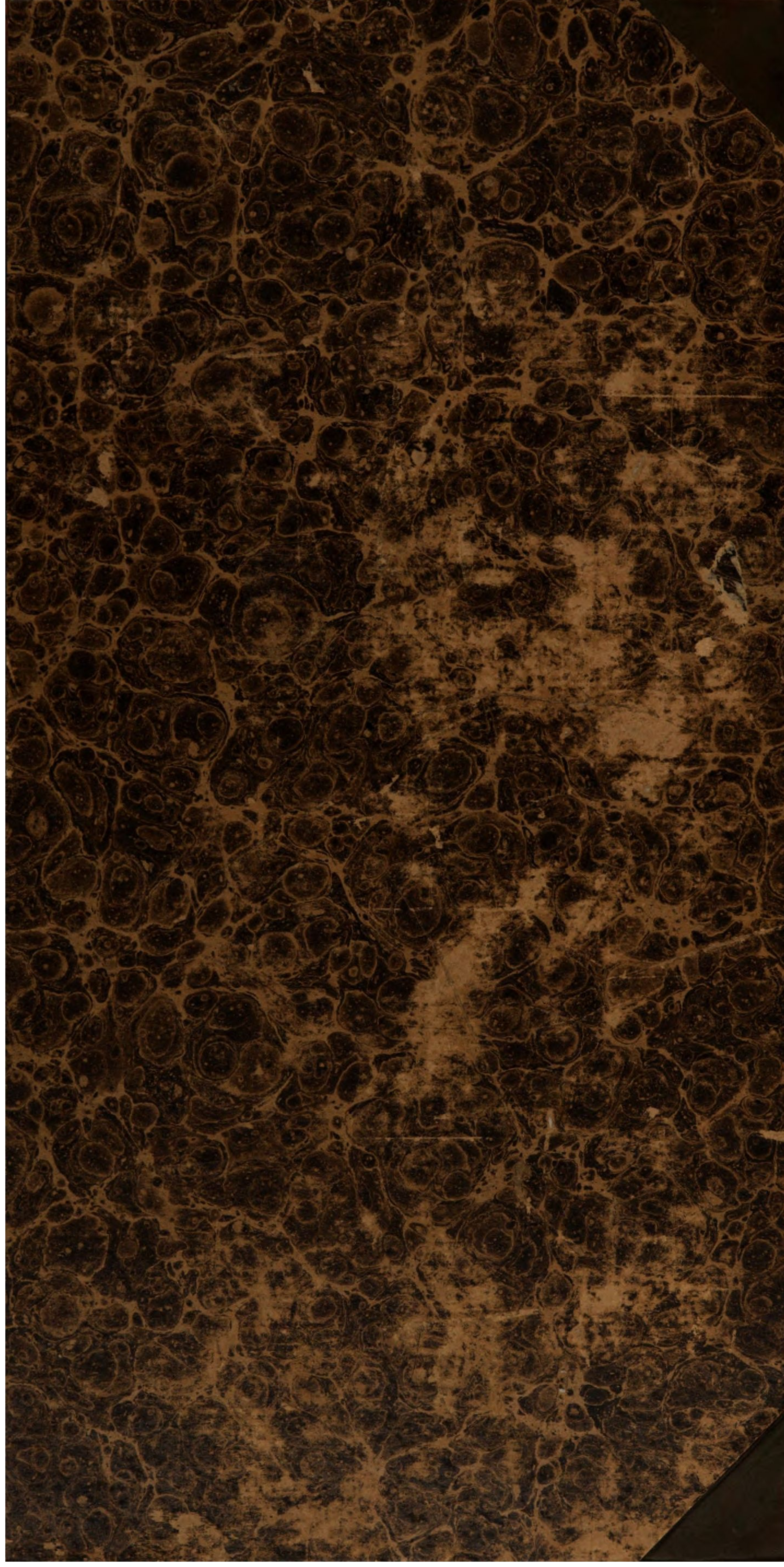

P. o. muss. 157

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

71 4 8191/50 345

Печатать позволяется
съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цен-
сурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, Апрѣля
20 дня, 1832 года.

Цензоръ В. Семеновъ.

11521P

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

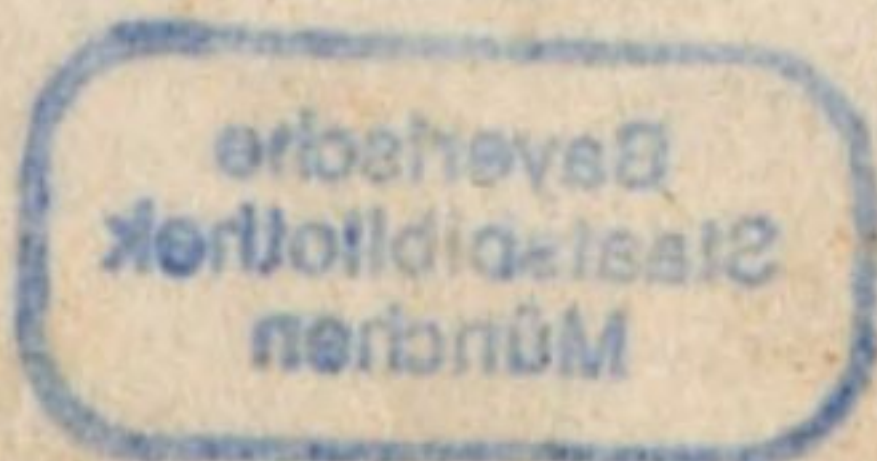
Соз. А. ХОМЯКОВА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЛАЗАРЕВЫХЪ
Института Восточныхъ Языковъ.

1833.

417539

193 8.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

САМОЗВАНЕЦЪ.

МАРИНА, его невѣста и жена.

РОЗА ЛЕСКАЯ, ея паперстница.

ЦАРИЦА МАРѢА.

ПЕТРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ БАСМАНОВЪ.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

КНЯЗЬ МИХАЙЛА СКОПИНЪ ШУЙСКІЙ.

КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКІЙ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ ГОЛИЦЫНЪ.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ КУРАКИНЪ.

МИХАЙЛО ГЛѢБОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ.

ВЛАСЬЕВЪ.

ЛЯПУНОВЪ.

ПРОКОФІЙ }
ЗАХАРІЙ } сыновья Ляпунова.

ТУРЕНИНЪ.

АНТОНІЙ, слѣпой.

ГРИГОРІЙ ВАЛЗЕВЪ.

ИВАНЪ ВОЕЙКОВЪ.

ДЬЯКЪ ОСИПОВЪ.

МИКУЛИНЪ, Спрѣмецкій Голова.

ФИРСТЕНБЕРГЪ.

КНЯЗЬ ВИШНЕВЕЦКІЙ.

ЯНЪ БУЧИНСКІЙ, Секретарь Царя.

ОЛЕСНИЦКІЙ, Посоль опъ Короля Польскаго.

РАНГОНИ, Папскій Посланникъ.

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ, Іезуитъ.

СМАГА ЧЕРТЕНСКІЙ, Корела, козаки.

ДВОРЕЦКІЙ ШУЙСКАГО.

ЕФИМЪ, слуга Ляпунова.

ШУТЬ.

ИСТОПНИКЪ ПРИДВОРНЫЙ.

ДВѢЙСТВІЕ I.

(Сцена въ Кремлевскомъ Дворцѣ, по утру.)

Два стрѣльца и старый слуга придворный.

1-й стрѣлецъ.

Скажи-ка намъ, чпо видѣлъ ты, Ипапій?

СЛУГА.

Да, разскажи! Лышяи не могли
Пойми глядѣнь на Царскую забаву.

2-й стрѣлецъ.

Мы на часахъ, куда же намъ идти!

СЛУГА.

Слышь, разскажи! Нашелся имъ разскащикъ,
Спарикъ, болпунъ! Не бось, мнѣ дѣла нѣтъ,
Такъ сказки сказывай. (Молчатъ.) Чпо? разскажь?

СТРѢЛЬЦЫ.

Не нужно:

Часокъ пройдемъ, мы смѣнимся, тогда
Услышимъ все.

СЛУГА.

А опъ кого?

1-й стрѣлецъ.

Опъ Гришки.

СЛУГА.

Опѣ близорукаго? опѣ пьяницы? Спыдись!
Ему ли знашь? ему ли видѣшь! Близко
Подпускашь ли его къ Царю? Смопри!
Ему расскажешь Гришка! Спыдно, брашець!
На пьяницу ты свапа промѣнялъ.

1-й СТРЕЛЕЦЪ.

Да самъ же ты молчалъ.

СЛУГА.

Молчалъ! Ну, что же?

Вѣдь я усипалъ; вздохнушь хопѣлось. Чпо?
Аль рассказать?

2-й СТРЕЛЕЦЪ.

Да говори жъ скорѣй.

СЛУГА.

Ой молодежь! скорѣе да скорѣй!
Аль гонящся? (Спрѣльцы опходящъ съ досадою) Ну, слушай-
ше жъ! Сначала

Косыхъ сажали пары съ двѣ.

1-й СТРЕЛЕЦЪ.

Не бось

Чубарая опяшь повеселила?

СЛУГА.

Вопъ по-по нѣпъ. Ее паки съ хвоста
Бучинскаго собака оосакала.

1-й СТРЕЛЕЦЪ.

Бучинскаго?

2-й СТРЕЛЕЦЪ.

Чпобъ чорпъ его побралъ;
Все Ляхъ, да Ляхъ! У Ляховъ и собаки

Ръзвѣе нашихъ. (Ходить) Тошно: мочи нѣтъ!
 У нихъ все лучше, и нарядъ и кони,
 И мечъ оспрѣй и глазъ свѣпльй. Бѣда!
 Жипья ужъ нѣтъ ошъ эшихъ ппиць залепныхъ;
 Ну, къ чорпу ихъ! пора, пора!

СЛУГА.

Скажи,

Чпо сдѣлалось съ Семеномъ?

1-й СТРЕЛЕЦЪ.

Видишь, брашець:

У молодца красопочку опбилъ
 Усаспый Панъ; ошъ эшого такъ больно
 На нихъ сердишь онъ. Впрочемъ самому
 Досадно мнѣ, чпо Ляхи побѣдили;
 Ужъ вправду Русскимъ счастья нѣтъ ни въ чемъ.

СЛУГА.

Послушай-ка: получше послѣ будешь.
 Вопъ Ляхи подняли веселый крикъ,
 А мы со злоспи губы въ кровь кусали, —
 Тупъ Государь, (храни его Господь),
 Сказаль Боярамъ: знаю я навѣрно,
 Чпо нѣтъ во всей Москвѣ, ни у Бояръ,
 Ни у Дворянъ такой собаки дивной,
 Какъ у Бучинскаго.

2-й СТРЕЛЕЦЪ.

Не можешь бышь:

Не могъ нашъ Царь сказашь шакого слова;
 Насъ передъ Ляхами срамишь!

СЛУГА.

Не могъ?

Мнѣ каждое словечко слышно было
 Какъ пролипо. И правду вамъ сказать,
 Собака дивная; бѣла, какъ снѣгъ,
 Росла, спапна, съ напужиной, ногаспа,
 Глаза какъ звѣзды, изъ породы той,
 Чпо за моремъ; совсѣмъ почти безъ шерспи.

2-й СТРЕЛЕЦЪ (перебивая).

Да будь она красивѣй во спо разъ,
 Безъ шерспи вовсе, будь быспра, какъ ппица,
 Какъ соколъ на лепу,—я все скажу,
 Чпо здѣсь въ Москвѣ найду десяпокъ цѣлый
 Рѣзвѣй, спапнѣй, красивѣе ее.

1-й СТРЕЛЕЦЪ.

Поспой же, слушай.

СЛУГА.

Дай сказать порядкомъ.

Не выпергѣлъ погда нашъ добрый Князь,
 Нашъ свѣпъ Ивановичъ, Василій Шуйскій;
 Опдалъ поклонъ Царю и говорилъ,
 Чпо худшая, въ его муругой своръ,
 Заморскаго красавца осрамилъ.

1-й СТРЕЛЕЦЪ.

Вопъ славно!

2-й СТРЕЛЕЦЪ.

Здравье Шуйскому вовѣки!

1-й СТРЕЛЕЦЪ.

Вопъ испинный Бояринъ, Русской Князь!

2-й СТРЕЛЕЦЪ.

Ну, чпо же Царь?

СЛУГА.

Димитрій усмѣхнулся.

Собаку привели: огромный звѣрь,
Весь въ псовинахъ, широкій и угрюмый,
Ну, почный волкъ, а ноги какъ спруна.
Русакъ лихой былъ посаженъ далеко,
И въ полѣ загорѣлся, какъ свѣча.
Собаки сдержали и пустили разомъ ;
У насъ сердца, (ты вѣрь мнѣ, или не вѣрь)
Такъ бились, что смѣшно теперь подумать.

2-й СТРЕЛЕЦЪ.

Чтожъ псовой нашъ ? Разсказывай скорѣй.

СЛУГА.

Да гдѣ заморской пвой !

2-й СТРЕЛЕЦЪ.

Опспаль ?

СЛУГА.

Ну, почно

Какъ будто бы дворная.

2-й СТРЕЛЕЦЪ.

Исполать !

Да здравствуетъ нашъ Шуйской ! Что же Ляхи ?

СЛУГА.

И голосъ притаили.

2-й СТРЕЛЕЦЪ.

Что же Царь ?

СЛУГА.

Хвалилъ собаку будто бы съ досадой.

1-й СТРЕЛЕЦЪ.

Вотъ по-то и бѣда: нашъ Русской Царь ,
А какъ къ Полякамъ склонень!

СЛУГА.

Много слезъ

Отъ этихъ нехристей намъ будеть.

2-й СТРЕЛЕЦЪ.

Слезы ?

Да не было бы крови.

СЛУГА.

Тсъ !

2-й СТРЕЛЕЦЪ.

Молчу,

Да знаю про себя.

СЛУГА.

Попомъ былъ пущень

Тотъ старшій братъ, что бѣса изломалъ.

Ты понимаешь , чполь ?

4-й СТРЕЛЕЦЪ.

Медвѣдь, извѣстно.

СЛУГА.

Изъ Муромскихъ лѣсовъ, космачъ, глухарь.

Ужасно было поглядѣть. Охотникъ ,

Извѣстный удалецъ, спарикъ Валуй ,

Съ рогапиной къ нему пошелъ на встрѣчу,

Ударилъ въ грудь! медвѣдь взревѣлъ , и вмигъ

Рогатины не спало , и охотникъ

Лежалъ ужъ смятый подъ медвѣдемъ. . . . Тупь-по

Послушайте! . . . Какъ вскочилъ Царь, какъ схватилъ

Рогатину и мечъ. . . .

1-й СТРЕЛЕЦЬ.

Кто? Государь?

СЛУГА.

Да, Государь. Мы обмерли, и крикнушь
Никто не могъ. Очнулись,—ужь космачь
Лежалъ въ крови, съ опсѣченной лапой,
Съ разрубленной мордой, и надъ нимъ
Споялъ нашъ Царь, веселый и спокойный.

Князья сбѣжались, что-то говорили
Про Царство, про опасность; онъ въ опѣшь
Имъ показалъ охотника и молвилъ:
»Вы видите, что мой слуга спасенъ
Опъ смерти мною. Это день счастливый.«

1-й СТРЕЛЕЦЬ.

Вотъ добрый Царь!

2-й СТРЕЛЕЦЬ.

Вотъ смѣлый молодецъ!

СЛУГА.

И безъ Царя зарѣзали бѣ медвѣдя;
А еслибъ грѣхъ случился?.. Нѣтъ, по мнѣ
Не Царское то дѣло.

4-й СТРЕЛЕЦЬ.

Врешь, Ипашій:

Когда на звѣря онъ идесть одинъ,
Чтобъ Русскаго спасти, то вѣрно любитъ
Своихъ онъ подданныхъ.

2-й СТРЕЛЕЦЬ.

Одинъ съ мечемъ

На дикаго медвѣдя? Ну, Игнашьевъ,

Не залежимся мы въ Москвѣ; не шакъ
Какъ при Царѣ Феодорѣ.

СЛУГА.

Попише!

То Царь свяпой былъ.

1-й СТРЕЛЕЦЪ.

Свяпъ, да не по насъ.

2-й СТРЕЛЕЦЪ.

Теперь, шеперь мы въ биввахъ запируемъ.

Перешагнемъ предѣлъ земли родной,

И съ нами Царь, и копы засверкають,

И задымится мечъ въ крови чужой.

Порукой мнѣ беспрашная забава,

Чпо далеко промчится Русскихъ слава.

Да здраспвуетъ Царь Дмитрій!

СЛУГА.

Сохрани

Его Господь!

1-й СТРЕЛЕЦЪ.

Опъ Ляховъ.

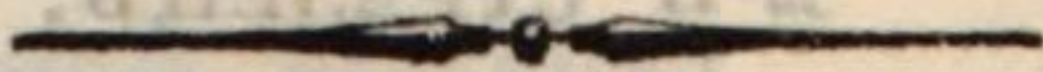
2-й СТРЕЛЕЦЪ.

Да, опъ Ляховъ.

О, эпопъ другъ опаснѣ врага!

входишь СТОЛЬНИКЪ.

Къ мѣспамъ: за мною Царь.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

САМОЗВАНЕЦЪ , БАСМАНОВЪ. (всѣ уходящѣ).

ДИМИТРІЙ садится (съ улыбкой).

Скажи, Басмановъ,

Чѣмъ думалъ ты о подвигѣ моемъ?

БАСМАНОВЪ.

Твой вѣренъ мечъ и духъ опваженъ: славно

Ударъ нанесъ ты, Государь.

ДИМИТРІЙ.

Не то!

Ты думалъ: Царь забылъ свой санъ высокій.

Забылъ народъ; лукавый взоръ бояръ

Изъ удалства пуспаго. Такъ ли?

БАСМАНОВЪ.

Думалъ.

ДИМИТРІЙ.

Скажи всю мысль свою. Мы здѣсь одни.

БАСМАНОВЪ.

Послушай, Государь. Я смѣло душу

Передъ побой раскрою. Больно мнѣ ,

Прискорбно всѣмъ твоимъ слугамъ надежнымъ

Глядышъ на то, какъ Царь идетъ одинъ

Сражаешься—съ кѣмъ? съ безсмысленнымъ живописнымъ;

Съ нимъ рѣжешься въ борьбу на жизнь и смерть,

И голову, надежду всей Россіи,

Державную, кладешь медвѣдю въ паспъ.

ДИМИТРІЙ.

Не велика опасносць, — смѣлымъ слава!

БАСМАНОВЪ.

Нѣтъ, эша чесць не для тебя. Пусць ею
Гордился псарь, слуга чужихъ пошѣхъ,
Хмѣльной Спрѣлецъ, безпечный и хваспливый,
Иль юноша, не зрѣвшій бранныхъ сѣчь,
Не алчущій кровавыхъ приключеній.
Имъ эша чесць прилична, не тебѣ,
Правишлю народовъ многихъ. Вспомни:
Слыхалъ ли ты, чѣмъ прежніе Цари,
Владыки мудрые.....

ДИМИТРІЙ (перебивая).

Поспой, Басмановъ!

Ихъ жизнь ты вспомни и мою: сравни!
Взлелѣяны опѣ самой колыбели
Родилелей заботливой рукой,
Они росли средь пышности и нѣги;
Толпы бояръ послушно сперегли
Всѣ прихопы балованныхъ младенцевъ
И опроковъ безпечные шаги;
Чѣмъ конь не вздрогнулъ подѣ драгою ношей,
Чѣмъ рѣзкій вѣпръ въ ихъ лица не пахнулъ,
Чѣмъ мухи дерзко не жужжали
Вкругъ почивальни золопой,
Гдѣ сны роскошные лепали
Надѣ полуцарской головой.
Смѣшно подумашь! — Ахъ! не та наука
Доспалась мнѣ: Димитрій бѣдный росъ
Въ изгнаніи, скипаясь по вершепамъ.

Дремучій лѣсъ, небесъ пуспынныхъ кровь
 Жилищемъ были мнѣ, а ножъ защипой;
 Тамъ я ходилъ съ медвѣдями на бой,
 Я ихъ разилъ для жизни, для забавы,
 Для упоенья чуднаго огня,
 Опъ юныхъ лѣтъ помившаго меня
 Надеждами могущесхва и славы.
 Мнѣ весело по время воспоминашь!
 Тогда едва я видѣлъ, какъ въ шуманѣ
 Карпины дѣшсхва, пышный Дворъ. Едва
 Я помнилъ будпо сонъ несвязный, спранный,
 Чпо кровь Царей печепъ во мнѣ. . . Теперь
 Все снова ясно спало.

БАСМАНОВЪ.

Провидѣнье

Тебя вело.

ДИМИТРІЙ.

Благодарю судьбу.

Когда бъ она меня не научила
 Съ младенчесхва опчаяннымъ борбамъ,
 Свершилъ ли бы я подвигъ свой тяжелый?
 Медвѣдя взявъ въ берлогъ снѣговой,
 Его тащилъ рукою безоружной,
 Все это шутка. . . Но воспашъ, какъ я,
 Пропивъ Царя Бориса,—вздумаъ спрашно! . . .
 О! эпопъ Годуновъ былъ исполинъ,
 Лукавъ, хиперъ, своей высокой славой
 Онъ полнилъ мѣръ, и я пошелъ на бой
 Одинъ, одинъ,—лишь съ именемъ забытымъ,
 Да съ совѣспью Бориса. Я позвалъ

Могущаго къ опвѣсту за злодѣйство
И за престола похищенный.

БАСМАНОВЪ.

Великъ

И спрашенъ подвигомъ твоимъ.

ДИМИТРІЙ.

Еще другіе

Меня зовутъ. Благодарю судьбу!

Сыны дворцовъ, пиномцы праздной нѣги,

Цари парчей и бархатовъ! для васъ

Былъ радостенъ вашъ перемъ позлащенный;

Но для меня трубы призывный гласъ

И вѣрный мечъ и конь и спанъ военный,

И въ вражеской землѣ кровавый бивъ часъ. . . .

Въ Россіи пѣсно, другъ Басмановъ, пѣсно.

БАСМАНОВЪ.

Созрѣешь ли высокій думы плодъ?

Исполнялся ль твой предначертанья?

Прелестны Дворъ и роскошь и Москва.

ДИМИТРІЙ.

Ты за меня боишься ихъ? Увидишь:

Я въ праздности не падаю душой

И прежнихъ дней суровый опытъ помня,

Еще люблю въ пошвахъ удалыхъ

Обманываешь живое неперенѣе,

Просящее опасностей другихъ. . . .

Но впрочемъ ты, Басмановъ, правъ. Я знаю,

Что много глазъ коварныхъ вокругъ меня,

Припворспвуютъ мои Бояре. Трусые

Опважноспи смѣются.

БАСМАНОВЪ.

А народъ ?

ДИМИТРІЙ.

Народъ отвагу любитъ.

БАСМАНОВЪ.

Царь Димитрій !

Не въ Польской ты спранъ, гдѣ Панъ Король

Начальникъ Пановъ, равный имъ. Россія

Возводишь взоръ къ увѣчанной главѣ

Какъ къ дивному Творца изображенью,

Къ избранному любимцу горнихъ силъ.

Вокругъ его и свѣтъ и страхъ глубокий

И таинства невидимый покровъ.

Не часно, не безъ блеска, не въ одеждѣ,

Едва приличной Дворянину, любитъ

Народъ глядѣть на Русскаго Царя.

ДИМИТРІЙ.

Какой Монархъ съ такимъ великолѣпьемъ

Средь подданныхъ являлся ? Вкругъ себя

Кто собиралъ споль пышный дворъ ?

БАСМАНОВЪ.

Тогда ли,

Когда одинъ по улицамъ Москвы

Въ нарядѣ Польскомъ ходишь ты, и нищій

Едва Царю киваетъ головой ?

Иль въ поржесствахъ, при бубнахъ и липаврахъ,

Когда къ тебѣ иѣснился гордый Венгръ

И наглый Ляхъ, какъ спая пшицъ зловѣщихъ,

Безчинные, пропивные глазамъ ?

ДИМИТРІЙ (съ улыбкой).

Я зналъ, что ты про Ляховъ не забудешь.

БАСМАНОВЪ.

Забыть про нихъ! о какъ бы я желалъ
Не видѣть ихъ, не поминать! О, скорѣе
Опъ нашихъ глазъ въ ихъ родину гони
Весь эполъ полкъ пришельцевъ ненасытныхъ,
Нахлынувшихъ на Русскую спрану.
Намъ душно, Царь, намъ тѣсно, сердцу больно!

ДИМИТРІЙ.

Они опважно, вѣрно служатъ мнѣ,
А Русскіе колеблущся, и шапки
Ихъ помыслы. Скажи, Басмановъ, самъ:
Забыты ли всѣ сказки Годунова?
Забыты ль всѣ сомнѣнья обо мнѣ?

БАСМАНОВЪ.

Досель молчапъ, но тайно ходипъ ропопъ
И многіе не вѣряпъ чудесамъ.

ДИМИТРІЙ.

Не вѣряпъ чудесамъ? а ты?

БАСМАНОВЪ.

Димитрій!

Мою любовь ты знаешь; для чегожъ
Ее пыпашъ вопросомъ бесполезнымъ?

ДИМИТРІЙ.

Но тайныя сомнѣнья! . . .

БАСМАНОВЪ.

Не спрашисъ:

Еще любовь къ тебѣ не оспываетъ,

125212

Еще пверда присяга; но Москва
 Скорбишь, глядя въ молчаніи суровомъ
 На дерзкую надмѣнность Поляковъ.
 О, опгони ихъ! Въ часъ грозы народной
 Безсильные престола не спасушь,
 Къ чему жъ они? Брось слабую защипу,
 Пропивную всѣмъ подданнымъ пвоимъ :
 Спряхни съ порфиры прахъ чужаго края !
 На славу предковъ смѣло опершись,
 Спань средь Бояръ, средь вѣрнаго народа
 Съ могущеспвомъ всей Русской спороны,
 Иноплеменныхъ ужась, бичь спроппивыхъ,
 И милоспивъ и крошокъ и правдивъ.

ДИМИТРІЙ.

О, ты не знаешь, Пепрь, какіе узы
 Незримые опушали меня.
 Но я шеперь распоргну ихъ. Рангони
 И Квицкій явяпся ко мнѣ. Внимай
 Какъ будушь сладки ихъ слова, какъ хипры,
 Какъ будешь пвердъ Димипрія опвѣшь !
 Опасны эшихъ Ксендзовъ рѣчи. Лююпся
 Какъ медъ, а цѣпью вьюпся вокругъ души;
 Но цѣпь распоргну и свободной грудью
 Въ обяпнія Россіи брошусь я.

ВХОДИТЬ БОЯРИНЪ.

Великій Государь ! Тобой призванный,
 Идешь Посоль опъ Римскаго Двора.

ДИМИТРІЙ.

Введи сюда.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

входящъ РАНГОНИ И ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

РАНГОНИ.

Да здраспвуетъ Димитрій,
Россіи Царь великій !

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Да пошлетъ
Тебѣ Господь свое благословенье !

ДИМИТРІЙ.

Благодарю. Рангони, Паперъ Квицкій!

Уже давно желали вы предспасть

Передъ меня и пайно веспъ бесѣду

О будущихъ намѣреньяхъ моихъ ;

Но дни мои доселѣ были полны

Забобы паяжкой, и ближайшій прудъ

Не оспавлялъ часовъ далекимъ думамъ.

Теперь могу внимасть вамъ.

РАНГОНИ.

Государь !

Съ пѣхъ самыхъ поръ, какъ ты подъялъ знамена

Какъ крылія могущаго орла,

Свидѣтель міръ пвоею славой полный ,

Чпо жизнь пвоя не въ праздноспи шекла,

Чпо много дѣлъ мечемъ на рапномъ полѣ

И мудроспью въ совѣтѣ ты свершилъ.

Твоей спранъ завидуюпъ чужія;
 Но радостью сіяешъ древній Римъ,
 И веселясь опрадою духовной,
 Пешрова спада паспырь, вѣрныхъ вождь,
 Апоспольской благословляешъ дланью
 Тебя, молодой, любимый церкви сынъ.

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Прославилась Всевышняго десница.
 Святой опецъ и мы, небесныхъ силъ
 Смиранные служители, не даромъ
 Всечасною и шеплою мольбой
 И благодапъ и силу призывали
 И шоржесиво оружію швоему.

ДИМИТРІЙ.

Да: правда побѣдила.

РАНГОНИ.

ДѢЛЪ ШВОИХЪ

Заря горипъ надеждами и славой;
 Но скоро ль день наспанешъ?

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Ты досель

Благословенъ. Очиспилася нива
 И на межъ споипъ гошовый плугъ.
 Возспанъ, возспанъ, орапай неусыпный!
 Начни съ упра Творцу угодный шрудъ:
 Опкрой бразды глубокія, да възидешъ
 Благая жапва въ Русской споронъ.

РАНГОНИ.

Въ Ишалію я возвращуся снова,

Передъ лице Преемника Петра,
 Сказахъ ли мнѣ, что Царь Россіи юный
 Въ обѣдахъ швердъ и праведенъ въ дѣлахъ?
 Сказахъ ли мнѣ, что ревностной рукою
 Надъ Русію свѣпильникъ онъ зажжешъ
 Спасительной, покорной Риму вѣры?

ДИМИТРІЙ.

Рангони! Богъ даешъ успѣхъ. Но я
 Не позабылъ священныхъ обѣщаній.

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Какой залогъ намѣреній своихъ
 Димитрій дашъ?

ДИМИТРІЙ.

Сомнѣніе обидно!
 Какихъ залоговъ просишь Ксендзь?

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Тяжелъ
 Лишь первый шагъ. О, поспѣши скорѣй
 Его спунишь! Залогомъ будешь онъ,
 Поручкою пвоей державной воли.

ДИМИТРІЙ.

Чего пы просишь? говори!

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Того,
 Чпобы слугамъ единой вѣры чиспой
 Дозволилъ пы вездѣ въ пвоихъ земляхъ
 И церкви строишь и звучащей мѣдью
 Всѣхъ хрисіянъ къ служенью собирашь

И дивныя Всевышняго щедроты
 Торжественной молитвой призываю,
 Чпобы въ Кремль —

БАСМАНОВЪ (перебивая).

Въ Кремль!

ДИМИТРІЙ.

Твоихъ желаній

Я не могу исполнить. Вспыхнесть бунтъ
 И рушится недавнее созданье.
 Я обѣщанья помню; но новѣрь,
 Теперь исполнить ихъ не въ силахъ. Послѣ,
 Быть можетъ скоро...

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

О, не оплагай,

Не оплагай благаго дѣла. *Послѣ*
 Обманщикъ злой, дѣяній славныхъ врагъ,
 И праздношп и лѣни другъ. О, вспомни
 Какъ дорогъ часъ, какъ время коронко.
 Орапай ждесть, орапай спить, а поле
 Ужъ терніемъ упорнымъ поросло.

ДИМИТРІЙ.

Безуменъ попъ, кпо съ неперпѣньемъ жаднымъ
 Драгихъ плодовъ бросаепъ сѣмена,
 Когда поля покрыпы льдомъ весеннимъ.
 Народъ упрямъ.

РАНГНИ.

Московскій держишь Царь

Серца людей въ своей могучей волѣ.

ДИМИТРІЙ.

Рангони ! Русскій любишь горячо
Семью, опчизну и Царя; но боль,
Но пламенный, сильнее любишь онъ
Залогъ другой и лучшей жизни — вѣру.

РАНГОНИ.

Борьба шрудна—награда велика.

ДИМИТРІЙ.

Пресполь мой новъ, зыбка моя держава,
И мнѣль шеперь съ повѣрьемъ вѣковымъ
Въ неравный бой вступаешь не оспорожно?
О, дайше срокъ: съ моею доброй Русью
Сроднюся и шрудами и добромъ;
Чпобъ хипрые рассказы Годунова
Забылъ народъ, чпобъ швердо вѣрилъ онъ
Чудесному спасенію младенца,
Тогда. . . .

РАНГОНИ.

Но скоро ль?

ДИМИТРІЙ.

Эшопъ мечъ не чисишь :

Опрысканъ онъ моихъ же Русскихъ кровью
Соопчичей, дѣшей. О, дайше срокъ!
И я тебя, мой добрый мечъ, омою
Въ крови чужой, въ крови сосѣдей злыхъ,
И пламенную грудь я освѣжу борьбою
За нашу Русь, за край опцевъ моихъ.
И ропопъ тайнаго сомнѣнья,
И злобой хипрою въ сердцахъ разлишый ядъ,

Все унесетъ порывный вихрь сраженья,
 Побѣдны крики заглушатъ ;
 И спану съ силою свободной,
 Законный Царь и Царь любви народной. —
 Рангони, не сердись, опецъ свяшой,
 Не воздыхай такъ пѣжко. Первымъ дѣломъ
 Обрадуешь весь Христіянскій міръ ,
 Войною съ Турками.

РАНГОНИ.

Святое дѣло

И славный подвигъ предъ лицомъ Творца !

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Но во спо крапъ еще благословенный
 Тогда бѣ онъ былъ, когда бы Царь сперва
 Разсѣялъ мракъ воспочнаго ученья.

ДИМИТРІЙ.

Всему чреда.

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Тогда бы за побой

Не Русь одна, но всей Европы сила
 Помчалася, какъ пламенный пошокъ.
 Помазанный въ вожди Христовой рапи
 Свяшпеля всемірнаго рукой. . . .

ДИМИТРІЙ (перебивая).

Оспановись! Опъ имени ль Владыки
 Ты общаешь мнѣ?

РАНГОНИ.

Я въ помъ клянусь.

ДИМИТРІЙ.

Какой мнѣ пупъ открытъ! Какая слава,
Какая цѣпь блистательныхъ побѣдъ!
При радостныхъ рукоплесканьяхъ міра,
Пойду къ боямъ за Божій крестъ святой,
И силу адскаго кумира
Попру могущею пяпой.

Пойду къ боямъ! народы вслѣдъ за мною
Спрямятся какъ разливъ бунтующихъ морей;
И Русь моя другихъ Державъ главою,
И Русскій Царь главой другихъ Царей.
Передо мной во прахъ падутъ препоны,
И врагъ бѣжитъ какъ упренная шѣнь. . . .
О, южный выпрь, развѣй мои знамены!
Возстань скорѣй желанной битвы день! —
Да! Риму покорюсь. Опасно, трудно,
Но велика награда.

БАСМАНОВЪ.

Напередъ

Ты подданнымъ скажи, что ихъ молитвы
Доселѣ грѣшны были, вѣра ихъ
Противна Богу, ихъ младыя дѣши
Не крещены и предки не опыты,
Угодниковъ неплѣнные шѣла,
Источники чудесъ и исцѣленій,
Остапки злыхъ ерешиковъ.

ДИМИТРІЙ.

Поспой,

Мой спрогій другъ: въ порывѣ думъ отважныхъ
Я невозможнаго желалъ.

ПАТЕРЬ КВИЦКІЙ.

О Царь !

Для смѣлыхъ душъ и для могущихъ воли
 Возможно все. Гдѣ злопо и булапъ
 И мудрый умъ и швердая десница,
 Тамъ чудныя свершающа дѣла :
 Сокровища сзываютъ иноземцевъ
 И воиновъ и хипрыхъ воеводъ,
 Булапъ казнятъ ослушниковъ, и цѣпи
 Ведутъ къ добру безсмысленный народъ.

ДИМИТРІЙ.

Мой хипрый Ксендзь! Твою я понялъ душу.
 О! »будыте яко зми« — глубоко
 Начерпано въ успавѣ Іезуишовъ,
 И швердо, Квицкій, помнишь пы его.
 Но пы ошибся, Ксѣндзь! Уроки ваши
 Опъ юноспи Димитрія вели;
 И многому его вы научили
 И много шайнъ опкрыли передъ нимъ.
 Но Русской я, но въ эшихъ льпся жилахъ
 Не западная кровь; но Русскій край
 Мнѣ всѣхъ земель спо разъ дороже, краше,
 Мнѣ ближе всѣхъ мой доблесный народъ.
 И чпобы я рукою иноземцевъ
 Его какъ звѣря дикаго сковалъ,
 Грозой цѣпей, грозой мечей наемныхъ
 Его главу предъ Римомъ преклонялъ!
 Тому не бышь.—Бояре ждупъ; Басмановъ,
 Введи сюда.

БАСМАНОВЪ (въ дверяхъ).

Васъ Государь зовешъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Входятъ БОЯРЫ.

ДИМИТРІЙ.

Здоровы ли Бояре и Дворяне,
Жилыцы и вся Московская земля?

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Россійскій край цвѣшетъ пшвей державой
И за тебя, великій Государь,
Всечасныя молитвы возсылаетъ.

ДИМИТРІЙ.

Благодарю. Я радуюсь душой
Спокойствію и тишинѣ глубокой
Всѣхъ подданныхъ и вѣрныхъ слугъ моихъ.
Да никогда на Царствѣ православномъ
Не взидетъ пѣнь лукавства и крамоль,
Да будетъ Царь всемогущъ вашей силой,
Безъ помощи сомнительныхъ друзей. —
Князья Мстиславскій, Шуйскій, Лыковъ, съ вами
Мы нынѣ дѣло важное рѣшимъ
О просьбѣ слугъ церковныхъ. Папріарха
Я пригласилъ, чпобъ свѣтъ его ума
Намъ указалъ путь истины и правды.

КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКІЙ.

Ты, Государь, свѣпильникъ Думы всей,
Тобою мы озарены.

ДИМИТРІЙ.

Сушуповъ

И Власевъ! завтра рано поутру
Явипеса; пора уже назначишь
Кому изъ васъ опиравишься въ Липву
За юною, прелестною невѣспой,
Съ кошорою пресполю свой раздѣлю.

Стрѣльцы въ углу. 2-й СТРЕЛЕЦЪ.

Съ Полячкой, слышишь?

1-й СТРЕЛЕЦЪ.

Тише! ты вздурился.

ДИМИТРІЙ.

А! Князь Скопинъ, великій мечникъ мой!
Здоровъ ли ты? Не радоспенъ Липовцамъ
Твой родъ опважный. Псковъ и швой опецъ
Великаго Стефана сокрушили.
Мой юный Князь, не забывай опца.

КНЯЗЬ СКОПИНЪ ШУЙСКІЙ.

Великій Царь! когда его уроки
Забуду я, не дай мнѣ жизни Богъ!

ДИМИТРІЙ.

Бояринъ Пепръ! по взгляду видѣнь соколь;
Люблю его! — Хрущовъ и Князь Рубецъ!
Опъ васъ былъ первый мнѣ привѣшь въ Россіи;
Всегда вамъ радъ Димитрій. Въ грудь мою
Незлобную вложилъ Всесильный душу:
Обида въ ней какъ слѣдъ весла въ водѣ;
Глядишь — и нѣтъ! а каждая услуга

Врѣзается какъ въ мѣди вѣковой. —

Чпо, Пушкинъ! ожилъ ли мой бѣлый соколъ?

ПУШКИНЪ.

Уже здоровъ и скоро, Государь,

Повеселишь тебя своимъ полешомъ.

ДИМИТРІЙ.

Благодарю, Микулинъ! Всѣ спрѣльцы

Покорны, чинны и охотны къ службѣ.

Ихъ пвердый спрой мнѣ душу веселишь,

Тебѣ и имъ двойной окладъ назначенъ.

МИКУЛИНЪ.

О Государь! дѣлами заслужишь

Позволь свои безмѣрныя щедроты.

ДИМИТРІЙ.

На рапиомъ полѣ? скоро! — Ляпуновъ!

Твои Рязанцы буйны. Кпо съ побоею?

ЛЯПУНОВЪ.

Мои сыны, великій Государь,

Прибывшіе въ Москву для службы Царской,

Прокофій и Захарій.

ДИМИТРІЙ.

Молодцы!

Но, Ляпуновъ, уйми своихъ Рязанцовъ,

Иль я уйму. — А! Яковъ Маржерепъ

И Вандеманъ, здѣсь, среди Русскихъ. Славно

Служили вы Борису. Для меня

Не надобно хранипелей наемныхъ,

Защитой мнѣ любовь, а не булашь;

Но помню васъ. Веселый Маржеретъ !

Въ походъ со мной пойдемъ пвоя дружина ,

И эпа спаль къ ножнамъ не прироспешъ.

МАРЖЕРЕТЪ.

Мой сабли, Сирь, всегда къ пвоимъ услугамъ.

СТРѢЛЕЦЪ (въ углу).

Вишь хрюкаетъ Французская свинья.

ДИМИТРІЙ.

Корела, Смага, храбрые Донцы,

Сподвижники надежные во брани!

Вамъ нравиися ль преспольная Москва?

Иль буйныя головушки поскуютъ

По родинѣ и по Донскимъ спешамъ ?

КОРЕЛА.

Здѣсь хорошо и памъ не дурно : сыпы

Мы милоспью пвоею, Государь.

СМАГА.

Свыплѣйшій Царь! всего въ Москвѣ довольно

И славная хлѣбъ-соль для молодцовъ ,

Но —

ДИМИТРІЙ.

Чпожъ еще? досказывай смѣлѣ.

СМАГА.

Здѣсь, кромѣ рша, весь плесню зараспешъ.

ДИМИТРІЙ.

Ты говоришь по мнѣ.

БАСМАНОВЪ.

Вчера, я слышалъ,
Онъ пѣсню пѣлъ, и былъ ея припѣвъ :
Поле! да бой
Для вапаги лихой,
Лучше дворцовъ и Москвы золопой.

ДИМИТРІЙ.

Ты, Смага, правъ.—А это кто, Басмановъ?
Какой-то нищій. Кто ты?

ДЬЯКЪ ОСИПОВЪ (на колѣняхъ).

Государь!

Услышь мое прошенъе. Власъ закона
И милоспи шеперь въ швоей рукъ,
Услышь меня.

ДИМИТРІЙ.

Твоей я просьбѣ внимлю.

Вѣсы и мечъ ввѣряешъ Богъ Царямъ,
Да никогда ни злопо, ни крамола,
Ни хитрый умъ, ни сильная рука
Надъ правдою въ судахъ не торжествуюшъ.
О чемъ ты просишъ, спарецъ?

ДЬЯКЪ ОСИПОВЪ.

Объ одномъ:

Будь справедливъ!

ДИМИТРІЙ.

Твои безумны рѣчи:

Какъ праведно сужу своихъ людей,
Такъ Богъ меня да судишъ въ день послѣдній.
(Къ боярамъ) А вы, Бояре Думные, сюда!

ДЬЯКЪ ОСИПОВЪ (вспавая).

Внимай же мнѣ, Григорій бѣглый инокъ !

Осавъ пресполъ и кайся ! Не швое

Наслѣдіе попомковъ Мономаха.

Вънецъ злапой и бармы не швои.

Осавъ пресполъ ! побою совершились

Чудесныя Всевышняго судьбы ,

Свершилась казнь надъ родомъ Годунова ,

Свяпоубійцы. Но осавъ пресполъ

И грѣшный духъ очисти покаяньемъ ,

Григорій бѣглый инокъ !

ДИМИТРІЙ (опѣбгая).

Захвапишь !

Связашъ , пыпашъ ! А ! онъ безумный шолько .

БАСМАНОВЪ.

Подалье, Бояре, опъ Царя. (Всѣ уходящъ въ глубь Театра).

ДИМИТРІЙ.

(Громко) Безумецъ ! (тихо) А ! что скажешь ты, Басмановъ ?

Борись воскресъ ! вновь началась борьба !

И это первый шумъ грядущей бури.

БАСМАНОВЪ.

Спокойся, Царь !

ДИМИТРІЙ.

Мнѣ больно ; я хопѣлъ

Въ обьяшья къ нимъ опдапья ; но безумно

Они меня опвергли. Какъ хопашъ ,

Такъ будешъ имъ ! Кровавыя опалы ,

Злой Іоаннъ, коварный Годуновъ ,

Поспѣдное насилѣ иноземцевъ,
Все имъ опдаспся.

БАСМАНОВЪ.

О! оспановись!

Еще слова звучапъ безъ опголоска,
И Царь любимъ.

ДИМИТРІЙ.

Ты ихъ не знаешь, Пепръ.

Народъ не швердъ, лукавспвуюпъ Бояре. . . .
Взгляни на нихъ. Они молчапъ. Глаза
Попупили, чпобъ взоръ неоспорожный
Не обличилъ ихъ шайныхъ, злобныхъ думъ,
Чпобъ радости въ ихъ лицахъ не видалъ я;
Но знаю ихъ.

БАСМАНОВЪ.

Обманчивъ первый шагъ,

Подумай, Царь!

ДИМИТРІЙ.

Нѣпъ. Квицкаго уроки

Мнѣ памяшны. Въ началъ заговоръ
Я задушупъ; наемными руками,
Я укрьплю надъ буйными главами
Ярма пшяжелого позоръ.

БАСМАНОВЪ.

Не шоропись, не раздражай Россіи.

ДИМИТРІЙ.

Оспавъ меня, не прапъ напрасныхъ словъ.

БАСМАНОВЪ.

Кшо не спѣшипъ,—не каешся.

ДИМИТРІЙ.

Пустое !

Не слушаю. . . . Супуповъ ! допроси
Преспупника, скажи ему. . . не нужно :
Самъ допрошу. Какого званья ты ?

ДЬЯКЪ ОСИПОВЪ.

Я Осиповъ, въ крещеніи Тимоѳей,
Приказный дьякъ.

ДИМИТРІЙ.

Скажи, безстыдный лжець.

Ты зналъ ли то, что жизнью заплапишь
За клевету и дерзоспную рѣчь ?

ДЬЯКЪ ОСИПОВЪ.

Я зналъ и не боялся.

ДИМИТРІЙ.

Опведите

Его на казнь; чпобъ долго онъ спрадалъ ,
Чпобъ памяшью его жестокой смерпи
Безумная смирилася вражда.

ДЬЯКЪ ОСИПОВЪ.

О, обратись къ Творцу ! Молишвой шеплой
Проси его, да твоей проспишся грѣхъ.

БАСМАНОВЪ.

Ведите !

ДИМИТРІЙ.

Спой ! я выдумаю муки

Ужаснѣ всѣхъ казней прежнихъ дней. —

Но назови наславниковъ ! Прощенье

И милости и Царскіе дары
Я дамъ тебѣ.

дьякъ осиповъ.

Ихъ было двое.

димитрій.

Двое?

дьякъ осиповъ.

Наставникъ первый, Богъ,

Котораго Григорій забываетъ.

Другой . . . онъ здѣсь, онъ входитъ въ пшвы чертогъ,

Онъ шепчетъ всѣмъ пшвымъ обмановъ повѣсть.

димитрій.

Онъ здѣсь! о, назови, и я тебя

Помилую, простишь клянуся.

дьякъ осиповъ.

Совѣсть.

димитрій.

Сообщникъ кто?

дьякъ осиповъ.

Они не нужны мнѣ.

димитрій.

И ты одинъ пришелъ, обманщикъ дерзкій,

Въ моемъ дворцѣ, средѣ вѣрныхъ слугъ моихъ,

На голову свою призванъ гибель?

Не вѣрю я.

дьякъ осиповъ.

О, невольдомъ пущь,

Которымъ Богъ ведетъ свои творенья;

И, правимый невидимой рукой,
 Ты Божій мечъ, карашель преступленья
 Лежащаго надъ Рускою спраной.
 Не посрами его могущей длани,
 Опомнися, Григорій, скинь вѣнецъ.
 Свяпоубійцы нѣпъ, умолкли брани,
 Земля чиста, прудамъ швоимъ конецъ.
 О, за себя какъ долго я молился
 Чтобъ, лживый Царь, шы Божьей воля вняль!...
 И прапезой небесной укрѣпился
 И предъ побой, какъ совѣсть, я предспаль!

ДИМИТРІЙ.

И полько?

ДБЯКЪ ОСИПОВЪ.

Ныпъ; я думаль, что Бояре —

ДИМИТРІЙ (къ Басманову).

Ты слышишь ли? Я эшо зналь.

ДБЯКЪ ОСИПОВЪ.

Но ныпъ:

Они молчашъ, они дрожапъ. За злопо
 Свяшую Русь и душу продаюпъ.

ДИМИТРІЙ.

Безспыдный лжець! шы видишь, здѣсь Мспиславскій!
 Спроси его; вопъ креспъ его опща.

Князь Шуйскій здѣсь: спроси его, онъ видѣль

Чпо въ Угличѣ убійцами сраженъ

Не Царскій сынъ, наслѣдникъ Іоанна...

(Къ Шуйскому) Ты помнишь, Князь?

князь шуйскій.

Я. . . . помню.

Димитрій.

Слышишь самъ.

Возьми его, Микулинъ, и скорѣ
Вели казнишь. (Осипова уводящъ). А ты, Бояринъ Пепръ,
Сбери опять Дружину Маржерета,
Чшобы Спрѣльцевъ на спражѣ замѣнишь.

2-й стрѣлецъ.

Игнапьевъ! слышь? насъ гонящъ!

димитрій.

Вѣрнымъ Нѣмцамъ

Каполикамъ даю въ своемъ Кремлѣ
Священника и церковь и служенье.

Басмановъ.

О Государь!

димитрій.

Исполнишь! (подходя къ Поляку) (*). Здравствуй, Паиъ,
И вы, мои поварищи! Сегодня
Я васъ зову на Царскую хлѣбъ соль.
А вы, Бояре думные, за мною. (Уходитъ).

князь шуйскій (Басманову).

Бояринъ Пепръ, прошу тебя, скажи
Державному Царю, что я. . . . Внезапно. . . .
Такъ боленъ. . . . видишь самъ.

(*) На сценѣ Поляки, съ которыми Димитрій сначала не гово-
рилъ.

БАСМАНОВЪ.

Исполню, Князь. (Уходитъ).

(Въ полнѣ голоса:)

1-й.

Смотрише, Князь Василій. . . .

2-й.

Какъ онъ блѣдень,

Какъ онъ ослабъ

3-й.

Вспревожилъ дерзкій Дьякъ.

4-й.

Опѣ спрахъ я и самъ себя не помнилъ.

4-й.

А Поляковъ къ обѣду звалъ.

КНЯЗЬ СКОПИНЪ ШУЙСКІЙ.

Въ Кремль,

Въ свяпомъ Кремль Лапынская обѣдня! —

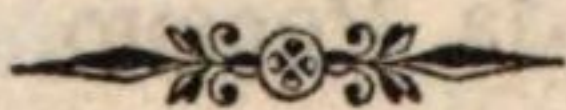
(Къ Шуйскому) Ты боленъ, дядя.

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Возвращись домой,

Я скоро буду самъ.

(Всѣ уходитъ, кромѣ Князя Шуйскаго и Прокофья Лапунова).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Ты здѣсь, Прокофій?

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Князь Шуйскій! чпо съ шобой?

князь шуйскій.

Мнѣ тяжело ;

Я нездоровъ.

прокофій ляпуновъ.

О, эшопѣ Дьякъ безумный !

князь шуйскій.

Безумный? почему же ?

прокофій ляпуновъ.

Наглый лгунъ

И клеветникъ !

князь шуйскій.

Ты развѣ правду знаешь ?

прокофій ляпуновъ.

Не мнѣ, но многимъ вѣдома она.

Я спаршимъ вѣрю.

князь шуйскій.

Онъ теперѣ казнень,

Мнѣ жаль его.

прокофій ляпуновъ.

Ты слишкомъ добродушенъ.

Приказному ли Дьяку опдана

Опечеснѣва судьбина? За Россію

Ему ли дашь опвѣтъ? И онъ пришелъ

Въ собраніи Бояръ, Дворянъ, народа,

Оклеветашъ законнаго Царя !

О, смерть одна пресупнику такому

Мала.

князь шуйскій.

И онъ , какъ мученикъ, умреть.

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Нѣтъ: не Царя онъ обличалъ въ обманъ,
 Не на его главу проклятье звалъ;
 Но всѣхъ Бояръ безмолвныхъ и покорныхъ
 Онъ уличалъ въ бездушіи. Смѣшно!
 Повѣрялъ ли, что Рюрика попомки
 Предъ Самозванцемъ, воромъ, бѣглецомъ,
 Смиренныя колѣна преклоняющъ,
 Забывши долгъ и санъ и кровь опцевъ?

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Ты думаешь?...

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Въ моей Рязани дальной

Мнѣ говорилъ духовный мой опецъ:

»Идешь въ Москву, Прокофій, памъ крамола,

Тамъ клевета; не вѣрь имъ, взоръ вперѣ

Въ высокій родъ Владимира Свяшаго.

Князь Шуйскій памъ: онъ Руси не продаспъ,

Онъ не продаспъ Москвы съ ея свяпыней,

На мудрую и гордую главу

Не призовешъ анаемы церковной.»

Такъ говорилъ свяпой опецъ,—и я

Ему клялся, что Князь Василій будешъ

Моимъ вождемъ въ предбудущемъ пупи,

Въ пупи шрудовъ за родину и правду.

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ (задумчиво).

Анаемы церковной на себя

Не призовешъ?....

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Но Шуйскій самъ свидѣтель
Димитрію законному Царю.

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Онъ не продася Москвы съ ея святыней! . . .

Какъ ты хорошъ, преспошный градъ Царей,

Богатствъ и силъ и благодати полный!

Какъ свѣпяся главы твоихъ церквей,

Какъ движущся народа шумны волны!

И эпошь славный Кремль! . . .

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Теперь въ Кремль

Услышися Лапинская обѣдня

Среди гробовъ Угодниковъ Святыхъ.

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

О Боже мой!

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Пусть онъ шворитъ, что хочетъ,

Нашъ юный Царь. Князей великихъ сынъ

И Суздальскихъ владѣтелей попомокъ,

Одинъ въ Руси вѣнца достойный Князь,

Глава Бояръ, народа вождь любимый,

Сказалъ намъ всѣмъ, что ты законный Царь.

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Пойдемъ, пойдемъ: я обличу бродягу,

Анаемы на душу не приму. (Уходящъ).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

СТРѢЛЬЦЫ.

2-й СТРЕЛЕЦЪ.

Какъ бѣдный боленъ!

1-й СТРЕЛЕЦЪ.

Какъ перемѣнился!

Едва бредешь.

2-й СТРЕЛЕЦЪ.

Ошеломило, брашъ.

Подумай самъ, свяпынъ поруганье!

1-й СТРЕЛЕЦЪ.

Да наше ль эпо дѣло?

2-й СТРЕЛЕЦЪ.

А спрѣльцовъ

Съ двора долой!

1-й СТРЕЛЕЦЪ.

Да, признаюсь, больно.

2-й СТРЕЛЕЦЪ.

Или его не можемъ охранить?

Иль эпа грудь и эпи руки слабы?

Иль чужды намъ пищали и бердышъ? . . .

Не вѣришь намъ, — добро, — узнаешь Нѣмцевъ,

Извѣдаешь онъ вѣрность Поляковъ.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

входишь Шутъ.

1-й СТРЕЛЕЦЪ.

Идущъ сюда.

2-й СТРЕЛЕЦЪ.

А, это Князь попѣшный.

Царя забавникъ, сирѣчь, шущъ.

шутъ.

Молчи!

Доспанелся проклятымъ. Слушай пѣсню!

(Поешь) Ой вы буйныя головушки,

Ой вы головы Спрѣлецкія,

Руки, руки богатырскія,

Сила, слава всей Руси святой!

1-й СТРЕЛЕЦЪ.

Ну, пѣсня славная. Чпожъ дальше;

шутъ.

Чпо?

(Поешь) А послушайте дѣшинушки:

А изъ пѣхъ ли изъ головъ

Для Нѣмецкихъ сапоговъ

Дѣлаюшъ спупенюшки. —

Вы подъ крыльцомъ, а Нѣмцы на крыльцѣ.

2-й СТРЕЛЕЦЪ.

Молчи, безумный, безъ тебя досадно.

шутъ.

Эхъ, Нѣмцамъ ловко будетъ съ высока.

Васъ за уши хвалашъ!

1-й СТРЕЛЕЦЪ.

Нарядный змѣй!

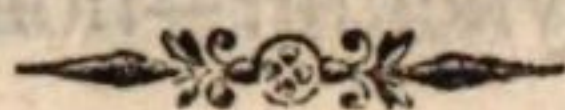
шутъ.

Чпо, весело?

2-й СТРЕЛЕЦЪ.

Молчи; вопъ я тебя!

(Шупъ убѣгаетъ и встрѣчаетъ Басманова.)

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

БАСМАНОВЪ.

Чпо это здѣсь? Кпо шупа обижаютъ?

Я проучу !

шутъ.

Ну, Пепръ, благодарю.

БАСМАНОВЪ.

Да для чего ты листьями обвѣшанъ?

шутъ (поетъ.)

Листья мы съ побою, Пепръ :

Унесетъ насъ бурный вѣпръ,

Бурный вѣпръ, чпо пихо дышетъ,

Будто правки не колышетъ ;

А послушаешь—права

Шепчетъ чудныя слова.

БАСМАНОВЪ.

Ты бредишь, Князь попѣшный: поешь одну пѣсню за другую.

ШУТЬ.

Э, э! догадался: по-по и права шепчешь. А знаешь кпо это все правѣ надувается? въперъ. А опкуда будетъ въперъ? Не знаешь попому, чпо шѣ человекъ темный. Въперъ будетъ изъ Суздаля.

БАСМАНОВЪ.

Изъ Суздаля?—Князь Шуйскій?—понимаю.

Конецъ I-го Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

шутъ и Янъ Бучинскій.

бучинскій.

Откуда ты, попрышный Князь?

шутъ.

Изъ Допросной Палаты, изъ Боярскаго Собора.

бучинскій.

Повинился ли Шуйскій?

шутъ.

Нѣтъ, братъ: этого и не жди. Такой, право, смѣхъ! наши праведные бояре спараго грѣшника и усовѣщають и уламывають, а онъ все свое пвердитъ.

бучинскій.

Чудное упрямство!

шутъ.

Вопъ тебѣ выборъ: скажешь правду, побьютъ; промолчишь, побьютъ; солжешь, побьютъ.—Что выберешь?

бучинскій.

Скажу правду.

шутъ.

Ну самъ разсуди. Если ты Бусурманинъ, даромъ не солжешь, то мы люди крещеные и подавну безъ прибыли души своей губить не спанемъ. Въдъ у насъ душа-то не ваша, а Христіанская.

бучинскій.

Ты не совсѣмъ дуракъ, я вижу.

шутъ.

А сколько, братъ, дураковъ въ Москвѣ?

бучинскій.

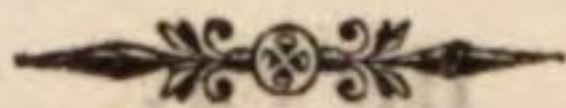
Тысячъ спо, я думаю.

шутъ.

Сполько было до твоего прїѣзда, а теперь однимъ при-
было. Прощай. (Шутъ уходитъ).

бучинскій.

Какъ дерзокъ онъ! но мнѣ смѣшно сердиться.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

(входитъ Димитрій).

димитрій.

Бучинскій, что? приспупникъ осужденъ?

бучинскій.

Нѣтъ Государь: идетъ допросъ послѣдній:

димитрій.

Назвалъ ли онъ сообщниковъ?

БУЧИНСКИЙ.

Молчишь.

Допросы все и пытки бесполезны.

ДИМИТРИЙ.

Доспапочно пыпали. Сей же часъ

Судьямъ вели произнеспи рѣшенъе

И принеси гошовый приговоръ.

Мнѣ скучно ждашь. (Бучинскій уходитъ)

А! Князь Василій Шуйскій,

Съ Димитріемъ пяташься ты хопѣль!

Бориса рабъ, поклонникъ Іоанна,

Дрожащій листъ, придворной грязи червь,

Ты вдругъ змѣей задумалъ обратишься

И голову поднѣшь и зашипѣшь?

Иль мыслилъ ты, что шопъ, кпо сильной волей

И дерзкою рукой схватилъ пресполь,

Уже ослабъ, покояся въ порфирѣ

И подъ вѣнцомъ безпечно задремалъ?

Иль совѣспью шерзаемый. . . . Пустое!

Подъ спаросъ въ немъ проснулася она,

А въ прежни дни услужливо молчала

И опрока окровавленный прупъ

Обманами и ложью прикрывала.

И какъ хипро, какъ оспорожно въ немъ

Раскаянъе теперь заговорило!

Онъ не воспалъ, чпобъ смѣло обличилъ

Опрепьева: нѣшь, эпо было спрашно!

Нѣшь, памяпны ему: мой добрый мечъ

И злой наленъ и пылъ опваги бурный;

Но шайною подземною войной

Онъ вель подкопъ. . . . То иннокъ, по Туренинъ ,
 То мѣщанинъ.—И послѣ вѣрь лѣспецу!
 Какъ ласковъ онъ, какъ униженно ходишь,
 Какъ подъ рукой могущею ползешь ,
 Какъ спелелся и тихо шѣнь заводишь ,
 И гнешь кольцомъ свой бархатный хребетъ ;
 А когти ужъ гошovy!—Другъ Басмановъ ,
 Ты спасъ меня.—Теперь, мой старый Князь ,
 Расчешь съ побой мы кончимъ—и безумцамъ
 Другимъ я дамъ поржеспвенный урокъ,
 Такой урокъ, что въ гробъ захохочешъ
 Царь Іоаннъ, покойный мой отецъ.
 Мнѣ скучно ждашь. (Входитъ Бучинскій)

Ты здѣсь опять, Бучинскій?

Что, кончано?

БУЧИНСКІЙ.

Подписать приговоръ.

ДИМИТРІЙ.

Подай сюда. . . . (читаетъ) »За дерзкую крамолу ,
 За клевету. . . . За козни на Царя. . . .
 Законнаго, помазаннаго Богомъ. . . .
 Рѣшеніемъ всѣхъ выборныхъ людей
 Опъ Княжества Московскаго. . . . Василій
 Ивановичъ, Князь Шуйскій, осужденъ
 На смерть, въ примѣръ другимъ и въ наказанье,« . . .
 Вотъ подписи Бояръ, людей духовныхъ,
 Дворянъ, купцовъ.—Не спорили?

БУЧИНСКІЙ.

Никто.

ДИМИТРІЙ.

Чпожь Шуйскій?

БУЧИНСКІЙ.

Твердь. Ослабь опъ тяжкой пышки,
Но духомъ бодръ и смѣло говорилъ.

ДИМИТРІЙ.

Чпо̀ говорилъ?

БУЧИНСКІЙ.

Передъ лицомъ Собора
Онъ клеветалъ, онъ умолялъ Бояръ
Не измѣняятъ опечеспву святому;
Просилъ Дворянъ, Духовныхъ и Купцовъ
Не продавашь души своей обману.

ДИМИТРІЙ.

И чпожь они?

БУЧИНСКІЙ.

Иные изъ Дворянъ,
Церковники, въ молчаніи суровомъ,
Внимали рѣчь; бояре и купцы
Завѣпили и заглушили голосъ.

ДИМИТРІЙ.

Спарикъ упрямъ. Я эпого не ждалъ.
Поди, я подпишу. (Бучинскій уходитъ).

Зачѣмъ же медлю?

Я подпишу. . . . перо мое дрожишь.
Какъ будто бы бездушному извѣстно,
Чпо кровь оно невиннаго прольешь!

Въ глазахъ пемно! — А! эпошь чудный спарець!

До сей поры и правдой и душой

Всѣмъ жерпвоваль передъ кумиромъ власни,
 И вдругъ возспаль и умирашь гошовъ,
 И въ первый разъ какъ будно вспомнилъ совѣспь,
 Высокій родъ и доблеспи опцовъ.
 Простипь? — не лзя. Казнишь его? — мнѣ больно! —
 Твоей души, жестокой Іоаннъ,
 Мнѣ не далъ Богъ. Рука дрожишь невольно,
 Душа скорбишь. . . . О, какъ тяжель обманъ!
 Но для чегожь судьбѣ не покорился,
 Къ чему на бой, безумецъ, онъ возспаль?
 Или слѣпой, успавовъ Провидѣнья
 И Божіей онъ воли не узналъ? —
 Да, я не сынъ Царей! Но предо мною
 Кпо пупъ опкрылъ, исполненный чудесъ,
 Меня подъялъ, какъ бурною волною,
 И на пресполь изъ праха вдругъ вознесъ?
 Кпо велъ меня подъ тьмою неприспупной,
 Туманами покрылъ народовъ взоръ,
 И Годунова родъ преспупной
 Моей рукой съ лица земнаго сперь?
 (Задумчиво). Но если пупъ уже свершенъ, и если
 Досель меня ведущая рука
 Сама теперь завѣсу раздираешъ?
 Борошься съ ней? не лучше ль успупишь,
 Спашъ предъ лицомъ народовъ удивленныхъ
 И Божій судъ беспрашно возвѣспишь?
 Но кпо жь чипаль въ грядущемъ? Кпо извѣдалъ
 Моей судьбы паниспвенный завѣщъ?
 Паду ль въ борьбѣ? иль небо испушуетъ
 Всю глубину моихъ державныхъ силъ? . . .
 Борьба съ судьбой! невинныхъ казнъ! — мнѣ гиусенъ
 Ихъ кровію опрысканный пресполь! . . .

Но Царство, власть! . . . Но спыдь, когда личину
 Съ меня сорвуть насильственной рукой! . . .
 Но снова бышь во прахъ: но Россія
 Прекрасная, великая опдаспъ
 Свои бразды десницъ недоспойной.
 Подумапъ птяжело! и обо мнѣ. . .
 (О люди глупы: блескъ и власть и сила,
 Вопъ ихъ чему судьба поработила :
 Они души не знаютъ, не цѣнятъ)
 Да, обо мнѣ, бышь можепъ, скажутъ: «Мальчикъ,
 Бродяга смѣлый, счастливый, пуспой ;
 Вънець схватилъ и послѣ—испугался!»
 Да, скажутъ : » испугался. « Никогда.
 Опдамъ пресполь, но развѣ съ жизнью.—Чпо же !
 Кому обманъ мой вреденъ? чей вънець ?
 Въ борьбѣ со мной падетъ Князь Шуйскій. Жалко !
 Но кровь всегда лилася. . . Искони ,
 Опъ перваго пворенія земнаго ,
 Опъ Авеля до нашихъ грѣшныхъ дней. (подписываетъ)
 Рука опяпъ пверда. Сюда, Бучинскій !
 (Входитъ Бучинскій) Басмановъ гдѣ ?

БУЧИНСКІЙ.

Онъ здѣсь.

ДИМИТРІЙ.

Зови его.

(Входитъ Басмановъ) Вопъ приговоръ. Вели его исполнипъ.

БАСМАНОВЪ.

На смерпъ ?

ДИМИТРІЙ.

Я жду, чпо много будетъ слезъ,

И часпья, докучныя прошенья ,
 Чпюбъ Шуйскаго проспилъ я.

БАСМАНОВЪ.

Не внимай.

Мнѣ жалокъ Князь. Онъ милоспивъ и ласковъ

И добръ ко всѣмъ; но смерть его нужна

И для тебя одинъ важнѣе Шуйскій

Чѣмъ цѣлый городъ нищихъ и мѣщанъ.

ДИМИТРІЙ.

Я буду швердъ. Туреницъ, Федоръ Коневъ,

Уже давно, какъ онъ, уличены

И ихъ казнить сегодня же.

БАСМАНОВЪ.

Исполню. (уходитъ.)

БУЧИНСКІЙ.

Ты знаешь, Царь, какъ я тебѣ служилъ,

Какъ вѣренъ былъ въ успѣхахъ и въ несчастьяхъ.

Позволь просить о милости одной.

ДИМИТРІЙ.

Твои заслуги помню, Панъ Бучинскій.

БУЧИНСКІЙ.

Перемѣни свой спорогій приговоръ.

ДИМИТРІЙ.

Нельзя.

БУЧИНСКІЙ.

Ему судьба его извѣстна

И смерти спрахъ великъ. Прости его ,

И никогда ужь боль не воспанепь,
И никогда ужь дерзкой клеветой
На новый гнѣвъ шебя онъ не подвигнеть.

ДИМИТРІЙ.

Лишь мертвыя успа не говорятъ:
Имъ вѣрю я: живыя не надежны. . . .
Не ждепъ ли кпо, Бучинскій, посмотри.

БУЧИНСКІЙ.

Здѣсь многіе: Бояринъ Князь Мспиславскій,
Вельможный Панъ, Князь Вишневецкій.

ДИМИТРІЙ.

Всѣхъ

Введи сюда. (Входяпъ многіе).

Князь Вишневецкій! скучно

Мы эти дни въ заботахъ провели:
Волненія и козни темной злобы
И спорогій судъ смупили нашъ покой.

ВИШНЕВЕЦКІЙ.

Свыплѣйшій Царь! тяжель пвой долгъ державный,
Но рушились всѣ замыслы враговъ.

ДИМИТРІЙ.

За правду Богъ. Мспиславскій! я доволенъ
Преданностью пвоей и всѣхъ Боляръ.

КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКІЙ.

О Государь! съ законами согласно
Произнесли мы спорогій приговоръ.

ДИМИТРІЙ.

И онъ исполненъ будепъ.

КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКИЙ.

Но внемли

Моленію твоихъ рабовъ усердныхъ.

Не накажи немилоспью своей

За дерзку рѣчь моей главы покорной.

ДИМИТРІЙ.

Какъ наказашъ? За что?

КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКИЙ.

Мы дали судъ

По совѣсти и правдѣ безприспирасно

И велика преспуника вина.

Но обрати на милоспѣ духъ высокій,

О Государь! Заслуги многихъ льпѣ

Не позабудь, казня вину едину;

Не позабудь какъ вѣрно Шуйскій Князь

Всегда служилъ и въ битвахъ и въ совѣпѣ

Родителю и бращу своему,

Незлобному Царю.

ШУТЬ.

И Годуновымъ.

ДИМИТРІЙ.

И вправду, Князь, пы ихъ забылъ.

КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКИЙ.

Мы все

Служили имъ. Избрала ихъ Россія,

Не вѣдая, что живъ законный Царь.

О Государь! пы милоспивъ и кропокъ,

И какъ опецъ, пы благъ къ своимъ рабамъ:

Виновнаго избавь опъ смерпной казни

И ссылкой единой накажи.

шутъ.

Подалъе, гдѣ холодъ и морозы !

Его языкъ ко рпу прилипнешъ.

димитрій.

Князь !

Противно мнѣ нескромное прошенъе.

князь мстиславскій.

Проспи, о Царь, усердью моему :

Я спаръ и слабъ.

шутъ.

Не накажи за это ,

Опець родной ! онъ самъ пому не радъ.

князь мстиславскій.

О Государь , помилуй ! Князь Василій

Усердень къ Богу, церковью любимъ.

шутъ.

И въ правду, Царь, по немъ ужъ всѣ монахи

Одѣлись въ черное.

князь мстиславскій.

Онъ утѣшалъ

Сиропъ, вдовицъ

шутъ.

Я про сиропъ не знаю,

А про вдовицъ я почно знаю самъ.

князь мстиславскій.

Его прельспили злые люди.

ДИМИТРІЙ.

Полно!

Я вижу то, что ты и спарь и слабь.

шутъ.

Ужъ опъ него невѣсмы опказались.

ДИМИТРІЙ.

Сего дня весель ты, Попѣшный Князь!

Не будешь ли просить меня о Шуйскомъ?

шутъ.

Да что мнѣ въ немъ? Онъ вѣчно морщилъ лобъ

И никогда не улыбался шушу;

А смѣхъ теперъ на площадь посмотришь:

Тамъ полкопня и визгъ и пискъ и слезы,

Всѣ женщины, мальчишки всѣ орутъ:

«Кормилецъ нашъ, и бабюшка и свѣты,»

Какъ будто вся Москва ему съ родни.

А опъ чего? Ты знаешь ли? Бывало

Онъ на крыльцѣ спонитъ передъ дворцомъ:

Поклонъ Царю, поклонъ народу въ поясъ,

Потомъ Царю, потомъ народу вновь,

И цѣлый день какъ прупикъ въ вѣпрѣ гнется.

ДИМИТРІЙ.

И наконецъ переломился онъ.

КНЯЗЬ ВИШНЕВЕЦКІЙ.

Сѣплѣйшій Царь! позволь мнѣ слово молвить:

Мнѣ чуждо все на здѣшней сторонѣ:

Нѣтъ ни родства, ни кровнаго союза

Межъ нашей вольной Польшей и Москвой,

Межъ Шуйскими и Княземъ Вишневецкимъ.

Но Шуйскихъ родъ такъ благородень, древень!

Тобѣ сказати: «судя, каѣ» шутъ.

Все не древній Адама.

князь вишневецкій.

Замолчи ,

Безспыдный шупъ.—Попомокъ Корибута ,

О Государь, дерзаетъ не краснѣвъ

Тебя просить за Рюрикова внука.

димитрій.

Нѣтъ, не прощу.

князь вишневецкій.

Едина кровь печетъ

И въ Князь Шуйскомъ и въ Царь Россійскомъ.

Такую кровь пролилъ не по, что казнъ

Произнеси надъ нищимъ непослушнымъ.

димитрій.

Безкровенъ Богъ, безроденъ Царь. Предъ нимъ

Всѣ равные : и нищій и Вельможа.

одинъ изъ поляковъ.

Нѣтъ, въ нашей Польшѣ пакъ не говорятъ :

Тамъ Дворянинъ и Панъ великородный

Не по, что

бучинской (унимая его).

Полно, полно, Господа.

полякъ.

Языкъ мой воленъ, Панъ.

князь вишневецкій.

Любовь народа

Сильнѣй чѣмъ спрахъ, и милоспъ, чѣмъ гроза.

ДИМИТРІЙ.

Вопросъ сей разрѣшишь намъ Паперъ Квицкій.
Что думаешь ты, Паперъ?

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Государь!

То знаюшь всѣ: свое незлобно сердце,
Доступенъ ты прошеньямъ и слезамъ,
И кровь и казнь душъ проливны кропкой.

ДИМИТРІЙ.

Да, это правда, мой не злобенъ духъ.

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Чудесными лучами окружила
Десница Вышняго главу земныхъ Царей,

И ярче звѣздъ почныхъ блестящъ на ней
Духъ мудрости и сprogій судъ и сила.

Но выше всѣхъ лучей вѣнца

И краше всѣхъ сіяетъ благость:

Она свящитъ его злапую пятость,

Она Царямъ есть лучший даръ Творца.

Она, свѣпла, какъ чистый Ангелъ рая,

Свѣжа, какъ вешняя роса,

Какъ еиміамъ свяпой благоухая,

На землю грѣшную низводитъ небеса.

БОЯРИНЪ.

Какъ сладко говоришь!

ДРУГОЙ.

Ну, честь и слава.

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

И мнѣ, слугѣ спрадавшаго за насъ,

Смиренному ошщельнику опъ міра,

Тебѣ сказахъ: «суди, казни людей.»

Но ты Монархъ, тебѣ судьбу народовъ

Вручилъ Господь; тебѣ онъ повелѣлъ

Смирять вражду, обуздывать крамолу,

Да въ тишинѣ цвѣтешъ твоя земля.

Ты мудрый Царь, и знаешь, что опъ казни

Безвременно избавленный злодѣй

Невинныхъ часпо губитъ, и, чѣмъ выше

Дополъ былъ, тѣмъ Царству онъ спрашнѣй. —

Но мнѣ ли знашь: когда попребна спрөгосшь?

Я не судья.

БОЯРИНЪ.

Каковъ нашъ краснобай!

ШУТЬ.

Вопъ что зовушь Лапинскою обѣдней?

Ого!

ДИМИТРІЙ.

Что, Князь! ты слышалъ сей отвѣтъ?

КНЯЗЬ ВИШНЕВЕЦКІЙ.

Не Ксендзами воспитанъ Вишневецкій,

Ему до нихъ нѣтъ дѣла. Добрый мечъ

Знакомѣй мнѣ, чѣмъ хитроспъ ученыхъ,

И на прямикъ я спану говорю:

Волнуется Москва.

ДИМИТРІЙ.

Уйму безумцевъ.

КНЯЗЬ ВИШНЕВЕЦКІЙ.

Не любящъ насъ, сподвижниковъ своихъ;

Народъ давно поглядываетъ косо;

За что? не вѣдаю.

шутъ.

А вошь за чпо :

Мужья для васъ обманушы, а жены

За васъ прибишы.

полякъ.

Слушай, дерзкій шупъ :

Перебивай Москалей сколько хочешь ,

А въ Польску рѣчь мѣшаться не дерзай !

Чпо, мы Москали, чпо ль ?

валуевъ.

Ты Ляхъ безмозглый !

димитрій.

Молчашъ, Валуевъ! съ глазъ моихъ долой !

(Къ Полякамъ). А васъ прошу, поварищи, попище.

Чпо говорилъ шы, Князь Адамъ ?

князь вишневецкій.

Я говорю, чпо скрыпные книжалы

Давно на насъ оспрялся въ пишинъ.

Народъ узнаешъ, чпо его любимцу

Мы выпросили жизнь, и можетъ бышь

Вражда замолкнешъ и родится дружба

Межъ нашею дружиной и Москвой.

димитрій.

Я не могу пвоей исполнишь просьбы

И вижу то, чпо эпошъ хипрый Князь

Твой мудрый умъ пронырствомъ опуманилъ ;

Но онъ падешъ!—Москва шумишь?—пускай !

Уйму ее! Все Шуйскаго клевершы

Раздоры съюшъ. Раздавлю гнѣздо

И стихнешь все. Внимаешь безумной черни,
Ее ласкает Димитрій не рожденъ.
Пусть плачешь о пресупникъ. Клянуся
Его ничто отъ смерти не спасетъ.

СТОЛЬНИКЪ (входя).

О Государь! опшельница Царица
Сюда идетъ.

ДИМИТРІЙ.

Царица, мать моя?
То рѣдкая и дорогая гостья,
Я къ ней иду на встрѣчу. Господа!
Оспаньшесь здѣсь. (уходитъ.)

БОЯРИНЪ (Шуту).

Что, братъ! языкъ къ горшани
Примьпе?

ШУТЪ.

Ну, чпожь? боюсь усовъ,
И вся Москва боится ихъ.

БОЯРИНЪ.

И правду и
Отъ нихъ теперь ужъ вовсе нѣтъ житья.

ДРУГОЙ.

Перебивай Москалей, а предъ ними
Молчи какъ мертвый! ждишь, часъ придетъ—
Зажмемъ вамъ рпы, незванные пришельцы.

ДРУГОЙ.

А Царь?

ДРУГОЙ.

Ну, что объ немъ и говоришь.

другой.

Подумаешь, да вспомнишь Годунова?

(входятъ) ДИМИТРІЙ, ЦАРИЦА МАРФА.

ДИМИТРІЙ.

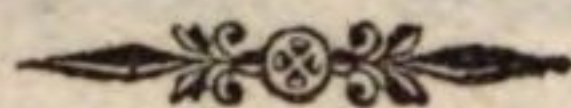
О мать моя! благополученъ день,
Когда спопы пвои благословляюпъ
Сей домъ заботъ и Царспвенныхъ прудовъ.

ЦАРИЦА МАРФА.

Свидѣтелей здѣсь много. Я съ побою
Бесѣдовапъ хочу на единъ.

ДИМИТРІЙ.

Подите вонъ, Бояре! Вишневецкій,
Товарищи! прошу, оспавьте насъ. (Уходяпъ всѣ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Мы здѣсь одни. Я жду пвоихъ вельнѣй.

ЦАРИЦА МАРФА.

Свой монастырь и кельи пихій кровь
Опшельница оспавила недаромъ.
Я съ просьбою великой.

ДИМИТРІЙ.

Говори.

ЦАРИЦА МАРФА.

О, далеки опъ спраждушаго сердца
Весь дольный міръ и громъ его суепъ.
Земная жизнь ужъ кончилась для Мары:
Печальная вдовица погребла

Всѣ радости, надежды и опрады
Въ могилѣ шой, гдѣ спитъ кровавый шрупъ,
Младенца шрупъ, Димитрій мой?

ДИМИТРІЙ.

Царица!

Онъ живъ во мнѣ.

ЦАРИЦА МАРѢА.

Оспавъ, мнѣ шяжело....

Тамъ, за спѣной, въ зашворѣ молчаливомъ,

Гдѣ свѣша шумъ безвѣспенъ и забытъ,

Промчалась вѣспъ ужасная, что Шуйскій

Насъ обличалъ въ обманъ, что его

Приговорилъ пы къ смерти. Правда ль?

ДИМИТРІЙ.

Правда.

ЦАРИЦА МАРѢА.

Прости его. Когда безчеловѣчный

Борисъ убилъ младенца моего, —

(О, Боже мой! на душу Годунова

Излей весь гнѣвъ, все мщеніе свое,)—

Князь Шуйскій—

ДИМИТРІЙ.

Скрылъ убійцу отъ законовъ.

ЦАРИЦА МАРѢА.

Преступника не могъ онъ наказашъ.

Довѣріемъ и даже власшю Царской

Владѣлъ Борисъ. Отъ горести моей

Бѣжали всѣ со страхомъ и презрѣніемъ;

Но Шуйскій Князь въ разперзанную грудь

Пролилъ елей духовныхъ утѣшеній,

Со мной одинъ горячею слезой,

Оспрадною для горестнаго сердца,
Онъ обливалъ младенца ранній гробъ.
Проспи его! о, будь великодушенъ!
Ты царспвуешь, ты силенъ, ты счастливъ.

ДИМИТРІЙ.

Кпо? я счастливъ? Да, я одѣшъ въ порфиру,
Передо мной толпился пышный Дворъ.
Ха, ха, счастливъ! а шамъ кругомъ волненье,
И заговоръ, и ропотъ, и ножи
Оспримые уликою безумной,
И вкругъ себя я долженъ собирать
Надмѣнную Дружину иноземцовъ,
Ея мечемъ и цѣпью успрашашъ
Родную Русь! . . . Моя завидна участь!
Здѣсь, во Дворцѣ, передъ лицомъ Царя,
Пришелецъ, Ляхъ осмѣлился . . О Боже!
И онъ живешъ еще? Передо мной
Безспыдный Ляхъ Москалями ругался!
Я чувствовалъ, что весь запрепешалъ,
Душа огнемъ и ядомъ наливалась!
Я могъ его убишь, я могъ во прахъ
Его спопшашъ, спалишь безумца громомъ,
И я сперпѣлъ, и долженъ былъ молчашъ! . . .
А кпо виной? — Князь Шуйскій. — Кпо народу
Съ его Царемъ борьбу топовишь смѣль?
Кпо? — Шуйскій пвой. — Но. . . онъ умрешъ.

ЦАРИЦА МАРѢА.

Какъ спрашенъ!

ДИМИТРІЙ.

Пуспъ всѣмъ другимъ я спрашенъ, — не тебѣ,

Царица, мать. Какъ сынъ, всегда покорный,
Я воскрешу умершаго.

ЦАРИЦА МАРФА.

О, нѣтъ!

Не опдаеть усопшаго могила;
Ты вѣчно чуждъ для сердца моего.
Не воскресишь его. Нѣтъ! онъ былъ крошокъ
Какъ день весны, какъ Ангелы небесъ.
Въ его груди младенческой и нѣжной
Былъ огонь любви прекрасной, безмятежной,
Былъ тихій рай . . . и эпопъ рай исчезъ.
И грѣшница, кого въ его порфиру
Я облекла? О Боже мой!

ДИМИТРІЙ.

Кого?

Да — я не Царскій сынъ! Но благодапью силы
Помазанъ я и духомъ славныхъ дѣлъ;
Но Іоаннъ изъ глубины могилы
Мнѣ завѣщаль державный свой удѣлъ.
Онъ мой теперь! Покойники во гробъ
И крѣпко спяпъ. Онъ мой! я не опдамъ
Плода трудовъ, опчаянныхъ сраженій
И долгихъ думъ и тяжкихъ ухищреній:
Не уступлю презришельнымъ врагамъ.

ЦАРИЦА МАРФА.

О царспвуй долго, счастливо!

ДИМИТРІЙ.

Послушай!

Открышь обманъ, иль Шуйскаго проспишь—
Почпи одно.

ЦАРИЦА МАРФА.

Ахъ! для меня преспушной
То лучшебъ было. Вѣрь: и для себя.
Обманъ тяжель, ужасенъ грѣхъ—и долго
Не процвѣшетъ неправда на землѣ.
Когдабъ вѣнецъ ты скинулъ добровольно. . . .

ДИМИТРІЙ.

О, перестань! ты не поймешь меня :
Ты женщина. Корона Мономаха
Тебѣ лишь злато и алмазы! пресполь—
Комъ золоша и камней; а порфира. . . .
Что говорить? ты не поймешь меня.
Вѣдь подвиги и слава и безсмертье
Все для тебя невнятные слова.
Но слушай: тамъ, за нынѣшней Россіей,
На югъ, далеко, есть волшебный край.

Тамъ благодать степей широкихъ
И рай земной въ ущеліяхъ долинъ,
И люпся воды рѣкъ глубокихъ,
И свѣшеть видъ морскихъ пучинъ.
Тамъ выюпся лозы винограда
По скапу горъ, въ тѣни густыхъ садовъ,
Тамъ людямъ жизнь и свѣтъ опрада,
Тамъ неба сводъ безъ облаковъ.
И эпошь край, онъ былъ Россіей прежде.
Ты поняла ль?

ЦАРИЦА МАРФА.

Бышь можешь поняла.

ДИМИТРІЙ.

Гляди туда гдѣ странъ Московскихъ грань.

Тамъ новый міръ, тамъ люди горды, смѣлы,
 Въ сердцахъ огонь а въ мысляхъ свѣтъ и жаръ;
 Тамъ руки ихъ природу покоряють,
 И небеса измѣрилъ хитрый взглядъ,
 И города и села процвѣтають,
 И корабли чрезъ море преплываютъ,
 И дышетъ медь и краски говорятъ. . .
 Я оживлю свой Сѣверъ : грады, села,
 Я вызову изъ мерзвой сей земли,
 И свѣтъ наукъ, и блескъ художествъ дивный
 Я разолью,—и памятникъ вѣкамъ
 Останется Димитрій.

МАРФА ЦАРИЦА.

Онъ безуменъ !

ДИМИТРІЙ.

И это все опбросятъ ? — Никогда !

Нѣтъ :—онъ умретъ, опасный власнолюбецъ;
 Умретъ твоей Шуйскій !

ЦАРИЦА МАРФА.

О, внимли, внимли :

Невиненъ онъ : мы грѣшны передъ Богомъ !

ДИМИТРІЙ.

Господь прости.

ЦАРИЦА МАРФА.

Нѣтъ, не прости.

Безумная ! въ порывѣ мести жадной,

Паденію Борисовыхъ дѣшей

Я радовался смѣла: предъ народомъ,

Передъ Творцемъ опъ сына опречлась.

Съ тѣхъ самыхъ поръ какъ тяжко я спрадаю,
 Ты вѣдаешь, единый Царь сердець!
 Бывало я съ слезами говорила
 Объ мершвецѣ,—теперь молчать должна:
 Мнѣ крикъ шоржескъ гремятъ насмѣшкой злою,
 Мнѣ говорятъ: »Ты счастливая мать —«
 И я смѣюсь, а сердце кровью плачетъ.
 О, вѣрь мнѣ, вѣрь! ужасна жизнь моя.
 Опъ шайнства святаго покоянья
 Пресупница навѣкъ удалена.
 Хочу молился—спрашно! Между мною
 И алпаремъ какъ тѣнь, обманъ спойтъ,
 Упрекъ звучатъ въ словахъ церковныхъ пѣсень
 И колоколь анаѣму гласитъ,
 И душно мнѣ, и Божій храмъ мнѣ тѣсенъ,
 И я бѣгу. О ужасъ! опъ кого?
 Опъ Бога! . . . ахъ! бывало я всупала
 Съ веселіемъ въ Его пресвѣплый храмъ.
 Тамъ для меня опрадой все дышало,
 Такъ сладостно курился ѡиміамъ,
 Передъ иконой Чиспой Дѣвы
 Такъ ярко шепмился елей,
 И спройно въ хоръ сливались напѣвы
 И неба гласъ звучалъ въ груди моей.
 И я тогда молилась сладко, сладко,
 Молилася объ сынѣ . . . и попомъ
 Являлись мнѣ чудесныя видѣнья,
 Являлся онъ, какъ Ангель, предо мной;
 И лились шоки изцѣленья
 Для ранъ души моей больной.
 Бывало. . . Но теперь! подумаешь спрашно!

И ночи мракъ, и образъ Пресвятой,
 И звукъ моливъ укоромъ непрерывнымъ
 Мой грѣшный духъ волнуешь. Сны мои
 Какихъ-то лицъ, какихъ-то гласовъ полны,
 И слышу я: »опъ сына опрекласъ
 И опъ шебя онъ въ небъ опречепся.«

ДИМИТРІЙ.

Мечпы, однѣ мечпы.

ЦАРИЦА МАРѢА (на колѣнахъ).

Проспи, проспи

Ты Шуйскаго, иль въ ссылку, въ городъ дальній

Его сошли, но крови не пролей!

Ужасна кровь невиннаго: я знаю —

Горящею рѣкой она печетъ

И духъ убійцъ уносишь въ адъ! За гробомъ

Я сына не увижу—никогда,

И въ небесахъ не вспрѣчуся съ младенцемъ.

Проспи, проспи. (вспраетъ) Но ты неумолимъ —

Я плакала—и ты меня опвергнулъ;

Я унижалась—ты мнѣ не внималъ.

Теперь иду на площадь—и увидимъ:

Узнаешь ли обманутый народъ

Спонъ мапери и тяжкой скорби голосъ?

Прощай!

ДИМИТРІЙ.

Постой! не начинай борьбы;

Она былабъ ужасна. Я исполню

Твои желанья. Близокъ казни часъ,

Но я пошлю преспунику пощаду.

Согласна ль ты произнести обѣтъ,
 Что никогда ты пайнѣ не измѣнишь,
 Что никогда спрадающей души
 Передъ другимъ не выскажешь?

ЦАРИЦА МАРѢА.

Согласна.

ДИМИТРІЙ.

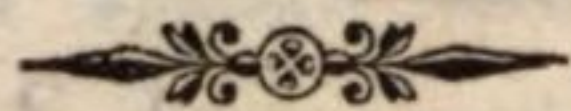
Что я твоей сынъ описель? Согласна ль ты?
 Клянешься?

ЦАРИЦА МАРѢА.

Да.

ДИМИТРІЙ.

Пойдемъ передъ Икону.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Площадь. Вдали лобное мѣсто).

1-й.

Поближе къ намъ, любезный свать: ты спарь,
 И въ пѣснопѣ задавяпѣ. Здѣсь проспорно;
 Увидишь все: и выходъ изъ Кремля
 И мѣсто казни.

2-й.

Охъ! къ чему глядѣшь?

Опѣ ужаса все сердце замираетъ (взбирается къ 1-му).

ЖЕНЩИНА.

Что, батюшки, вамъ видно? Изъ Кремля
 Не идушь ли?

1-й.

Нѣшъ, не видашъ. Поспой-ка,
Вдали шумяшъ, колышешся народъ.
Вонъ песпрыя Варшавскія сороки,
Вонъ плянущя Нѣмецкіе воны!

ЖЕНЩИНА.

Ахъ, окаянныя мучипели! Смопри-ка:
Слепающся, какъ воронья на кровь!

2-й.

Охъ, дѣлушки! привелъ же Богъ подъ сшаросшъ
Ужасныя вновь видѣшъ времена,
Какъ при Царѣ мучипелѣ Иванѣ.

1-й.

Да видишь ли: попѣ былъ благочесливъ
И въ вѣрѣ швердѣ и ревностенъ къ свяшынѣ,
А эшопѣ чпѣ? Лапынщикъ, бусурманъ!

ДРУГОЙ.

Да, Царь Иванъ совсѣмъ иное дѣло:
Мы знали всѣ, что онъ законный Царь,
Свяшная вѣшвъ онѣ корня Мономаха.
А эшо кто? ошкуда онѣ взялся?
Вишъ, выдумалъ, чшо прежде былъ зарѣзанъ,
Да вдругъ воскресъ.

ДРУГОЙ.

И вправду, чудеса!

2-й.

Охъ, грѣшники! свяшному Папріарху
Не вѣрили. Теперѣ Господь казнишъ.

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Смотри, Ефимъ! какъ Князь Василій Шуйскій
Заговоришь, ты поспѣешь подойти
Къ Басманову. Урока не забудешь?

ЕФИМЪ.

Не позабуду, баринъ.

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Ну смотри жь!

Не прозѣвай!

ЗАХАРІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Послушай, братъ Прокофій!

Басманова ты хочешь удалить?

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Хочу, чпобъ Князь успѣлъ поговорить
Со всей толпой Московскихъ ропозѣевъ.

ЗАХАРІЙ ЛЯПУНОВЪ.

А для чего жь?

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Иль ты не знаешь, братъ,
Какъ рѣчь сильна, какъ многомощно слово,
Какъ движущся народныя сердца,
Когда звучишь прощальный гласъ спрадальца?
Взгляни, Захаръ, на этихъ дураковъ:
Какъ широко раскрыли рты, какъ уши
Развѣсили. Теперь имъ каждый звукъ
Вопьется въ грудь, какъ искра въ пукъ соломы.
Къ тому же, знай: по милости моей,
За Шуйскаго вдовица Іоанна

Пошла молишь Царя, и каждый мигъ
Дороже намъ, чѣмъ годъ въ иное время.

ЗАХАРІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Ну, признаюсь, запѣялъ ны хипрѣ.

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Пойдемъ въ толпу, чѣмъ насъ не замѣчали.

(Проходишь Нѣмецкая Дружина и Поляки и бьютъ народъ).

Съ дороги! прочь!

ГОЛОСЪ.

Чѣмъ, развѣ мы скопы?

ДРУГОЙ.

Чѣмъ Сапана взялъ всѣхъ госпей незваныхъ!

ПОЛЯКЪ.

Кѣмъ тамъ шумишь?

2 й.

Опець родной, не мы,

А задніе шумѣли.

ПОЛЯКЪ.

Вопь я васъ! (проходишь).

ГОЛОСЪ.

Ты, Ванька, какъ сюда попалъ?

ВАНЬКА.

Да вопь какъ! Пошоль-было для барскихъ покупокъ, анъ лавки всѣ запершы. Вижу—народъ валишь на лобное мѣсто, и подумаль: куда всѣ, шуда и я.—Раскажика, Сидоръ, чѣмъ будешь? Или кого нибудь казнятъ?

СИДОРЪ.

Въспимо казнятъ. Князя Василья Ивановича Шуйскаго.

ВАНЬКА.

Ахъ, бапюшка ! добраго-по Князя , ласковаго Василья Ивановича. За что, слышно ?

СИДОРЪ.

Да полкуютъ такъ , что будто онъ Царя уличалъ въ томъ , что онъ обманщикъ , не Царскій сынъ , а бѣглый Дьяконъ Гришка Опрепьевъ.

ВАНЬКА.

Вошъ диво-по ! А какъ бы Князю Шуйскому правды не знашь !

СТАРИКЪ.

Эй , ребята ! дѣла-по вы не знаете. Вошъ какъ оно было : Гришка окоянный , презлой колдунъ и надѣваетъ какую хочетъ личину. Опъ того-по онъ и спаль похожъ на покойнаго Царевича. А Князь-по Василій наспоющій праведникъ, какъ сотворилъ молишву, да осѣнилъ его крестомъ , всѣ вдругъ и узнали спрашную харю Самозванца.

ЖЕНЩИНА.

Господи, помилуй насъ грѣшныхъ !

СИДОРЪ.

Да полно такъ ли, дѣдушка ?

СТАРИКЪ.

Я знаю опъ вѣрныхъ людей.

ЖЕНЩИНА.

Что, бапюшка, вамъ видно ?

1-й.

Вошъ Спрѣлыцы ,

И впереди верхомъ Бояринъ ближній

Пепръ Федоровичъ Басмановъ.

2-й.

Богъ убьешъ

Тебя, злодѣй, предапель окаянный,

Начало злу, обманамъ всѣмъ глава.

ДРУГОЙ.

Кто вѣдаешъ? вѣдь можешъ быть и вправду

Царевича опъ смерпи спасъ Господь.

1-й.

Чиожъ , Шуйской Князь солгалъ ?

2-й.

О горе, горе !

Вопъ праведникъ ; его на смерпь ведушъ.

1-й.

Молчи, не по Басмановъ насъ услышишъ.

(Проходяшъ Басмановъ, Шуйскій и Спрѣльцы).

БАСМАНОВЪ.

Указъ Царя. Внимай народъ Московскій !

МНОГІЕ.

Послушаемъ, что скажешъ онъ.

БАСМАНОВЪ.

Молчать !

(Читаешъ). Да знаюшъ всѣ, что Князь Василій Шуйскій,

Бояринъ нашъ, дерзнулъ мнѣ измѣнишъ,

Мнѣ, своему законному Владыкѣ,

И опъ опца , и опъ колѣна предковъ ,

Наслѣдному Царю Россійскихъ спранъ !

Судомъ Бояръ и выборныхъ людей

Приговоренъ онъ къ смерпи за измѣну

И гнусную крамолу. Днесъ умрешъ

Пресшупникъ сей въ урокъ другимъ злодѣямъ.

одинъ.

Вопъ видишь ли? не Царь его казнишь,
Бояре всѣ соборомъ присудили.

2-й.

Гляди на нихъ! хорошъ Боярской судъ!

князь шуйскій.

Петръ Федорычъ! позволь мнѣ въ смершнй часъ
Покаянсья народу.

БАСМАНОВЪ.

Князь Василій!

Не должно бы; но я всегда любилъ
И уважалъ тебѣ: послѣдней просьбы
Мнѣ спыдно не исполнишь. Говори.

князь шуйскій.

Внемлите мнѣ, Московскіе Граждане!
Въ послѣдній разъ я съ вами говорю.

ЕФИМЪ (подходя къ Басманову).

Петръ Федорычъ! нашъ Голова Спрѣлецкій
Прислалъ меня опъ Яузскихъ ворошъ.
На Ляховъ шамъ граждане нападаюшъ,
Ужъ началась драка, льешся кровь:
Жильцы, народъ и многіе Дворяне
Въ оружьи поднялися.

БАСМАНОВЪ.

Хорошо.

Коня, скорѣй коня! (уходитъ).

князь шуйскій.

Я грѣшникъ передъ Богомъ
И передъ вами, граждане Москвы.

Я зналъ обманъ—не уличалъ обмана,
Я правду зналъ—и правду ушайлъ.
Но Царь небесъ и милоспивъ и кропокъ.

Молишеся, молишеся за меня !

Да эша смерть на плахъ беззаконной
Искупить грѣхъ молчанья моего !

Сограждане и брашья! помолишеся —

И Богъ проспишь. О! тяжко я спирадалъ !

Безильные и спарческіе члены

Измучены шеперь ошъ пытки злой.

ГОЛОСА.

О Господи !

Онъ мученикъ.

И въ гробъ

Прощенія мучишель не найдешъ.

князь шуйскій.

Не плачьше, нѣшь, о Шуйскомъ не рыдайше,

Но о себѣ, о Русской споронѣ ! —

Вы видише, мои ліюпся слезы,

Но лишь о васъ душа моя скорбишь.

О горе вамъ: уже нависли грозы,

Ужъ Божій гнѣвъ надъ Руссію гремишь.

Прекрасный градъ, моя Москва родная !

Осквернена ты власшью Лже-Царя.

О свѣплый Кремль! швон горяшь соборы

Какъ свѣчи яркія надъ раками свяпыхъ ,

И радосшно почиють Русскихъ взоры

На золошъ кресповъ, на башняхъ вѣковыхъ.

Но горе, горе! ужъ близка година :

Ужъ ереси безбожной шоржеспво

Ругаешся надъ чиспою свяпшней ,

И бѣглый инокъ Церковь продаетъ
Ея врагамъ. О, плачьте и рыдайте!

ГОЛОСА.

— О Господи! пришли послѣдні дни!

— Я говорилъ: не вѣрьте самозванцу.

— Ты слышишь ли? онъ церкви продаетъ?

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

За испинну и за родную землю,
И за Москву свящую и за васъ,
Съ веселіемъ я смертну казнь приѣмлю.
Благословижежь мой послѣдній часъ,
Проспите мнѣ соблазны и обиды,
Невольные и вольные грѣхи.

(входитъ) БАСМАНОВЪ.

Гдѣ попъ Спрѣлецъ? куда обманщикъ скрылся?

ГОЛОСЪ ВЪ ТОЛПѢ.

Ищи, найдешь.

БАСМАНОВЪ.

Пресупникъ не казненъ?

Скорѣй, скорѣй!

2-й.

Безбожный кровопійца!

ГОЛОСЪ.

Я думаю, когдабъ онъ тамъ споялъ
Гдѣ Шуйскій Князь, такъ былобъ не до спѣха.

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Захарій братель, я слышу дальній шумъ,
Тамъ опъ Кремля.

ЗАХАРІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Не слышу.

князь шуйскій.

О, простите ,

Но Шуйскаго не позабудьте.

(крикъ дальній) Спой !

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Оспановись !

1-й.

Чиновникъ Царскій скачешъ.

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Прощень, прощень! . . . Ну, сердце оплегло.

Я, признаюсь, перяль ужъ всю надежду.

ЧИНОВНИКЪ (Басманову).

Великій Царь, по милости своей

Преступника прощаетъ.

КРИКИ ВЪ ТОЛПѢ :

Многа лѣта !

Великому и доброму Царю !

ДРУГІЕ.

Да здравствуетъ Димитрій, Царь Московскій !

(Народъ начинаетъ расходиться. Шуйскаго уводятъ. Приводятъ двухъ преступниковъ).

ОДИНЪ ГОЛОСЪ.

А эшо кто ?

ДРУГОЙ.

Вопъ эпошъ, Дворянинъ.

Туренинъ: а другой съ нимъ Федоръ Коневъ,

Купецъ.

1-й.

Зачпожъ они осуждены ?

ДРУГОЙ.

За пожъ, за что и Шуйскій.

ТУРЕНИНЪ.

Помяните

Въ молитвахъ насъ! за васъ прие́млемъ казнь,

За испину и родину свящую.

Въ часы моли́въ не позабуды́те насъ!

ГОЛОСА.

А ваше ли было дѣло?

ДРУГІЕ.

Васъ-то и просили!

—Что, развѣ вы Бояре?

—Не сажались бы въ чужіе сани, такъ была бы шея цѣла.

—Ни шпо вамъ, дуракамъ; по дѣломъ доспаешся.

Помни купецъ свой аршинъ, а Дворянинъ свою Дворянскую службу, а выше не лѣзь.

ТУРЕНИНЪ.

О, часъ придетъ, падутъ небесны кары,

Вы вспомните, безумные, объ насъ,

Услышите вы совѣсти упреки,

Съ рыданіемъ воспрянете опъ сна!

ГОЛОСЪ.

Вонъ слышишь ли? теперъ пошли въ пророки!

(Всеобщій хохотъ).

СТАРИКЪ ВЪ ТОЛПѢ.

Смерть праведныхъ предъ Господомъ красна!

Конецъ 2-го Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Во Дворцѣ.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫНЪ.

Не знаешь ли, зачѣмъ созвали насъ?

КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКІЙ.

Сегодня Царь впервые принимаетъ

Посланниковъ опѣ Польскаго Двора.—

Ба, посмотри! Вотъ Князь Василій Шуйскій.

Давноль опянь явился ко Двору?

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫНЪ.

Не вѣдаю.

КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКІЙ.

Иди ли къ нему?

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫНЪ.

Нѣтъ; лучше подождемъ.

Его вина, бытъ можетъ, не забыла,

Зачѣмъ же намъ привѣтомъ поспѣшамъ?

КУРАКИНЪ.

Вотъ дивныя извѣстья изъ Казани!

КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКІЙ.

Какія же?

КУРАКИНЪ.

У Волжскихъ Козаковъ
Явился сынъ Θεодора.

КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКІЙ.

Помилуй !

Да у Царя когдажъ родился сынъ ?

КУРАКИНЪ.

Вошъ видишь ли: опъ злобы Годунова
Онъ былъ сокрытъ, и въ колыбель его
Подложную Царевну помѣстили.

КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКІЙ.

Ты надо мной смѣешься.

КУРАКИНЪ.

Право нѣтъ.

ШУТЬ.

Ахъ, бапюшки, какъ мершвые плодятся !
Да и живымъ не всѣмъ такой паланъ.

КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКІЙ.

Безспыдная, неслыханная дерзость !

КУРАКИНЪ.

Одинъ въ Цари, въ Царевичи другой ;
Одинъ успѣлъ—удася и другому.

КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКІЙ.

Молчи ! а по услышишь Салпыковъ ,
Да и Хрущовъ, Масальскій не далеко :
Всѣ это вздоръ, я вѣришь не могу.

КУРАКИНЪ.

Валуевъ! Князь моимъ словамъ не вѣришь.

ВАЛУЕВЪ.

Съ сей вѣспію изъ Низовыхъ сторонъ
Сегодня я по упру возвратился.
Тамъ плѣннаго изъ шайки той при мнѣ
Допрашивалъ Казанскій Воевода.

КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКІЙ.

А какъ зовутъ Царевича ?

ВАЛУЕВЪ.

Петромъ.

КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКІЙ.

И у него: товарищей довольно

ВАЛУЕВЪ.

Ихъ тысячъ пять иль болѣ.

КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКІЙ.

Признаюсь :

Смѣшно глядѣшь какъ люди легковѣрны.

КУРАКИНЪ.

Ты чудеса тамъ слышалъ; между шѣмъ

И мы въ Москвѣ попѣхи наглядѣлись.

ВАЛУЕВЪ.

Да чпожъ у васъ ?

КУРАКИНЪ.

Недавно привезли

Изъ Кракова прелестную Марину.

Что праздниковъ! что было шупъ пировъ !

Какъ Поляки конями насъ попшали ,

Какъ били всѣхъ и грабили народъ ,

Не слыхано! Но вѣшь, послушай диво :

Нашъ умница, Святейшій Пампріархъ,
 Вѣнчалъ ее короной Мономаха,
 Какъ бы Царя, и присягали ей,
 И назвали Царицей благовѣрной;
 А между тѣмъ,—она не крещена.

(Валуевъ пожимаетъ плечами).

Священителей упрямыхъ, Ермогена,
 Иосифа, сослали въ монастырь,
 Да кающся въ спрошпивости безумной:
 И по дѣломъ. Вѣдь вздумали жъ они,
 Чпо не крестивъ, нельзя вѣнчать Царицу
 И на престолъ раскольницу возвестъ.

ВАЛУЕВЪ.

Да по дѣломъ.

КУРАКИНЪ.

Спарикъ, отецъ Марины,
 На насъ глядишь какъ будто на рабовъ
 И ласки намъ и милость обѣщаетъ.
 Валуйевъ, братъ! сходи да поклонись,
 Вошь мой совѣтъ.

ВАЛУЕВЪ.

Чпо? нешто я Мосальскій
 Или Хрущовъ?

КУРАКИНЪ.

Ну, попадешь въ бѣду,
 Вошь шакъ какъ я уже попалъ въ немилость.

ВАЛУЕВЪ.

Ну, диво ль по, чпо шайка Козаковъ
 Ругается надъ нашимъ легковѣрьемъ?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Входящѣ ДИМИТРІЙ и БАСМАНОВЪ, впереди СТОЛЬНИКЪ.

СТОЛЬНИКЪ.

Бояре! по мѣстамъ !

ДИМИТРІЙ (саясь на тронъ).

Бояринъ Пепръ !

Зови Пословъ предъ наши Царски очи. (уходишъ Басмановъ)

Въ глуши снѣпей, на Волжскихъ берегахъ ,

Средь Козаковъ несвѣдущихъ и буйныхъ ,

Подъ именемъ Царевича Пепра

Возспалъ на насъ безспыдный самозванецъ.

Межь правдою и ложью судишъ Богъ :

Онъ не даешъ обману возвышашся

И истину вѣчаешъ поржеспвомъ.

Я, пишины во всей Руси блюспипель ,

Безумное волненье усмирю ;

А вы, Бояре, спольный градъ спокойше ,

Да щепною пререогоу сердца

Моихъ людей въ Москвѣ не возмущашся.

На подданныхъ меча не извлеку ,

Едва дохну—и призракъ разлепипся.

(къ Князю Мспиславскому)

Мспиславскій Князь! казенъ ли дерзкій Ляхъ ,

Копорый здѣсь, на площади Кремлевской ,

Въ моихъ глазахъ зарѣзаль Москвича ?

КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКІЙ.

Нѣшъ, Государь! его вели на плаху ,

Но Поляковъ нахлынула полна

И палача убила и злодѣя

Избавила опъ казни.

ДИМИТРІЙ.

При тебѣ

Преслупника избавили насильно ?

Чшожь ты глядѣль? — Иди, ты слишкомъ спарь. —

Но эпи Ляхи! ихъ несносна дерзость.

(къ Шуйскому) Поди сюда, Князь Шуйскій! на меня

Ты воспавалъ, и слабою рукою

Хошѣлъ сорвать съ сей мощной головы

Злапой вѣнецъ, опцевъ моихъ наслѣдье.

Не опвѣчай! твоей замысль вѣдалъ я,

И осудилъ тебѣ на казнь; но помня

Твои труды и службу прежнихъ лѣтъ,

Переимѣнилъ я смертну казнь на ссылку.

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

О Государь, я милости твоей

Не заслужилъ.

ДИМИТРІЙ.

Да, Шуйскій, ты виновенъ ;

Но слушай, Князь: безсильной лишь душѣ

И полу-казнь и полу-милость сродны.

Я не шакоть. Мой гнѣвъ какъ Божій громъ

Иль вмигъ сожжеть, иль пролепшитъ безвредно.

И ты прощенъ. Возвращены тебѣ

И волчины, и санъ въ Боярской думѣ,

И болѣе—довѣренность моя.

Я на тебя надѣюсь, Князь Василій.

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

О Царь! позволь во прахъ передъ тобой

Склонишь чело преступное.

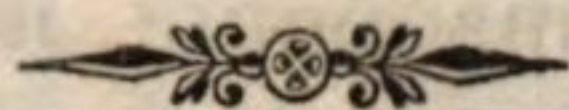
ДИМИТРІЙ.

Не нужно.

Все прежнее теперь забыто мной.

(къ Боярамъ) Бояре всѣ! прошу, любите Князя.—

Но вотъ Послы.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ВХОДЯЩІЕ ПОСЛЫ.

ДИМИТРІЙ.

Госѣвскій, Олесницкій!

Въ моей землѣ, въ преспольномъ градѣ семъ,

Привѣспивую я васъ двойнымъ привѣтомъ,

Какъ въ бѣдспвіи испытанныхъ друзей,

И какъ Пословъ спраны одноплеменной.

Идиже къ нимъ, Великій Секрепарь,

И грамопу возьми изъ Панскихъ рукъ.

Прочти ее.

ВЛАСЬЕВЪ.

Но, Государь, ты видишь—

(показывая бумагу) Великій Князь.

ДИМИТРІЙ.

Опдай ее назадъ.

ВЛАСЬЕВЪ.

Великій Царь, непобѣдимый Цесарь,

Вамъ грамопу велѣлъ опдашь, Послы,

Зане забылъ его высокій пишуль.

Идите съ ней обратно къ Королю ,
 Да вѣдаешъ, что здѣсь не Князь владѣетъ ,
 Но Царь и Цесарь всѣхъ Полнощныхъ спранъ.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Я грамошу беру благоговѣйно.
 Но знаете ль, что вы творите днесъ ?
 Для Короля несносная обида,
 Для Вицязей, сподвижниковъ твоихъ ,
 Для Ляховъ всѣхъ и стыдъ и оскорбленье ,
 Ругательство надъ мощною спраной ,
 Гдѣ мы тебя еще недавно зрѣли
 Изгнанникомъ, смиреннымъ бѣглецомъ ;
 Гдѣ ласкою Пановъ ясновельможныхъ
 Былъ воскрешенъ убитый скорбью духъ.
 Опомнися, Великій Князь Московскій!
 Не забывай, что сей блестящій пронъ ,
 На коемъ днесъ сидишь съ такой гордыней ,
 Сей самый пронъ тебѣ недавно данъ
 Небесной волей, силой Сигизмунда
 И оспріемъ Шляхетскаго меча.

БОЯРЕ.

Царя бранить !

—Уняшь его безумца!—

Прогнашь его !

ДИМИТРІЙ.

Бояре! замолчай ! —

По всей землѣ священъ твой санъ высокій ,
 Но слушай, Панъ! умѣрь нескромный жаръ.
 Твоихъ рѣчей смѣшонъ порывъ хвастливый.

Король могучъ и оспрый мечъ Липвы
 Въ иныхъ спранахъ пресполы воздвигаешъ ;
 Возьмите же, возьмите Шведскій прокъ ,
 Законное наслѣдье Сигизмунда !
 Вы, грозные судьи другихъ Державъ ,
 Чпо медлите свершитъ споль легкій подвигъ ?
 Не можете?—Такъ знай же, гордый Пань ,
 Не Королю порфирой Іоанна
 Обязанъ я, но Божіей рукъ ,
 Моимъ опцамъ и силъ Русской воли.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Ты Польскую дружину позабылъ.

ДИМИТРІЙ.

Бѣжавшую съ Новгородской бѣгвы ?
 Все помню я. О, только на словахъ
 Такъ грозны вы! Не пакова Россія !
 Нѣтъ, не паковъ Полунощный Орелъ :
 Онъ крыльями пол-міра осѣняетъ
 И надъ гнѣздомъ его въ единый часъ
 Нисходитъ ночь и упра лучъ сіяетъ.
 И мнишь ли ты, чпо я, предъ кѣмъ Князья ,
 Господари колѣна преклоняютъ ,
 Чью власъ Цари, Солпаны признаютъ ,
 Я, — Царскій сынъ и Цесарей попомокъ , —
 Твоей Липвѣ смиренно уступлю
 Моихъ опцевъ высокое названье ? . . .
 Тому не бытъ! уже Европа вся
 Мой Цесарскій давно признала шишуль:
 И я того же пребую опъ васъ.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Намъ не законъ другихъ Державъ примѣры.

ДИМИТРІЙ.

Я не грожу за шо Липвѣ войной ;
Но объяви ты брапу Сигизмунду ,
Чпо я, досель его вѣрнѣйшій другъ ,
Теперь его врагомъ считаю пайнымъ.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Московскій Князь! прослы мои слова :

Я не привыкъ къ рѣчамъ многоглагольнымъ
И говорю какъ смѣлый сынъ войны ,
Какъ вольный мужъ и Шляхпичъ благородный.
И днесъ зову въ свидѣтели я васъ.
Бояре всѣ! не Княземъ ли Великимъ
Звала Липва владыку Русскихъ спранъ ? —
И Цесаря гремящее названье
Когда нибудь носилъ ли пвой опецъ ? —
Ты новаго, неслыханнаго хочешь ,
И, власпію внезапной упоенъ ,
Ругаешься себя пріавшей Польшѣ.
Забыло все: и милость Короля
И нашъ пріемъ и служба храброй Шляхты.
Ты воленъ, Князь; чпо хочешь, шо пворишь ;
Но не забудь судящаго попомспва !
Его рука въ скрижаляхъ начерпипъ
Надъ именемъ пвоимъ: «неблагодарный.»

ДИМИТРІЙ.

Нѣтъ! ты не правъ. Люблю я вашъ народъ
И не забылъ пріязни Сигизмунда ;
Но вѣдай, Панъ, чпо ни ему, ни вамъ ,

Ни всѣмъ Царямъ, (изъ страха иль любви)
 Не уступлю ни пяди на землѣ,
 Ни пня въ лѣсу, ни кочки въ Рускомъ полѣ,
 Ниже пол-слова въ пишулѣ моемъ.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Нашъ кончанъ споръ, Великій Князь Московскій!
 Узнаешь ты, что гордаго ума
 Не любитъ Богъ.

ДИМИТРІЙ.

Не одобровать же Ляхамъ.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Да судитъ Онъ межъ нами и побой.
 Съ тебя, съ тебя да пребудетъ опвѣща
 За смерть людей, за кровь невинныхъ жертвъ,
 Которыя падутъ въ борьбѣ упорной:
 Межъ Царствами рѣшаетъ споры мечъ.

ДИМИТРІЙ.

Не я его на Польшу извлекаю.
 Но возвратись скорѣе къ Королю,
 Пусть онъ рѣшитъ.—Союзъ—я радъ союзу;
 Война—я радъ войнѣ.

ПОЛЯКИ.

Война, война!

ДИМИТРІЙ.

Да будетъ такъ. Иди же, Олесницкій.

Бояринъ Петръ! ты угости Пословъ.

(уходящъ Царь и Послы).

КУРАКИНЪ.

Что скажешь ты, Валуевъ?

ВАЛУЕВЪ.

Что Димитрій

Достойный Царь, и грудью за него

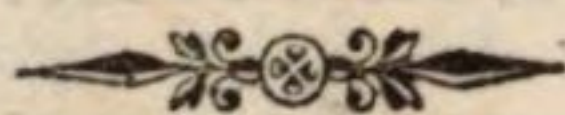
Головъ я спашь.

— и я,

— и я,

— и всѣ мы.

(уходящъ Бояры).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

князь шуйскій и прокофій ляпуновъ.

Спой, Ляпуновъ! въ прошедшую недѣлю

Прибавилось сообщниковъ у насъ.

Голицыны, Куракинъ и Плещеевъ

И Солпыковъ, Тапищевъ и Нагой.

Доспапочно.

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Да, было насъ довольно.

князь шуйскій.

Какъ было? а теперь?

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Всему конецъ.

Царь гонитъ прочь пришельцевъ намъ прошивныхъ,

Война съ Липвой!—Да здравствуетъ же Царь!

князь шуйскій.

Одумайся!—Обманщикъ, самозванецъ!

ПРОКОФІЙ ЛЯПУПОВЪ.

Законнаго Царя не воскресишь,
А онъ премудръ: всѣ Царспвенныя пайны
Умомъ поспишь, высокой думы полнь,
Въ бояхъ удалъ,—и каждое сраженье
Съ такимъ Вождемъ побѣдой будетъ намъ;
И Кіевъ, градъ свяшой, и край Волинской,
Богатый край—все будетъ нашимъ вновь.

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Но вспомниже, что онъ ерепикъ гнусный.

ПРОКОФІЙ ЛЯПУПОВЪ.

Долой Липву, такъ Іезуитовъ прочь!
И всѣ грѣхи забудетъ Духовенство
И за Царя жъ молитву сотворишь.

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

О Ляпуновъ, ужасно! бѣглый инокъ,
Не изъ Бояръ, едва ли Дворянинъ!

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

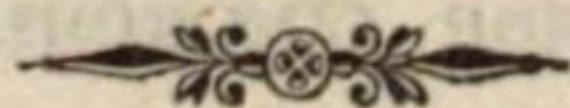
Тѣмъ лучше, Князь: не будетъ книгъ разрядныхъ
И за него я лягу головой.
Повѣрь мнѣ, Князь, забудемъ все бывшее,
Прощай, прощай! (Уходитъ).

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Меня онъ оставляетъ

И вслѣдъ за нимъ опсканутъ всѣ. Бѣда!
Все рушилось, и мщеніе и надежда,
И сей вѣнецъ, къ копорому я могъ
Ужъ проспирашь неперпѣливы длани.

О Ляпуновъ! и я за нихъ спрадалъ,
И голову я положилъ на плаху . . .
О Ляпуновъ! вопль дружба и друзья !

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Комната въ покояхъ Марины.

МАРИНА, РОЗА ЛЕССКАЯ.

РОЗА (поетъ).

Онъ пригладилъ усъ широкой,
Что-то Паниъ черноокой
На ухо сказалъ,
И въ полуночи глубокой
Съ Панной ускакалъ.

Не одинъ въ спранъ окрестной
Князь искалъ руки прелестной
О любви молилъ,
Но лишь Рыцарь неизвѣстный
Дѣвицу плѣнилъ.

Не также ли прекрасная Марина
Поклонниковъ видала предъ собой,
Вельможъ, Князей и Графовъ благородныхъ
И презрѣла ихъ пылкую любовь.

МАРИНА.

Да, Лесская, и вдругъ явился выпязь
 Невѣдомый, изъ полунощныхъ спранъ:
 Не правда ли, какъ въ сказкѣ?

РОЗА.

Нѣтъ, Царица!

Тамъ бѣдный рыцарь, здѣсь же Царскій сынъ.

МАРИНА.

И сильный Царь.—За то признайся, Роза,
 Что не похожъ мой будущій супругъ
 На рыцаря твоей веселой пѣсни.
 Въ Димитріѣ едва ли красоту
 Опыщеть взоръ, любовью ослѣпленной?
 Угрюмый видъ и грубыя черты
 И волосы на головѣ, какъ пламя.

РОЗА.

Но ловокъ онъ!

МАРИНА.

Да, ловкость Козака.

РОЗА.

Краснорѣчивъ.

МАРИНА.

Да, рѣчь семинариста.

РОЗА.

За то онъ Царь.

МАРИНА.

И я его люблю.

Въ немъ быстрый умъ, опвага, жажда славы
 И спраспная, горячая душа.

РОЗА.

О, какъ легко прекрасная Марина
Обворожитъ супруга своего;
Здѣсь не найдешь соперницы опасной.

МАРИНА.

Ты, Роза, лгишь.

РОЗА.

Нѣтъ: правду говорю.

МАРИНА.

Я слышала, такъ пышно разцвѣтаешь
Московскихъ женъ и юныхъ дѣвъ краса.

РОЗА.

Пустое все; расскажешь чудеса.
Я знаю ихъ: высоки и дебелы,
И щеки алыя и лица круглы, бѣлы;
Подумаешь, куда какъ хороши.

А всмопришься, — неспройныя движенья

И на лицѣ безъ выраженья

Какъ спеклы, очи безъ души. —

Что скажешь ты? Соперницы ужасны.

МАРИНА.

Да правда ли?

РОЗА.

Ты видѣла Бояръ:

По нимъ суди объ ихъ прекрасныхъ женахъ.

Какъ спраненъ мнѣ весь швой Московскій Дворъ!

Ей, ей! въ Липвѣ медвѣди наши лучше.

МАРИНА.

Да, признаюсь: съ Панами ихъ сравнишь
Почпи смѣшно.

РОЗА.

Смѣшно? грѣшно, безбожно.

МАРИНА.

Послушай-ка; тамъ кажется спучать.

РОЗА.

Ужъ вѣрно Царь.

МАРИНА.

Какъ рано онъ приходитъ! . . .

Зови его (передъ зеркаломъ.) Да: я должна владѣть

Его душой.—Довѣрчивый и спрастный

Онъ любитъ самъ и вѣруетъ въ любовь.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

(Входитъ) ДИМИТРІЙ.

ДИМИТРІЙ.

Какъ хороша!

МАРИНА.

А, это ты Димитрій!

Какъ я ждала! Какъ медленно часы

Капились въ несносномъ ожиданьи!

ДИМИТРІЙ.

Блаженный мигъ! Онъ въ цѣлый день одинъ

Меня даритъ опрадою свободной.

Я здѣсь живу,—а тамъ! . . .

МАРИНА.

Какъ сладко льстятъ!

Онъ скажетъ мнѣ, что чувство Царской силы

Его души ничуть не веселитъ;

И я должна ему повѣрить.

ДИМИТРІЙ.

Полно:

Что Царство, власть, что мой блестящій Дворъ?

Труды, борьба, тяжёлыя заботы,

Поклонниковъ бездушныя толпы,

И золото и холодъ и пустыня.

Какая жизнь! Я только здѣсь живу!

На сердца гласъ здѣсь сердце опѣваетъ

Моей любви опѣвствуетъ любовь: —

Такъ вѣрю я, такъ мнѣ оправдно вѣрить.

МАРИНА.

Какъ ты унылъ! Что случилось съ тобой?

ДИМИТРІЙ.

Я не унылъ: но только упоминя.

МАРИНА.

Нѣтъ, ты смущенъ. Кто оскорбилъ тебя?

ДИМИТРІЙ.

Какъ оскорбилъ? Ужъ ты, Марина, знаешь?

МАРИНА.

О, взоръ любви яснѣй чѣмъ взоръ орла.

ДИМИТРІЙ.

Ее пѣвцы слѣпою называютъ.

МАРИНА.

Не вѣрь пѣвцамъ. Нѣтъ тайны для нее;

Во глубинѣ души она чипаетъ.

Скажи же мнѣ: кто раздражилъ Царя?

ДИМИТРІЙ.

Не спрашивай! Узнаешь слишкомъ рано.

МАРИНА.

Скажи теперь.

ДИМИТРІЙ.

О, лучше дай забыть

Тяжелую, несносную обиду!

Лишь вспомню я, вся кровь во мнѣ кипитъ :

Безумные—увидятъ.

МАРИНА.

Ты не скажешь?

Чего же ждешь супругъ, если ты

Еще женихъ, ужъ тайну скрываешь?

ДИМИТРІЙ.

Вѣрь! для тебя скрываю я ее.

МАРИНА.

Прекрасная, искусная уловка,

Но только жаль, что вѣрить не могу.

ДИМИТРІЙ.

Я не хотѣлъ, чтобы роковая вѣсть

Твой свѣтлый взоръ слезою омрачила.

МАРИНА.

Разсказывай! Не бойся: я пверда.

ДИМИТРІЙ.

Да: вѣрю я. Да: ты должна, Марина,

Любить Москву! — Вѣнецъ Россійскій твой!

Сей славный край призналъ тебя Царицей.

МАРИНА.

И я люблю, душой люблю его.
 Но не вѣнцемъ, не именемъ Царицы
 Мнѣ дорога Московская земля,
 Однимъ мила: она швоя, Димитрій.

ДИМИТРІЙ.

Какъ сладостно звучатъ твои слова! —
 Сегодня я пословъ опѣ Сигизмунда
 Торжественно впервые принималъ.
 И чпожъ? Они меня Великимъ Княземъ
 Изволили спѣсиво величать,
 Какъ будто бы моимъ названьемъ Царскимъ
 Подавился Ясно-вельможный Панъ.
 Я грамопу велѣлъ опдашь обратно;
 И думаешь пѣмъ кончилось? Нѣтъ.
 Тогда Посолъ! (они меня узнають
 Я усмирю ихъ буйную главу).
 Тогда Посолъ съ улыбкой величавой
 Меня назвалъ смиреннымъ бѣглецомъ,
 Нахлѣбникомъ, швореньемъ Сигизмунда. —
 И я сперпѣлъ, — повѣришь ли? сперпѣлъ;
 Но опвѣчалъ презрѣньемъ на упреки,
 И кончилось! — О будь теперь шверда.

МАРИНА.

О горе мнѣ! Война съ моей опчизной.

ДИМИТРІЙ.

Не объявилъ, но принялъ я войну.

МАРИНА.

Чпо мнѣ сказать? Несносно оскорбленье,
 Неслыханно, достойно казни злой.

ДИМИТРІЙ.

Не правда ли?

МАРИНА.

Твое законно мщенье

И гнѣвъ твой правъ.

ДИМИТРІЙ.

Марина, доверши

Скажи еще, что лишь мечемъ возможно

Изгладить спыдъ.

МАРИНА.

Нѣтъ: не воюй Липвы.

ДИМИТРІЙ.

Не воевать съ твоей надменной Польшей!

Не воевать! и вопъ твой любовь!

Въ моемъ Дворцѣ, передъ лицомъ Россіи

Уничженъ я, презрѣнъ, спопанъ въ прахъ,

И мнѣ сперты! Нѣтъ: ты меня не любишь;

Я былъ досель мечпою ослѣпленъ;

Но женщины обманчивы, коварны,

И вижу я, Димитрій не любимъ.

МАРИНА.

Онъ не любимъ! О Боже!

ДИМИТРІЙ.

О Марина!

МАРИНА.

Несчастливая!

ДИМИТРІЙ.

Нѣтъ: я не справедливъ!

Нѣтъ: ты должна любить свою опчизну.
Забудь слова безумныя !

МАРИНА.

Оспавь,

Оспавь меня !

ДИМИТРІЙ.

Да; я не правъ, Марина :
Въ безуміи я оскорбилъ тебя.
Но позабуди порывъ любви ревнивой ;
Но дай мнѣ вновь услышать голосъ твой ,
Оправданный звукъ твоихъ рѣчей волшебныхъ.

МАРИНА.

Къ чему теперь прищворство ? Грудь мою
Ты поразилъ кинжаломъ ядовитымъ
И послѣ льешь безвременный елей ; —
Но поздно, Царь.

ДИМИТРІЙ.

Марина, предъ побою

Виновенъ я; но я молю тебя
Прости, прости !

МАРИНА.

Упрековъ не услышишь,

Не спану я бывшее поминашь ,
Моей любви безумное начало . . .
Тобою все забыто.

ДИМИТРІЙ.

Никогда !

Въ моей груди цвѣтеть воспоминанье
О свѣтлыхъ дняхъ, о первыхъ дняхъ любви.

Мнѣ памянны садовъ зеленый сумракъ,
 Алея липъ и плещущій фоншанъ,
 И препепъ мой и робкое признанье
 И тихія, волшебныя слова.

МАРИНА.

Ты не любимъ? Кого же я любила?

Царя? Ты былъ безъ силы, безъ друзей,

И Годуновъ владѣлъ швоимъ Пресполомъ.

Царевича? пусть вѣрили другія

И правдою казался имъ обманъ.

ДИМИТРІЙ.

Какой обманъ?

МАРИНА.

Не даромъ я сказала,

Чшо взоръ любви яснѣй, чѣмъ взоръ орла:

Я знала все.

ДИМИТРІЙ.

Какъ! ты, Марина, знала?

МАРИНА.

Не древній родъ любила я въ тебѣ,

Не мнимаго попомка Мономаха;

Но пламенный порывъ души швоей,

Но смѣлый духъ, спремящійся изъ праха

На высопу, на поприще Царей.

ДИМИТРІЙ.

И я тебѣ могъ оскорбить упрекомъ!

Прости меня!

МАРИНА.

Я вѣрила тебѣ

Я думала: меня Димитрій любить.—

О, для чего жъ я не могу забыть?

ДИМИТРІЙ.

Клянусь тебѣ, Марина.

МАРИНА.

Не клянися!

Разсѣялась опрадная мечта.

Когда любовь въ мужчинѣ осыпаетъ

(И долголь въ немъ горитъ огонь святой?)

Онъ ищетъ лжи, выдумываетъ ссоры,

И въ мигъ вспыхнулъ, и сыплются укоры.

Да: чувствую; забыла я побой!

ДИМИТРІЙ.

Жестокая!

МАРИНА.

Не возвращуся въ Польшу;—

Ея врага закрыты для меня:

Въ швоей странѣ пустыня есть глухая

И монастырь: туда сокроюсь я.

Ты будь счастливъ! красавица иная. . . .

ДИМИТРІЙ.

Не мучь меня, Марина! переспань:

Клянусь тебѣ: иной любви не будетъ

Въ моей душѣ: клянуся, для тебя

Надеждами и счастьемъ цѣлой жизни

И жизнию я жертвовалъ готовъ.

МАРИНА.

Клянется онъ, а я безумно вѣрю!

Мнѣ сладостны обманы льстивыхъ словъ.

ДИМИТРІЙ.

Но честію, но славою Россіи
Я жерпивовашъ не долженъ,—не могу.

МАРИНА.

Кпо просипъ жерпвъ? Къ чему онъ, Димитрій?

Царица я: мнѣ дорогъ Русской Тронъ

И честъ вѣнца. Но слушай! не поспигнешъ

Твоей души безсмысленный народъ:

Лишь низкое коварство Годунова,

И Іоаннъ,—кровавая гроза

Поняпны имъ: но рыцарскія чувства

Высокій духъ и смѣлыхъ думъ полетъ

Все ново здѣсь, все чудно и не ясно.

Лишь памъ въ Липвѣ, въ моей спранъ родной

Всегда найдешь гошовый опголосокъ.

Тамъ гордою и смѣлою душой

Тебя поймушъ и подвигъ пвой оцѣняшъ.

ДИМИТРІЙ.

Да: можешъ бышъ ты правду говоришъ;

Но Сигизмундъ меня обидѣлъ больно

И Царскій долгъ велишъ ему опмспишъ.

МАРИНА.

Война съ Липвой опасна.

ДИМИТРІЙ.

Мы увидимъ.

Опасностей Димитрій не бѣжишъ:

Посмопримъ мы, кпо въ бишвъ успоипъ,

Хваспливый Ляхъ, иль Рускихъ спрой желѣзный?

Я знаю ихъ.... О живо помню я

Топъ грозный часъ, когда съ дружиной конной

Въ сраженіе, какъ вихорь, я лепѣль.
 Все падало и Нѣмцы побѣжали. —
 Лечу впередъ.... Спрѣлецкій полкъ споришь
 Какъ вкопанный, какъ вылипый изъ спали,
 Мечи блестятъ, сверкаютъ ихъ пищали;
 Въ моей груди, какъ спруны задрожали
 Всѣ жилы. . . . О, по былъ веселый видъ!
 Несусь впередъ: дружина вслѣдъ за мною; —
 Но вдругъ раздался выспрѣлы, и въ мигъ
 Пропалъ и слѣдъ моихъ отважныхъ Ляховъ.
 О счастье! Такую рапъ веспи
 Въ кровавый бой! Я не боюсь Липовцевъ! . . .
 Не всякой день дается имъ Бапорій:
 Увидимъ мы, хопя-бъ и пошь воскресъ! —

МАРИНА.

Ты словъ моихъ не выслушалъ, Димишрій.
 О мой Герой, любимый выпязь мой,
 Ты побѣдишь! Но эпой мѣлкой славы
 Тебѣ ль желашь? Какъ мало знаешь міръ
 Про грозныя Славянъ междоусобья! —
 Вѣрь: пы рожденъ для подвиговъ иныхъ,
 Тебя зовешъ иное бипвы поле.
 О если бы гордыню Музульманъ
 Ты сокрушилъ, и съ башенъ Царяграда
 Низвергнулъ въ прахъ безбожную луну,
 Какая бы тебѣ ждала награда,
 Какая честь! Далекіе вѣка
 Благоговѣнно бъ обращали
 Свой взоръ къ тебѣ сквозь мракъ временъ
 И выше всѣхъ другихъ именъ
 Твое бы имя начерпали;

И славный подвигъ бы сіялъ
 Въ бытописаньяхъ смутныхъ міра,
 И о тебѣ гремѣла бѣ сладко лира,
 И Музы гласъ тебя бы воспѣвалъ.
 Не правда ли?

ДИМИТРІЙ.

О! чудныя надежды
 Прелестный гласъ! Марина! Но стерплю ль
 Безумную гордыню Сигизмунда?

МАРИНА.

Тамъ гордое названье избирай.
 Тамъ выдумай себя dospойный пипуль.
 Кію будешь спорить? Весь крещеный міръ
 Передъ тобой преклонится смиренно.

ДИМИТРІЙ.

Да: это правда; но теперь, теперь?

МАРИНА.

Теперь съ Липвой начини переговоры.
 Ты знаешь самъ, какъ глупо-гордъ Король;
 Скажи Посламъ, что если пишуль Царскій
 Онъ дастъ тебѣ, ты Шведскій прони ему
 Опять опдашь, но только..... (смѣясь) на бумагѣ.
 Не правда ль, я разумно говорю?

ДИМИТРІЙ.

О продолжай! Къ своимъ успамъ прикованъ
 Мой жадный слухъ.

МАРИНА.

Послушайся меня,
 Не разрывай ты съ Западомъ союза!

Подумай самъ какъ Вапиканъ хиперъ,
 Какъ много шайнъ изъзспно Іезуитамъ!
 О милый другъ! тебѣ нужна Липва,
 Чпобъ усмиришь народное волненье,
 Чпобъ укрѣпишь еще непвердый Тронъ,
 Чпобъ освѣпишь пвой Сѣверъ полудикій
 Чудесными лучами Южныхъ спранъ,
 Но болѣе, кпобъ силою двойною
 Попрать луну..... О, я молю тебя,
 Не огорчай души пвоей Марины,
 На вѣчну скорбь не осуждай меня,
 Не дай пролишь мнѣ горькихъ слезъ попоки
 Надъ бѣдспвіемъ моей спраны родной,
 Надъ гибелью моихъ единокровныхъ!
 Молю тебя: не отвергай моьбы.

ДИМИТРІЙ.

Не должно бы: но опказать не въ силахъ.

МАРИНА.

Не правда ли? Ты обещаешь мнѣ.
 О знаю я, ты побѣдишь Сулпана:—
 Смощри! вѣнецъ изъ лавровъ я спмела
 Для пвоего Державнаго чела. (примѣряетъ на немъ вѣнецъ).
 Ты будешь въ немъ, какъ шощъ великій Кесарь
 Безсмершный вождь и слава прежнихъ дней: —
 Ужъ вижу я, пвой ликъ блеспишь побѣдой
 И поржеспво въ огнѣ пвоихъ очей. . . .
 Но обещаи, о мой любимый вишязь,
 Чшо на Липву мечи не извлечешь.

ДИМИТРІЙ (обнимая ее).

Волшебница! За чѣмъ! моей душою

Владѣешь ты? За чѣмъ я слабый рабъ
Твоей красы, твоихъ рѣчей прелесныхъ?

МАРИНА.

Но общай!

ДИМИТРІЙ.

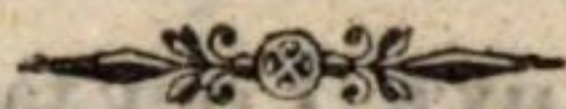
Да : общаю я.

МАРИНА.

Кто тамъ шумитъ?

РОЗА (входя).

Бояринъ Пётръ Басмановъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

(Входитъ Басмановъ).

ДИМИТРІЙ.

Что новаго?

БАСМАНОВЪ.

Опъ Терскихъ Козаковъ

Сей часъ гонецъ съ извѣстіемъ пріѣхалъ,
Что Кумыки съ опрядомъ Янычаръ,
И съ конницей, — всего двѣнадцать тысячъ —
Подъ знаменемъ Дербентскаго Паши
Въ Россійскіе предѣлы ворвались.

ДИМИТРІЙ.

А, не-христи! они хомятъ войны.
Въ Россійскіе предѣлы! Это боль,

Чѣмъ въ пишуль мнѣ Царскомъ опказать.

Чпожъ Козаки ?

БАСМАНОВЪ.

Ихъ Ашаманъ удамый

Пошелъ на впрѣчу съ горспью молодцовъ ,

Пашу разбилъ, добычу, плѣнныхъ забралъ

И множесиво на мѣспѣ положилъ.

ДИМИТРІЙ.

Лихой народъ !

БАСМАНОВЪ.

Въ гориспомъ Дагѣспанъ

Два Княжесива передалися намъ

И бьютъ челомъ шебѣ, ихъ Государю.

МАРИНА.

Вопъ видишь ли, чпо въ грудь мою любовь

Вложила даръ пророчесива. Я знала ,

Что Небеса Димитрія спасли

Для гибели народовъ Музульманскихъ.

БАСМАНОВЪ.

Сей часъ гонца опправиль я въ Елецъ ,

Чпобы полки къ Чернигову пянулись.

ДИМИТРІЙ.

Перемѣни ! Пуспъ ждушъ меня въ Ельцѣ.

БАСМАНОВЪ.

Какъ, Государь ?

ДИМИТРІЙ.

Войны не будепъ съ Польшей.

БАСМАНОВЪ.

Ты Королю за дерзость не опмспишь ?

ДИМИТРІЙ.

И безъ войны управлюсь съ Сигизмундомъ.

БАСМАНОВЪ.

Ты оскорбленъ передъ Россіей всей ;

Когда смолчишь и стерпишь поруганье

Я за Москву ручаюсь не могу.

ДИМИТРІЙ.

Ну что Москва! Мои стрѣльцы надежны ,

Нѣмецкая Дружина мнѣ вѣрна ,

Да Поляковъ здѣсь тысячи чепыре ,

Да пушкари , да мѣдныхъ пушекъ спо.

Не мальчикъ я, не Годуновъ-ребенокъ ,

Грозой уйму мяпежъ и заговоръ.

БАСМАНОВЪ.

Теперь уймешь, покуда не созрѣли ;

Но ежели ты честь вѣнца опдашь

Въ добычу Ляхамъ, презришь гласъ народный

И глазъ Бояръ, любящихъ твоей Пресполъ ,

Созрѣють замыслы.

МАРИНА.

Черезъ двѣ недѣли,

А много при, Царь двинется въ походъ

И рушатся всѣ замыслы коварны.

БАСМАНОВЪ.

Пропивна намъ надменность Поляковъ ;

Война съ Липвой нужна тебѣ.

МАРИНА.

Не слушай !

Пожалуйста не слушай ! онъ сердитъ.

БАСМАНОВЪ.

Повѣрь мнѣ, Царь. . . .

МАРИНА (перебивая).

Ты побѣдишь Тавриду,

Чудесный край роскошной красоны.

Тамъ много дѣвъ прекрасныхъ, черноокихъ,

Ихъ гибокъ спань, привѣсливы уста,

Огонь любви подъ длинною рѣсницей.

Душа моя! ты не измѣнишь мнѣ?

ДИМИТРІЙ.

Нѣтъ, никогда! Нѣтъ! вѣренъ я до гроба.

МАРИНА.

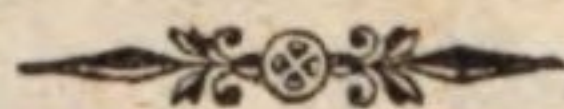
Послушай, Царь, покой мой веселѣй;

Пойдемъ туда!

ДИМИТРІЙ.

Басмановъ, чѣмъ заигра

Послы опять явились предъ меня!

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

(Входитъ ШУТЬ и бросается на колѣни).

ШУТЬ.

Великій Государь защипи! я швой шупъ, швой Князь
Попѣшный, а меня прибили!

ДИМИТРІЙ.

Тебя, шебя? Кто смѣлъ тебя ударить?

шутъ.

Не ударили, а били, колопили въ кровь до полусмерти. Я провожалъ сегодняшнихъ гостей да пошучивалъ, да по-дразнивалъ ихъ по своему обычаю, по своему Царскому позволенью.—Какъ обернешся проклятый усачъ, да какъ примется меня пузипъ, да какъ приспануть къ нему другіе! Ай! ай! и спину и голову всю разбили. Ай! ай! Накажи усача, Государь! Я свой попышникъ: безъ своей воли никто не долженъ меня и пальцемъ пронуть.

МАРИНА.

Какой несносной шупъ! Онъ дерзокъ, пьянъ,
Надъ выпьемъ ругался благороднымъ,
И съ жалобой пришелъ. Оспавъ его.

ДИМИТРІЙ.

Мнѣ жалокъ ты, мой бѣдный Князь Попышный.
Вопъ золотой корабленикъ.—Возьми
И вылечи свою больную спину.

МАРИНА.

Пойдемъ же, Царь.

БАСМАНОВЪ.

О Государь, внимли!

МАРИНА.

Гляди, вопъ мой вѣнокъ зеленый,

Вѣнокъ Героя моего;

Въ немъ гордый лавръ и дубъ слепенный

И миршъ любви. Возьми его.

Пойдемъ же въ мой покой!

ДИМИТРІЙ.

Прощай, Басмановъ.

(Димитрій и Марина уходятъ).

БАСМАНОВЪ.

Совѣтникъ новый здѣсь.

ШУТЬ.

И новый шупъ.

БАСМАНОВЪ.

Намъ не къ чему здѣсь оспаваться долъ. (Уходитъ).

ШУТЬ (одинъ).

А, пакъ вопъ что! возьми корабленикъ, да вылечи свою спину. Вылечу, вылечу! Если змѣя укусишь, убей змѣю, да приложи убистую къ ранъ; если укусишь бѣшеная собака, пакъ ея же кровью рану умой. Я себя вылечу.

(передразнивая Марину)

Онъ дерзокъ, пьянъ! . . . Какой несносный шупъ! Погоди, пошучу, пошучу. Ай! ай! Какъ спина болишь; эпо за мои грѣхи, какъ говоришь отецъ Иванъ. Кому служу я, проспи Господи? Хуже пса: пеляпину жреть, посповъ не знаешь, въ баню не ходишь. Я за него душу гублю; а какъ побьюшь, онъ и не думаетъ заспуцишься. Вопъ тебѣ корабленикъ, — вылечи спину. — Вылечу, вылечу кровью прокляпою. Шупъ, шупъ! Пошучу, да не посмѣтесея. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

МАРИНА. РОЗА (входя опять).

МАРИНА.

Зови сюда двухъ музыканповъ, Роза,
Они Царя игрой развеселятъ (уходитъ Роза).

(одна) Войну съ Липвой запѣялъ! . . . Нѣтъ, Димитрій!
 На ней одной основанъ нашъ Престоль,
 И въ мирѣ съ ней владычество Марины.
 Безумцу волю дай! Прогонишь онъ
 Всѣхъ Поляковъ, моихъ единокровныхъ,
 Попомъ глядишь, и сѣпи разорветъ.
 Мечпы любви поблекнутъ въ наслажденьѣ
 Опъ времени попухнутъ пылкій жаръ: —
 Нѣтъ! на любовь надѣялся не спану,
 Одна нужда надежна и пверда.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Домъ Шуйскаго.

князь шуйскій. СТАРЕЦЪ СЛѢПОЙ АНТОНІЙ.

АНТОНІЙ.

Ты ждешь гостей, Князь Шуйскій?

князь шуйскій.

Да, Антоній.

Вчерашніе сберутся бѣглецы.

АНТОНІЙ.

Вопъ видишь ли? А пы впадалъ въ унынье

И не хопѣлъ словамъ моимъ внимаць.

князь шуйскій.

Какая жъ мнѣ надежда оспавалась?

Подумай самъ! Опъ словъ «Война съ Липвой»

Всѣ головы, какъ опъ хмѣльнаго меда

Вскружилися; всё бросили меня.

Была бѣда,—да благо Царь поправилъ.

АНТОНІЙ.

Какъ? раскажи.

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Сегодня поупру

Мы собрались въ Кремлевскія Палаты,

И ласково насъ встрѣшилъ Самозванецъ

И рѣчь умно объ дѣлѣ земскомъ велъ.

АНТОНІЙ.

Князь вѣка далъ слугамъ своимъ премудрость

И сладку рѣчь для гибели людей.

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Опять Послы Липовскіе явились

Еще смѣлѣй, надменный чѣмъ вчера,

Грозилися, бранили, упрекали,

А Царь стерпѣлъ и мягокъ былъ какъ воскъ;

И говорилъ, что не желаетъ ссоры,

Что дорожитъ пріязнью Короля: —

И Власьеву опять переговоры

Велѣлъ начать и ласково Пословъ

Онъ оппустилъ и угостилъ роскошно.

Тупъ хмѣль прошелъ у всѣхъ моихъ друзей,

И, какъ пошокъ, сорвавшій все преграды,

По всей Москвѣ, шумя, вскипѣлъ народъ.

АНТОНІЙ.

Да кто же мысль его перемѣнилъ?

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Шушъ говорилъ, что Краковской красоткѣ

Угоденъ миръ, а нашъ веселый Царь

Для черныхъ глазъ гошовъ опдашь и душу
И свой Престоль.

АНТОНІЙ.

О маловѣрный Князь !

Когда, когда опкроешь взоръ духовный,
И Вышняго десницу узришь ты?
За грѣхъ Москвы, за наши беззаконья,
Преспупника возвелъ онъ на престоль;
Но часъ придетъ и свергнетъ вновь злодѣя,
И не далеку суда Господня день,
И грѣшною къ раскольницѣ любовью
Паденіе Разсприги спроишь Онъ.

князь шуйскій.

Грядущее ты вѣдаешь, Антоній !

АНТОНІЙ.

Ты видишь самъ, что я больной спарикъ,
Мой взоръ закрытъ; меня мальчишка водишь
Да не споткнушь о камень; но повѣрь !
Духовный взоръ мой чисъ и зорко око,
И въ далеку мнѣ видѣнь Божій пупъ.
Единого жилища Православья,
Спраны свяпыхъ не сокрушишь Господь;
Но тяжело и долго испытуешь
И чиспую попомъ ее опдасъ
Невинной, чиспой длани.

князь шуйскій.

Эхъ, Антоній

Кшо въ міръ чисъ!—Поспой-ка, Лапуновъ
Сюда идешь.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Князь Шуйскій, предъ тобою

Винovenъ я.

князь шуйскій.

Предъ Богомъ можетъ быть,

Передъ Москвой и Русью Православною,

Но предо мной!—не думаю.

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Вчера

Я, буйною надеждой ослѣпленный,

Довѣрчиво колѣна преклонялъ

Предъ Лже-Царемъ, предъ гнуснымъ Самозванцемъ,

И думалъ могъ, что Богъ ему внушилъ

Благую мысль; что свой обманъ опважный

Онъ славными дѣлами освятитъ;

Что онъ опомнитъ за насъ.

АНТОНІЙ.

Что злое съмя

Дастъ плодъ благой! О грѣшникъ и слѣпецъ!

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Я не внималъ своимъ совѣшамъ мудрымъ.

князь шуйскій.

Не ты одинъ, всѣ опьянѣли вдругъ.

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Все кончано; разсѣялось мечтанье.

Поруганный Послами Короля

Онъ замолчалъ, онъ жерцвовалъ Россіей

Своей любви и дружбѣ къ Полякамъ;
 И съ той поры онъ свой Престоль упротилъ.
 И вся Москва уже съ упра полна
 Нескладными и чудными вѣспями.
 Я побывалъ у всѣхъ твоихъ друзей,
 Они сюда не медля соберутся;
 И многіе, безвѣстные досель
 Купцы, Жильцы и знатные Дворяне,
 И Сопники Градскіе и Спрѣльцы
 Приспали къ намъ. Мы всѣ твои на вѣки!
 Хоть явною, хоть тайною войной
 Веди ты насъ: я для святаго дѣла
 Всѣмъ кланяюсь и плѣмомъ и душой.
 КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Мнѣ васъ вести? Нѣтъ, полно, другъ Прокофій!
 Въ вчерашній день извѣдалъ я людей
 И вашихъ думъ непостоянну шапкосность.
 Чпо мнѣ до васъ? Измѣнчивы, какъ въпрѣь,
 Волнуешесь, какъ море въ непогоду.
 А я спарикъ: вамъ нуженъ вождь иной.
 Пойдемъ со мной, Антоній, въ Образную
 И сотворимъ молитву. (Уходящъ).

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Это что?

Опъ замысловъ Князь Шуйскій отказался!
 Нѣтъ, нѣтъ, спарикъ, ты проведешь другихъ,
 А не меня: хиперь и богомоленъ!

(входящъ: Князь Куракинъ, Бояре).

КНЯЗЬ КУРАКИНЪ.

Ты Ляпуновъ ужъ здѣсь! Да гдѣ же Князь?

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Онъ молился.

БОЯРИНЪ.

Онъ мужъ боголюбивый,

И праведный, и многимъ лучше насъ.

КНЯЗЬ КУРАКИНЪ.

Мы подождемъ.

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Чего вамъ ждашь, Бояре?

КНЯЗЬ КУРАКИНЪ.

Чпобъ вышелъ Князь, чпобъ нашимъ былъ вождемъ,

Чпобъ намъ помочь онъ свергнуть Самозванца.

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Прекрасныя надежды! Но увы!

Не сбудуся. Князь Шуйскій отказался.

КНЯЗЬ КУРАКИНЪ.

Не можемъ быть.

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Онъ добръ и просишь душой,

За подвигъ нашъ гошовъ молишься тайно!

Но болѣе не можемъ.

БОЯРИНЪ.

Боже мой!

Да безъ него удача не возможна.

КНЯЗЬ ИВАНЪ ГОЛИЦЫНЪ.

Чпожъ? выберемъ начальниковъ другихъ!

И безъ него низложимъ мы бродягу.

КНЯЗЬ КУРАКИНЪ.

Нѣтъ, Князь Иванъ, безъ Шуйскаго бѣда! —

Одинъ лишь онъ въ Москвѣ имѣетъ силу

И знапносью. . . .

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫНЪ (перебивая).

А развѣ Князь Нагой,

Иль ты, Куракинъ, иль хопъ я, Голицынъ,

Мы выросли какъ лѣпшіе грибы?

КНЯЗЬ КУРАКИНЪ.

А все таки намъ далеко до Шуйскихъ.

Ни знапносью, ни саномъ, ни умомъ,

Ни доблестью, ни службой, ни богатствомъ

Съ Василіемъ пятамся намъ не лзя.

БОЯРИНЪ.

Сомнѣнья нѣтъ.

КНЯЗЬ КУРАКИНЪ.

Да только я не вѣрю,

Чшобъ не хопѣлъ онъ нашимъ быть вождемъ.

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Увидите.

КНЯЗЬ КУРАКИНЪ.

Подумай, братъ Прокофій;

Ужъ Царь давно на мѣспничесіво злился,

Такъ Шуйскому опсшашъ опъ насъ грѣшно.

ПРОКОФІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Я говорю; увидите.

КНЯЗЬ КУРАКИНЪ.

Пустое!

Не спершишь онъ, чшобъ съ нами на равнѣ

Съ Боярами, съ природными Князьями
Шель Дворянинъ, Спрѣмецъ или Козакъ,
А впереди усапый Панъ Липовскій
Иль Римскій Попъ, заморскій скоморохъ.

САЛТЫКОВЪ.

Какъ дерзокъ Царь, какъ онъ неблагодаренъ!
Подумайте, какъ я служилъ ему,
И кланялся и билъ челомъ смиренно
И съ Ляхами былъ друженъ. Чпожъ теперь?
На эшихъ дняхъ уговорилъ я Мнишка,
Чпобъ онъ просилъ награды за меня;
И знаете ль, чпо опвѣчалъ Разсприга?
«Не дамъ ему: въ немъ подлая душа.»
Душа, душа! Какъ видѣнъ бывшій Дьяконъ!

КНЯЗЬ КУРАКИНЪ.

Ну признаюсь, обиженъ Салпыковъ. (хохочуть).

САЛТЫКОВЪ.

Да, смѣйтесь.

КНЯЗЬ КУРАКИНЪ.

И правду не до смѣху.

(входитъ Князь Шуйскій).

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Скажите мнѣ, какой счастливой часъ
Собралъ въ мой домъ такихъ госпей безцѣнныхъ?

КНЯЗЬ КУРАКИНЪ.

Что за вопросъ? Ты самъ насъ призывалъ
Спать за Москву, начать святое дѣло,
И нашу Русь спасти отъ Лже-Царя.

КНЯЗЬ ШУЙСКИЙ.

Когда жъ, когда?

КНЯЗЬ КУРАКИНЪ.

Помилуй, Князь Василій,

Не пы ли къ намъ всечасно присылалъ

Изъ Галича, изъ мрака дальней ссылки

Своихъ друзей и преданныхъ дворянъ

И опъ людей свяпыхъ благословенье,

Чпобъ пробудишь покорную Москву?

КНЯЗЬ ШУЙСКИЙ.

Ты шупишь, Князь!

БОЯРИНЪ.

Вопъ Ляпуновъ свидѣтель.

КНЯЗЬ КУРАКИНЪ.

Къ чему еще свидѣтели! вчера

Ты насъ молилъ не вѣришь Самозванцу;

Его слова, внезапно брань съ Липвой

Ты называлъ порывомъ безразсуднымъ.

КНЯЗЬ ШУЙСКИЙ.

И что же вы сказали мнѣ въ опвѣтъ?

КНЯЗЬ КУРАКИНЪ.

Не вопрошай! Намъ совѣспно и вспомнишь.

САЛТЫКОВЪ.

Чтѣ совѣспно? Какая совѣспъ шупъ?

Мы думали, что онъ разладилъ съ Польшей,

Чпо вновь Бояръ своихъ полюбитъ онъ,

Насъ наградишь, пожалуешь богато,

И прежнее намъ будетъ вновь жипье.

Ты знаешь самъ, что къ меду липнуть мухи
А къ милоспямъ и злапу родъ людской.

КНЯЗЬ КУРАКИНЪ.

Спыдись!

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Вчера обманъ и Самозванство
И ересь, все прощали вы ему:
Свершайте же свой подвигъ какъ хопшпте!
Не измѣню, не помогу я вамъ.

КНЯЗЬ КУРАКИНЪ.

Но безъ тебя комужъ народъ повѣришь?
Чей гласъ какъ твой подвигнешь всю Москву?

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Вы знаете, что Царь великодушный
Проспилъ мнѣ всѣ минувшія вины.

КНЯЗЬ КУРАКИНЪ.

Помиловалъ, какъ милуетъ разбойникъ.

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

А вы вчера не все ль забыли вдругъ
Свои слова и тайные обыпы
И родины неслыханный позоръ?
Подите, нѣтъ: не любите Россіи,
Вы холодны къ призванію ея.
Берите же себѣ вождя любого
Но не меня.

КНЯЗЬ КУРАКИНЪ.

Винимся предъ шобою.

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Винитесь: а завтра къ вамъ улыбку

Вновь обратишь непостоянный Царь.

И передъ нимъ преклонишь колѣна

И опъ меня опсупишесь опянь.

князь скопинъ шуйскій.

Имъ будетъ спыдъ. Тебѣ какое дѣло!

Ты вѣренъ будъ своей спранъ родной.

князь шуйскій.

Оспавъ, племянникъ.

прокофій ляпуновъ.

Многіе граждане

Здѣсь ждущъ въ сѣняхъ; велишь ихъ опослать?

князь шуйскій.

Нѣтъ, Ляпуновъ, хочу простипсья съ ними.

(Входящъ граждане) Зачѣмъ ко мнѣ собрались въ часть ночной,
Друзья?

ГРАЖДАНЕ. (кланяются)

Мы бьемъ челомъ тебѣ, Князь Шуйскій.

Мы, граждане со всѣхъ концовъ Москвы

Къ тебѣ пришли съ усердною молипвой,

Да сжалишься надъ Русскою спраной.

Ты, праведный обмановъ обличипель,

Ты, мученикъ за испину и насъ

Возспанъ, возспанъ! Распоргни плѣнь Россіи,

Сними позоръ съ спрадающей земли!

Лишь опъ тебя мы чаемъ избавленья.—

Такъ мыслишь вся преспольная Москва,

Такъ говорящъ служипели свяпыни,

Такъ намъ рекли духовные опщы.

князь шуйскій.

Я не могу исполнить вашей просьбы.

князь скопинъ шуйскій.

О Господи! въ тебѣ заспыла кровь.

Одумайся! передъ побой Россія ;

Ея сыны, достойные сыны

Тебя зовутъ на помощь. Ты не можешь ?

Не смѣешь ты! И ты природный Князь ,

И Суздальскихъ власпишелей наслѣдникъ ?

Какъ ? вся Москва и Русь тебя зовутъ , —

И сей могущій гласъ, сей гласъ призывный

Не пробудилъ въ тебѣ высокихъ думъ ,

И ты споишь безмолвный, безпорывный ,

Душа молчишь, робѣешь хладный умъ.

Одумайся!

князь шуйскій.

Племянникъ, успокойся!

ГРАЖДАНЕ.

О вспомни, Князь! Разсприга, злой бѣглець,

Слуга Липвы, подручникъ Сигизмунда

Заполонилъ и Церковь и Народъ.

Онъ пещю дастъ всю Сѣверскую землю

И Новоградъ опдастъ своей женѣ.

Мы вѣдаемъ, что грамоша гошова ;

Не правда ли !

князь шуйскій.

Быть можетъ.

князь скопинъ шуйскій.

Боже мой !

И бѣдспивій сихъ ты будешь ждать спокойно ?

ГРАЖДАНЕ.

Мы въдаемъ: онъ Папу признаемъ,
Обители святыя уничтожимъ,
И Инокинъ и Спарцевъ изженемъ.

князь шуйскій.

Все можетъ быть.

СТАРЕЦЪ АНТОНІЙ.

До страшной пою години
Не дай Господь мнѣ грѣшнику дожить !

ГРАЖДАНЕ.

О сжался, Князь, надъ скорбною Россіей !

князь шуйскій.

Вы знаете, что я спрадалъ за васъ,
Что голову я положилъ на плаху;
Исполненъ долгъ.

князь скопинъ шуйскій.

Какъ? долгъ исполненъ твоей ?

Нѣтъ: двадцать разъ иди на мѣсто казни,
И двадцать разъ (коль можно) умирай !
Все родинѣ твоей долга не уплатишь.

князь куракинъ.

Я думаю, онъ хочетъ измѣнить.

князь скопинъ шуйскій.

Ты слышишь ли? Спыдись, спыдися, дядя !

князь шуйскій.

Ты молодецъ, другъ, чѣмъ старика учишь.
Не измѣню; но я боюсь измѣны.

КНЯЗЬ КУРАКИНЪ.

Клянемся всѣ; и Богъ свидѣтель намъ,
 Чпо мы тебѣ опнынѣ всѣ покорны,
 Доколь въ конецъ не сокрушимъ мечемъ
 И Лже-Царя и Ляховъ ненавистныхъ.

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Клянepесъ ли?

Всѣ.

! Клянемся.

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Богъ великъ!

Его рукой свершится правый подвигъ.
 Идите же, граждане, по домамъ,
 Молитесь и тайну сокрывайте,
 И къ роковому дню мечи приготавлиайте.
 Опеель, друзья, вождемъ я буду вамъ.

ГРАЖДАНЕ (уходя).

Господь свершитъ побой спасенье намъ.

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ (къ Боярамъ).

Друзья мои! Надѣюся на васъ;
 Увидимся для дальныхъ совѣщаній.

БОЯРЕ (уходя).

Увидимся. Прощай, почтенный Князь!

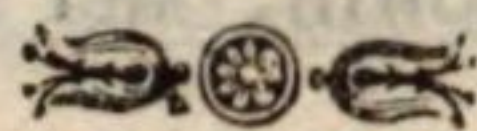
КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Другъ Ляпуновъ, съ надежными гонцами
 Пошли приказъ по волчинамъ моимъ,
 Чпобъ послали ко мнѣ въ Москву скорѣе

Опважнѣйшихъ и лучшихъ удалцевъ
 Съ оружіемъ гошовымъ для сраженія. —
 Въ Соборы всѣ, во всѣ монастыри
 Богатыя отправлю приношенія. . . .
 Прощай, мой другъ. Антоній, мы пойдемъ
 И совершимъ полнощное моленіе.

Конецъ 3-го Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Внутренность Дворца).

БАСМАНОВЪ И ШУТЬ.

БАСМАНОВЪ.

Ну что скажешь, Князь Потѣшный? Не слыхалъ ли чего? Не замѣшилъ ли? У тебя глаза оспры, да и уши чупки: про Шуйскаго ты первый провѣдалъ; не знаешь ли теперь чего?

ШУТЬ.

Нѣтъ, брашъ Пепрь, олъ Нѣмецкихъ винъ въ глазахъ темно, олъ Польской музыки въ ушахъ залегло. Ничего не знаю.

(Басмановъ уходитъ).

Вошь я умная голова, ужъ разъ дураковъ выручилъ, а Полякъ побилъ, никто не заспунился.—Вылечи спину, да и полько!—Вылечу, вылечу.—А теперь опянь не знаешь ли чего, Князь Потѣшный? Да и знаю, а не скажу; да и могъ бы опкрышь, анъ промолчу. Могъ бы запушить порохъ, анъ самъ подожгу. — (Входитъ Князь Шуйскій и Князь Голицынъ) Е! е! Князь Шуйскій! послушай-ка пѣсню.

Собрались ребята
 На богатый пирь,
 Въ Царскія Палаты
 Пива, меду пить.

Напились пива :
 Пьяные легли ,
 И дороги съ пира
 Госпи не нашли.

князь шуйскій.

Чпо мнѣ до твоей пѣсни ?

шутъ.

Не любишь дудки, полюбишь палку , не хочешь сказки, услышишь былъ. Ну хопъ ты, Князь Голицынъ, послушай сказочку. Жилъ-былъ Царь, и далъ онъ своимъ Боярамъ праздникъ за заспавою, и сказалъ Царь своимъ Боярамъ: Ой вы мои други, вѣрные слуги, на васъ плащье старое шелковое: сошью новое сосновое; а головы умныя, разумныя прикреплю коломъ осиновымъ, чпобъ въперъ ихъ не снесъ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Плащья перешили, головы пронизаны , а шло подъ землю упряпано , опъ въпра и солнца, опъ дожда и мороза.— Не свѣшло да тепло!—А когда-то это было? За заспавой въ воскресный день. Прощайте ребята, прощай Василій Шубникъ, Богъ съ тобою!— Больно сердить ты, да не весель; повеселятъ спарика. Пѣть не любишь, плакать будешь; плясать не хочешь, такъ спать уложатъ, да и всѣхъ Бояръ: да и шо въ воскресенье.—Чпо жъ ты, братъ, не смѣешься ?

князь шуйскій.

Попышный Князь! Поди къ другимъ Боярамъ
Да раскажи! Имъ также будетъ смѣхъ. (къ Голицыну).
Что скажешь ты?

князь голицынъ.

На былъ похожа сказка.

князь шуйскій.

Мы ускоримъ ударъ.

князь голицынъ.

Ужъ поздно, Князь,

Пойдемъ домой.

князь шуйскій.

Съ плобою, Князь Голицынъ.

Какъ много слугъ?

князь голицынъ.

Десятокъ.

князь шуйскій.

А со мной

Полдюжины.

князь голицынъ.

И всѣмъ боемъ съ оружіемъ?

князь шуйскій.

Въспимо, братъ! Теперь ночной порой

Того гляди, что Поляки ограбятъ. (Уходятъ).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

(Входятъ МАРИНА, ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ).

МАРИНА.

Ужь пирь къ концу: какъ долго длился онъ,
 Какъ праздники Московскіе докучны!
 Я думаю, что скоро Царь придетъ.

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Чась важенъ сей. Ръшипельнымъ ударомъ
 Ты ушвердишь владычествъ свое,
 Супруга пронъ и Царство Римской вѣры.
 Господень Духъ внушишь пвоей слова.

МАРИНА.

Опець свяпой! Тупъ будетъ много крови.

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Благая цѣль свяпипъ кровавый пупъ. —
 Ты знаешь ли, что пвоему супругу
 Спасенья нѣтъ, что бездна передъ нимъ?

МАРИНА.

Все знаю я. Но кпо же вырыль бездну?
 Кпо подданныхъ оппоргнуль опъ Царя,
 Его уча безумному презрѣнью
 Къ обычаямъ Россійской спарины.

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Чпожь? Намъ сперпѣтъ, чпобъ онъ въ обьяпяхъ Рускихъ
 Чувспвипельный, довѣрчивый, упаль;
 Чпобъ къ черни льспивъ и ласковый къ Боярамъ,
 И Поляковъ гордыню обуздавъ,

Онъ разорвалъ свободою рукою
 И нашу съшь и Римской власпи цѣнь? . . .
 Не для того прудились Іезуиты ;
 Не для того мы хитрою рукою
 Въ его душѣ неопытной и юной
 Посѣяли науки семяна ,
 Не для того погибъ младый Θεодоръ,
 Чшобъ эпа крозь, спаранья и пруды
 И хитрыхъ думъ расчепливая смѣлосшь
 Оспалися безплодными для насъ.

МАРИНА.

Ты, Паперъ правъ !

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Воппе рвался Димитрій

И пупъ иной себѣ опкрытъ хопѣль.
 Мы пупами незримо охвапили
 Его споны, и привели—куда ?
 Суди сама!—Межь имъ и Русскимъ Царствомъ
 Спояпъ пеперь волшебною спѣной
 Всѣ призраки преданій суевѣрныхъ ,
 Обычаевъ опверженныхъ ярмо
 И шайныя, Боярскія крамолы.
 Назадъ не лзя—и бездна передъ нимъ:
 Онъ долженъ паспъ.—Мы руку предлагаемъ ,
 Чрезъ глубину преносимъ,—новый пупъ
 Величія и славы опкрываемъ.
 Онъ долженъ паспъ иль нашимъ бытъ. Прощай !

МАРИНА.

Остановись. На твоей совѣпъ ужасный ,
 Я не могу одна склонипъ его.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

(Входитъ димитрій).

ДИМИТРІЙ.

Мой конченъ пиръ и госпи разошлись ,
 Какъ радостно шумѣла ихъ толпа ,
 Какъ весело и дружно всѣ смѣшались
 Липва и Русь въ единый брагскій кругъ!

МАРИНА.

Довѣрчивый и добрый мой Димитрій!

ДИМИТРІЙ.

Какъ ты грустна, Марина! что съ тобой?

МАРИНА.

Мнѣ жаль его. Какъ сонъ его пріятень!

Какъ тяжело проснувшись долженъ онъ!

ДИМИТРІЙ.

Пророчество и горе. О я вижу

Ужъ вѣрно ты, премудрый Паперъ мой,

Расказами смущилъ мою Марину.

Не вѣрь ему!

МАРИНА.

Онъ хочетъ насъ спасти,

Внимай ему!

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Позволь мнѣ удалиться,

О Государь! Царица знаетъ все.

ДИМИТРІЙ.

Поспой, поспой! Что это за загадки?

Откроетъ мнѣ ихъ глубокий смыслъ?

МАРИНА.

Ихъ смыслъ глубокъ и мраченъ шакъ какъ бездна ,
 Надъ коей пы, безпечное дыя
 Блещащими пирами веселишься.

ДИМИТРІЙ.

Какъ, подъ Дворцомъ естъ пропасть ?

МАРИНА.

Не шути!

Какъ кормчему предъ близкою грозою,
 Такъ дороги мгновенья для тебя.

ДИМИТРІЙ.

Въ твоихъ устахъ, прелестный мой наставникъ,
 Мнѣ нравишься заботливый укоръ.

МАРИНА.

О перестань! Душа моя прелещень
 Предъ глубиной Правительственныхъ шайнъ.

ДИМИТРІЙ.

Не для тебя онъ, моя Марина !
 Твоя душа прекрасна и ясна
 Какъ тихихъ водъ лазурная равнина:
 Ты нежныхъ чувствъ и крошечныхъ думъ полна. —
 Не радостны державы Царской шайны :
 Въ нихъ кровь и казнь, измена и мятежъ
 И суровый судъ и гнѣва бурный пламень.
 Оставь же ихъ !

МАРИНА.

Да, пы Димитрій правъ.

Вся кровь моя оледенѣла въ жилахъ ,
 Когда святой отецъ передо мной

Спаль развивашъ ужасную каршину
Грядущихъ бѣдъ и нынѣшнихъ крамоль.

ДИМИТРІЙ.

За чѣмъ онъ такъ безвременно заботливъ ?

МАРИНА.

О мой супругъ! Благодари его.
Небеснаго Царя свяпой служишель,
Исполненный усердія къ тебѣ
Явился онъ, предвѣспникъ непогоды,
Чпобъ пробудить заснувшаго Царя.
Внемли ему и бодрспвуй. Чась боренья
Ужъ не далекъ. Колеблется Пресполь,
Огонь горитъ еще покрытый пепломъ,
Во пмѣ созрѣлъ ужасный заговоръ.

ДИМИТРІЙ.

Не вѣрь, не вѣрь! Я знаю Іезуиповъ.
Ихъ хипрый умъ наклоненъ къ мяшежамъ,
Ихъ радуюшъ кровавыя волненья,
Имъ мирная пропивна пишина,
Какъ сонный вѣпръ въ пуспыняхъ Океана
Томишеленъ для смѣлаго пловца.
И опъ пого имъ снялся заговоры,
Какъ воину все снялся спукъ мечей,
И крѣпоспи и врагъ звѣрообразный,
И сладкій звонъ гуляющихъ ковшей.

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

О юный Царь! Какъ смѣло и поспѣшно
Ты произнесъ неправый приговоръ !
Намъ суждено служишь неблагодарнымъ

И тяжкій трудъ всечасно начинаю,
Наградъ не зря, плодовъ не собираю.—
Да будетъ такъ, какъ ты, Господь, велишь!

ДИМИТРІЙ.

Я не хотѣлъ тебя обидѣть, Паперъ,
Я вѣдаю, что опытъ долголѣпный
И хитрый умъ испытанный въ дѣлахъ,
И знанія въ тебѣ соединились:
И въ трудностяхъ на поприщѣ моемъ
Меня не разъ ты направлялъ ко благу.

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Не нужно мнѣ упрековъ, ни похвалъ:
Я не пришелъ минувшихъ дней заслуги
Напоминаю, но днесъ въ послѣдній разъ
Опъ гибели тебя спаси, Димитрій!
Вокругъ тебя лукавый сонмъ Бояръ,
Предъ власною смиренно преклоняясь,
Но съ злобою сокрыпою въ душѣ
Ужасный ковь соспавили во мракъ:
Но я открылъ ихъ гнусный заговоръ.

ДИМИТРІЙ.

Участниковъ ты знаешь?

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Знаю многихъ.

По знапности, по сану, по уму,
Начальникъ всемъ Князь Шуйскій.

ДИМИТРІЙ.

Быть не можетъ.

Подумай самъ : возможно ль ? Шуйскій Князь,
Избавленный опъ смерпной казни мною!

МАРИНА.

Всегда змѣей оспаненіся змѣя.

Признапельносіть чужда для власполюбца,

И низкій духъ обиды помнишь всѣ,

Въ единый мигъ забывъ благодѣянья.

ДИМИТРІЙ.

Другіе кто ?

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Всѣ Шуйскаго друзья.

Бупурлины, Тапищевъ, Милославскій,

Да Салпыковъ.

ДИМИТРІЙ.

Бездушникъ и подлець !

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Голицыны.

ДИМИТРІЙ.

Измѣнники двойные

Да: вѣрю я, шупъ заговоръ сокрышь.

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Къ Куракину въ просторныя палаты

Сбираюся полунощной порой.

И пихо все : закрышы плошно спавни

И запершъ дворъ, чшобъ шумъ иль яркій свѣшъ

Не обличиль ихъ пайныхъ совѣщаній.

ДИМИТРІЙ.

Не скроюся, не скроюся во мглѣ

Коварные и низкіе злодѣи.

Я опыщу подземное гнѣздо ,
 Я раздавлю шипящую эхидну. —
 Мой вѣрный другъ! Теперь поняпны мнѣ
 Ихъ рабскія колѣнопреклоненья
 И льспивая покорноссть ихъ рѣчей.
 Все медъ и макъ, чпобъ взоры льва младаго
 Сомкнулись сномъ: но пробудился левъ.
 Гоповыпеса къ кровавому опчешу ,
 Преспупники! — Мой другъ, пы спасъ меня.

МАРИНА.

Ты видишь самъ, чпо милоспъ бесполезна ,
 Чпо въ спрогоспи спасеніе Царей ;
 Теперь внимапъ внушеньямъ кропкимъ сердца
 Не долженъ пы. Губи, казни враговъ!

ДИМИТРІЙ.

О! знаешь ли какъ больно, какъ жеспоко
 Крамольники мою перзаюпъ грудь !
 Ты знаешь ли, какъ я люблю Россію ?
 Ты знаешь ли, чпо ночью и днемъ ,
 И въ снахъ моихъ и въ думахъ и въ мечпаньяхъ
 Все цѣль одна была передо мной
 Опчизны чеспъ и счаспье..... О ужасно !
 За милоспи, за мной незлобный духъ
 Мнѣ заговоръ наградой !. . . . Шуйскій! Шуйскій!
 Ты мной прощень ! — и вопъ сердца людей.
 А! кропоспи цѣнипъ вы не умѣли,
 Такъ надъ собой увидите грозу
 Свирѣпую, жеспоче Іоанна.—
 Я чувспвую, душа горипъ огнемъ ,
 Въ моей груди родипся жажда крови.

Я ихъ казню, спопчу безумцевъ въ прахъ ,
 Мученьями и казнями упыюся ,
 Я испреблю злодѣевъ; видишь Богъ ,
 Всѣхъ испреблю.

МАРИНА.

Не говори о казняхъ.
 Еще борьбы сомнипелень успѣхъ ,
 Еще прудна и не вѣрна побѣда.

ДИМИТРІЙ.

Что? Спрашенъ бой? Трудна побѣда? Мнѣ
 Прошивниковъ спрашиваться? Нѣтъ, Марина ,
 Пока я спалъ въ довѣріи слѣпомъ,
 Во мглѣ вилась, пипалася крамола
 И выросла волшебною змѣей : —
 Но вспану я, но голосъ мой раздаспся
 Какъ зыкъ трубы гремящей, боевой ,
 Но мечъ блеснеть и червемъ обратися
 Чудовище, грозившее войной.
 Бояться! Нѣтъ! хипры они, лукавы
 Бесовѣспны, бездушны: но со мной
 Начать борьбу не могушь. Этошь Шуйскій
 Въ дѣлахъ смышленъ, искусный лицемѣрь ,
 Но не ему съ моей пягагься силой!
 А прочіе ничтожныѣ еще. . . .
 То бой орла съ полнощною совою.

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Но въ темный часъ, когда заснеть орель
 Полнощницъ не тяжела побѣда !

ДИМИТРІЙ.

Мой взоръ открытъ и не сомкнется онъ,
Доколь въ конецъ не сокрушу измѣны.
Не спрашенъ мнѣ мятежный ковь Боярь,
Пока народъ признашелевъ и вѣренъ.

МАРИНА.

Народъ! народъ! да онъ твой первый врагъ
И жадно ждетъ Боярскаго призыва,
Чтобы восстать и низложить тебя.

ДИМИТРІЙ.

Восстать? За что? за то ли, что поборы
Я уменьшилъ? За то ль, что власъ Боярь
Я укротилъ правдивою рукою,
Что кропокъ я, доступенъ всѣмъ мольбамъ
И правый судъ даю не лицемѣрно? —
За это ли?

МАРИНА.

Не ослѣпляйся, Царь!

Для черни пы гнуснѣе Іоанна
И Годуновъ передъ тобою святы. —
Свирѣпымъ будь! народъ замолкнетъ въ страхъ. —
Пресупникомъ, — и онъ тебя проститъ.
Ты хуже всѣхъ тирановъ — ты Ерепикъ.

ДИМИТРІЙ.

Ерепикъ! а!

МАРИНА.

И гдѣ жъ твои друзья,
Совѣшники, гдѣ вѣрный твой Басмановъ?
Они молчатъ.

ДМИТРІЙ.

Не обвиняй Петра!

Онъ говорилъ.

МАРИНА.

И пы ему не вѣрилъ,

И гибельно обманывалъ себя?

Иди жъ внимаешь какъ эша чернь слѣпая

Раскольникомъ, безбожникомъ, волхвомъ,

Тебя вездѣ, всечасно называютъ

Въ своихъ церквахъ, и въ пишинѣ домовъ,

И на пирахъ, и на шумящихъ рынкахъ!

Поди внимаешь, какъ каждая черпа,

Какъ каждое замѣчено движеніе:

Чѣмъ ихъ посповъ не соблюдаешь ты,

Не любишь бань, не дремлешь по трапезѣ, . . .

ДМИТРІЙ (перебивая).

Чѣмъ? Былъ слугою, у черни былъ рабомъ?

Носилъ ярмо преданій суевѣрныхъ,

И жерпировалъ привычкой долгихъ лѣтъ?

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

О Государь, ты мыслишь благородно

Храня въ душѣ высокій плодъ наукъ;

Но, оскорбивъ народа предрасудки,

Въ немъ не ищи подпоры и любви.

Жди мяпежей и злобы ядовитой

И зрѣющей къ возстанію вражды!

Повѣря ему дороже вѣры.

МАРИНА.

Есть врагъ другой, лукавѣ Боярь,

Опаснѣе мяпежнаго народа;

Онъ ополченъ молишвой и святыней
И совѣспью довѣрчивыхъ гражданъ ;
Церковный судъ въ его могущей длани ,
Анаѳема гремитъ въ его устахъ. —
Онъ раздуваетъ пламя.

ДИМИТРІЙ.

Духовенство ?

Я чувствую, что оскорбилъ его.

МАРИНА.

Всѣ на тебя. Одинъ раздася голосъ
Рѣшительный и мигомъ вспыхнетъ все.
И ты падешь какъ жертва безъ защиты,
Безъ боя.

ДИМИТРІЙ.

Нѣтъ: безъ боя не паду.

Нѣтъ: эта длань не выдася безъ сраженья
Моей главы, и эпокъ добрый мечъ
Приступися на ихъ коспяхъ враждебныхъ.
Безъ боя? Нѣтъ: такъ гибнетъ въ бѣгспвѣ лань,
Такъ подъ свинцомъ падетъ пугливый заецъ ,
А левъ и барсъ ложася на тѣлахъ ,
Сраженные, но чуждой кровью сыпы. —
Увидимъ мы! Едва взойдетъ заря
Я завпра же съ Микулинымъ, съ Спрѣльцами
Схвачу Бояръ пресупныхъ.

МАРИНА.

Двухъ иль прехъ

Не болѣе , и завпра же погибнешь.
Ихъ кровные, ихъ вѣрные друзья

Подымутъ кличъ и вся Москва возстанетъ
На мщенье.

ДИМИТРІЙ.

Не знаешь ты Москвы!

Она руки преступной не подниметъ
На своего законнаго Царя ,
Доколь гласъ вдовицы Іоанна
Обманщикомъ меня не назоветъ. —
Я клятвою ужасною связалъ
Ея уста, и не боюсь измѣны.

МАРИНА.

Такъ вопль слѣна межъ бездной и побой :
Слова жены измѣнчивой и слабой ,
Измученный раскаяніемъ духъ !
Таковъ оплотъ Московскаго Престола
И славный щипъ Россійскаго Царя ! —
Она клялась? Опъ новыхъ обольщеній,
Опъ совѣспи, опъ спраха, опъ угрозъ
Безсильная своей измѣнишь кляпвъ ; —
И чтожь тогда ? (молчаніе).

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Предупреди враговъ

Рышительнымъ ударомъ—и спасешься ;
И совершишь въ спокойномъ поржесствѣ
Высокія души предначерпанья.

ДИМИТРІЙ.

Какъ? говори !

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Рѣдѣетъ ежедневно
Обмана пѣнь.—Невѣрный мракъ удвой.

Мяшежъ ростепѣ споглавою змѣею ;
Всѣ головы снеси въ единый махъ.

ДИМИТРІЙ.

Ясный, ясный !

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Съ родипельницей мнимой

Заупра же на площади явись ,
Да ушвердишь она признаньемъ новымъ
Твоихъ судебъ сомнипельный расказъ ,
И Папріархъ, твоей покорный волъ
Да освятитъ торжественный обрядъ.

ДИМИТРІЙ.

Чпо пользы въ помъ? Кпо будешь мнѣ порукой ,
Чпо робкая не опречется вновь ?
Когда обѣшь и кляшвы не надежны ,
Чѣмъ на уста положишь ты печаль
Глубокой, вѣчной пайны ?

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Чѣмъ? землею. (Молчаніе).

Могила дверь не выдаситъ шайнъ своихъ.
Опъ позднего раскаянья, опъ страха,
Опъ обольщенья власти и надеждъ
Порукой намъ закланы гробовые

ДИМИТРІЙ.

О Паперъ !

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Чпожъ ? Единый пупъ опкрытъ :

Иди по немъ иль гибни! Эпой смерпью
Ты закалишь своихъ обмановъ цѣпь ,

И мапері послѣднее прощанье ,
 Передъ концемъ раздавшись въ Москвѣ,
 Твой Царскій пронь благословишь на вѣки
 димитрій.

О, ты ужасень !

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Гордыя главы ,
 За коими, — чудовищное пѣло, —
 Віеися чернь въ волненіи слѣпомъ ,
 Ты сокрушишь единымъ махомъ можешь.

димитрій.

Бояръ, бояръ, не правда ль ?

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Всѣхъ зови
 На пиршество или совѣщъ великій.

димитрій.

А послѣ что ?

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Что сдѣлалъ Боабдиль ,
 Иль Хриспіернъ. Ты помнишь ли, Царица ?

МАРИНА.

Я помню.

димитрій.

Чтожъ ?

МАРИНА.

Въ Альгамбру , свой Дворецъ ,
 Гранады Царь созвалъ Абенсераговъ
 Госповившихъ паденіе его.
 Всѣ собрались опъ мала до велика.....

ПАТЕРЬ КВИЦКІЙ.

И ни одинъ не вышелъ изъ Дворца.

ДИМИТРІЙ.

Зарѣзаны ?

ПАТЕРЬ КВИЦКІЙ.

И ихъ увидя прупы,

Опъ ужаса безмолспивоваль народъ ;

И предъ Царемъ смиренно преклоняясь ,

Покорспивоваль.

ДИМИТРІЙ.

И эпо пвой совѣшь ?

ПАТЕРЬ КВИЦКІЙ.

Повѣрь мнѣ, Царь! Твои Бояре хуже,

Опаснѣе Абенсераговъ.

ДИМИТРІЙ.

Всѣхъ ?

Всѣхъ безъ суда—невинныхъ и виновныхъ ?

ПАТЕРЬ КВИЦКІЙ.

Когда наспаль боръбы послѣдній день,

И дороги лѣпучія мгновенья ,

И каждый часъ грозы и бѣдспвій полнь ,

Тогда и судъ и жалоспъ неумѣспны.

ДИМИТРІЙ.

Довольно, Ксензь!—и эпо человекъ !

И въ сей груди бѣется также сердце ,

И въ жилахъ сихъ лѣется также кровь ?

О, Іезуишъ! и пы не призракъ ада .

Не сапана? Я видѣль смерпъ вблизи ,

Гулялъ мечемъ въ сраженіи кровавомъ,
 Топпалъ конемъ дрожащія тѣла,
 И радовался битвѣ: — но спокойно,
 Не поблѣднѣвъ, не дрогнувъ, разсуждавъ
 О выгодахъ гнуснѣйшаго злодѣйства;
 Но соннямъ жерпѣвъ смѣясь гошоваишь казнѣ —
 Пропивно мнѣ: — словамъ пвоимъ внимая,
 Я чувспвовалъ, моя заспыла кровь,
 На головѣ власы вспавали дыбомъ,
 И я дрожалъ. Ты спрашенъ, Іезуитъ !

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

А! ты хопѣлъ владышь чужимъ пресполомъ,
 Держашъ вѣнецъ подъ именемъ чужимъ;
 Ты дерзко лгалъ предъ небомъ и землею,
 Въ свидѣтели безспыдно звалъ Творца,
 И совѣспливъ, какъ опрокъ непорочный !
 Смѣшно !

ДИМИТРІЙ.

Не съ пѣмъ я овладѣлъ вѣнцомъ,
 Чпобы подъ нимъ злодѣйспвоваишь по волѣ.
 Для подвиговъ, для чеспи и похвалъ,
 Для славныхъ дѣлъ, дарующихъ безсмертѣ,
 Не для убійствъ, держу я Царску власпъ.
 Да, я хопѣлъ и днесъ хочу Россіи
 Величія и славы.

ПАТЕРЪ КВИЦКІЙ.

Доскажи !

Спасенья душъ и Царспвія Хриспова
 И счаспія всѣхъ подданныхъ своихъ.
 Прекрасно все.—Но, Царь мягкосердечный !

Судьба, безъ жертвъ, награды не даришь;
И страшный путь благой свящися цѣлью.

ДИМИТРІЙ.

О перестань !

МАРИНА.

Ужасенъ эпошь путь;
Но для тебя спасенья нѣтъ иного.
Мягчежь созрѣлъ : онъ вспыхнетъ — и огонь
Безбрежною рѣкою разольется,
И смертному не укропитъ его.
Предупреди !

ДИМИТРІЙ.

Чѣмъ ? Гнусною измѣной,
И казнью невинныхъ ? Нѣтъ, Марина.

МАРИНА.

О ! эпошь мѣръ исполненъ многихъ золь.
Невинныхъ кровь печетъ въ народныхъ буряхъ:
Она печетъ, чтобъ бури отврашпшь;
И сто падущъ, да тысячи спасущся.

ДИМИТРІЙ.

Въ моемъ Дворцѣ убилъ моихъ гостей!
Въ Монастырѣ печальную вдовицу,
Готовую чинъ Ангельскій пріять. . . .
Ужасно ! Нѣтъ ! я не могу.

МАРИНА.

Иди же,
Сложи главу на плахъ площадной !
При хохотъ безумнаго народа

Окончи жизнь какъ презрѣнный злодѣй ,
 Какъ низкій воръ ! — Конецъ тебѣ достойный ,
 Не правда ли? Возьми за всѣ труды ,
 За подвиги, за битвы всѣ въ награду
 Апаѣму, насмѣшки и попоръ ! . . .
 Гляди, гляди! идешь въ пвоей порфирѣ
 Князь Шуйскій.

ДИМИТРІЙ (вскакивая).

Кто? безсовѣстный злодѣй ,
 Бездушникъ! Онь Царемъ !

МАРИНА.

Веселымъ крикомъ
 Толпа льстецовъ привѣспивуетъ его :
 А тамъ въ крови, во прахъ кто поверженъ ?
 Внимай, внимай! тамъ черни дикій вопль ,
 Слова: «Злодѣй, обманщикъ, злой Разсприга.»
 Тамъ ярый смѣхъ—и вопль пвоя судьба:
 Вопль имени великаго безсмертье.

ДИМИТРІЙ.

О-пощади !

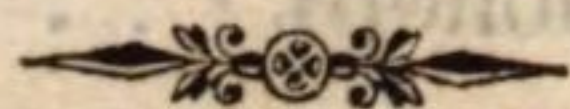
МАРИНА.

И снова вспыхнетъ бунтъ ,
 И новыхъ бѣдъ возстанетъ злая жапва ,
 И разъ вкусивъ тревогъ и мяпежей
 Народъ вскипитъ въ войнахъ междоусобныхъ ,
 И Русь пвоя безъ силы, безъ Царя
 Падетъ подъ власпъ враговъ иноплеменныхъ.

ДИМИТРІЙ.

Оспановись! Еще не конченъ бой ,
 Еще Боярь сомнипельна побѣда; (руками всплеснуть)

Но въ руки взятьъ разбойничій кинжалъ ,
 Но сыпатьъ ядъ въ сосудъ жены безсильной.—
 О ужасъ!..... Пепръ! Бояринъ Пепръ Басмановъ !

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРОЕ.

(Входитъ Басмановъ).

ДИМИТРІЙ.

Мой вѣрный другъ, спаси, спаси меня !
 Ты видишь ли, вопъ женщина и спарець ;
 Но это зми.— Чпо? Не вѣришь ты !
 О если бы ты ихъ слышалъ рѣчи ,
 Ты содрогнулся бѣ. (послѣ молчанія) Заговоръ опкрытъ ,
 Къ Куракину полнощные злодѣи
 Сбираются.

БАСМАНОВЪ.

Я этой вѣспи ждалъ ;
 Но тайна зла доселѣ сокрывалась
 Опъ глазъ моихъ.

ДИМИТРІЙ.

И множесиво Бояръ
 Учаспниковъ въ опасномъ ковѣ.

БАСМАНОВЪ.

Вѣрю.

ДИМИТРІЙ.

Къ возспанію Москва гошова.

БАСМАНОВЪ.

Царь ,

Не поже ли и Вандеманъ и Фидлеръ
И я тебѣ всечасно говорилъ ?

ДИМИТРІЙ.

Бѣда близка. Чпо думаешь, Басмановъ ?

БАСМАНОВЪ.

О если бы, услыша мой совѣтъ,
Ты дружбою нескромной къ Іезуитамъ
Не раздражилъ духовныхъ;—и Липвы
Гордыню сперь могущею рукою :
И Шуйскаго казнилъ, или сославъ ,
Не миловалъ, не возвращалъ изъ ссылки ;
Тогда бь легко ты обуздалъ мяпежъ
И сокрушилъ Боярскую крамолу.
Но нѣтъ: тогда, по гнѣва чудный пылъ ,
То крошкѣй духъ, доврчивая благоспѣ ,
То рѣчь любви мушили ясный умъ
И гибельной вели тебя спезею.

ДИМИТРІЙ.

То прошлое: но чпо теперь ?

БАСМАНОВЪ.

Теперь

Лишь кровію, и лишь попокомъ крови
Спасешься ты.

ДИМИТРІЙ.

Я понялъ мысль твою :

Не правда ли, казнишь виновныхъ смерщю ?

БАСМАНОВЪ.

Безъ жалосіи.

ДИМИТРІЙ.

Лазушчиковъ пошли

Ты завпра въ ночь, чпобъ сперегли паланы

Куракина; и если бы къ нему

Мяпежные Бояре собралися ,

Всѣхъ захватишь!—Скажи Царицѣ Марѣ ,

Чпобы она гоповилась со мной

На площади явишься послѣ завпра.—

Микулину вели, чпобы Спрѣльцы

Во всякій часъ гоповы были къ бишвѣ ;

Чпобъ первый звукъ и первый гласъ шрубы

Созвалъ ихъ въ Кремль. Дружинѣ иноземной

Немедленно пы шопъ же дай приказъ.

БАСМАНОВЪ.

Исполню все. Но лучше бы не медля,

Оспавивши враждебную Москву,

Тебѣ спѣшишь въ усердную Украину ;

Тамъ будешь ждашь Елецкихъ пы полковъ

И Козаковъ и вольницы Липовской.

ДИМИТРІЙ.

Бѣжаешь, бѣжаешь! Нѣтъ: эшо спѣдно, Пепрь !

Дай здѣсь сперва управишься съ врагами

Пошомъ въ походъ;—но полночь ужъ близка

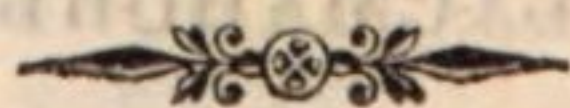
Прощай, мой другъ: пойду искашь покоя. (уходитъ).

БАСМАНОВЪ.

Погибнешъ онъ: но я его люблю.

Незлобный духъ и смѣлый и dospойный

Прекраснаго Россійскаго вѣнца. (уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

МАРИНА, И ПАТЕРЬ КВИЦКІЙ.

ПАТЕРЬ КВИЦКІЙ.

Ты слышала: Царица послѣ завпра
На площади является съ Царемъ.

МАРИНА.

А послѣ чпожъ?

ПАТЕРЬ КВИЦКІЙ.

Тогда ужъ наше дѣло,

Чпобъ никогда не опреклась она. —

На пиршество за Спрѣпенской заставой

Сбирается Московской весь народъ,

И всѣ Бояре.— Польская дружина

Надежна ли?

МАРИНА.

Надежна!

ПАТЕРЬ КВИЦКІЙ.

Мысль мою

Ты поняла?

МАРИНА.

Супругъ мой малодушень,

Такъ безъ него мы дѣйствовать должны.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

(Домъ Шуйскаго).

ЛЯПУНОВЪ (одинъ у окна).

Какъ почъ ясна! Какъ ярко свѣспипъ мѣсяць ,
 Любуясь на спящую Москву !
 Видалъ ли онъ, гуляя въ поднебесной ,
 Сполъ пышный градъ? Видалъ ли Кремль другой ?
 Какъ въ сумракъ восходишь величаво
 Весь сонмъ палапъ, бойницъ и древнихъ спѣнь,
 И каждая изъ этихъ гордыхъ башень ,
 И каждый храмъ сіяніемъ луны
 Украшенный какъ сребренною ризою ,
 Увѣнчанный своимъ злпнымъ вѣнцомъ !
 Ни зыби на рѣкѣ, ни облакъ въ лазури
 И воздухъ пихъ: а днемъ была гроза
 И громъ гремѣлъ: но злымъ налеспомъ бури
 Очищены надолго небеса.
 И будепъ пожъ съ свяпою нашей Русью.—
 Да будепъ ли? Не лжепъ ли Шуйскій Князь ?
 Не пѣшипъ ли меня онъ Земскою думой ,
 И не себѣ ль гошовипъ онъ Пресполь ?
 Пресполь ему, ему? а власпъ Боярамъ ,
 Какъ въ прежни дни спраданій и спыда ,
 Когда рабомъ своихъ рабовъ надменныхъ
 Сидѣлъ въ вѣнцѣ младенецъ Іоаннъ!—
 И эпо ли гошовимъ для Россіи ?
 Для эпого ль прудипся Ляпуновъ ? —
 Не лучше ли опважный Самозванецъ

Съ высокою и пылкою душой ,
 Чѣмъ низкіе, бездушные Бояре,
 Чѣмъ Шуйскій сей, холодный лицемеръ?
 Не лучше ли? . . . Какія это пѣсни? . . .
 А! Поляки съ своихъ пировъ нощныхъ
 Бредутъ домой.

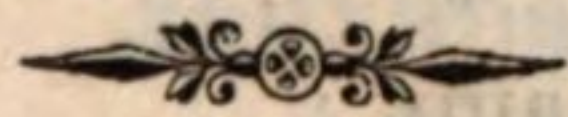
(Музыка и голосъ на улицѣ).

Если топну я ногою ,
 Если звякнешъ спаль ,
 Топчась въ землю предо мною
 Кланяйся Москаль.

А! пойме молодцы?
 Какъ весело и во время пропѣли
 Свой приговоръ и гибель Лжецаря. . .
 Сгублю его. . . . А если Князь Василій. . . .
 Чпожъ? Часъ придетъ: сочтемся.

(входитъ Князь Скопинъ Шуйскій).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

СКОПИНЪ ШУЙСКІЙ.

Ляпуновъ ,

Давно ль ты здѣсь ?

ЛЯПУНОВЪ.

Давно.

СКОПИНЪ ШУЙСКІЙ.

Да гдѣ жь другіе ?

ЛЯПУНОВЪ.

Съ полуночи сберупся. Дядя пвой
До сей поры домой не возвращался.

СКОПИНЪ ШУЙСКІЙ.

Знашь у Царя запировался онъ.

ЛЯПУНОВЪ.

Чпожъ не былъ ты на праздникъ веселомъ?

СКОПИНЪ ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, Ляпуновъ; души не удержу.

Я не могу смиряться лицемѣрно

Передъ врагомъ.

ЛЯПУНОВЪ.

Поди, да поучись

У Шуйскаго.

СКОПИНЪ ШУЙСКІЙ.

Чпо говоритъ о дядѣ?

Онъ спарь: не кровь, а ледъ въ его груди,

Онъ можешь льспишь и думаешь объ убійствѣ,

И ласково оправу подаваешь;

И кланяешься и сладко улыбаешься

И между пѣмъ выглядываешь, куда

Кинжалъ вѣрнѣй смершельнѣе ударить.

Нѣтъ, Ляпуновъ: онъ не примѣромъ мнѣ.

ЛЯПУНОВЪ.

Все хорошо; но если Царь Димитрій

СКОПИНЪ ШУЙСКІЙ (перебивая).

Не Царь и не Димитрій: проспо лжець,

Опрепьевъ, Гришка. — Слушай, это имя

Меня какъ ядомъ жжешь: его лице

Противно мнѣ какъ адъ; противенъ голосъ ,

Какъ рѣзкое шипѣніе змѣи.

Не говори объ немъ! Невольно рвешся

Рука къ мечу, и мечъ какъ-бы живой

Дрожитъ въ ножнахъ.

ЛЯПУНОВЪ.

Ну, скоро часъ спасенья

Для насъ пробьешь.

СКОПИНЪ ШУЙСКІЙ.

Пора, давно пора !

О Господи, когда поплъ день настанетъ ,

Когда мечемъ я въ схваткѣ роковой

Съ нимъ встрѣчуся, неумолимый мститель

За нашу Русь, за спыдъ и плѣнь Москвы ?

О ! я готовъ, когда бы можно кровью

Всей кровію, что въ сердцѣ у меня

Топъ лисъ омытъ, въ копоромъ вѣкъ грядущій

Съ насмѣшкою запишетъ нашъ позоръ !

ЛЯПУНОВЪ.

Какой позоръ? Что вѣрили мы баснѣ ,

Что именемъ прельщенные святымъ ,

Дались въ обманъ ?

СКОПИНЪ ШУЙСКІЙ.

И я ему повѣрилъ ,

Ему служилъ ! Но слушай, Ляпуновъ !

Теперь конецъ. У всѣхъ открыты взоры,

Туманъ исчезъ и всѣхъ Бояръ сердца

Святымъ огнемъ мгновенно запылали ,

Огнемъ любви къ своей спранъ родной.

ЛЯПУНОВЪ.

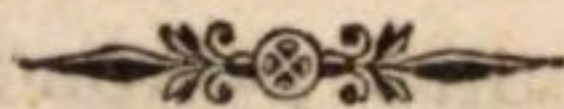
Въ Боярахъ, Князь, такихъ сердець немного,
На перечепъ: Голицынъ Князь Андрей,
Да Спольникъ Князь Пожарскій, да Волконской,
А прочіе!

СКОПИНЪ ШУЙСКІЙ.

Ты всюду видишь зло.

ЛЯПУНОВЪ.

Да гдѣ добро? Я молодъ, Князь Михайло,
Но знаю свѣтъ; и эпопъ свѣтъ лукавъ.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

(Входитъ Князь Шуйскій).

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Здѣсь Ляпуновъ и мой племянникъ. Поздно,
Друзья мои, я прихожу домой.

ЛЯПУНОВЪ.

Что, съ пиру?

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, я совѣщался долго

Съ Куракинымъ. Да будутъ ли сюда
Всѣ званые?

ЛЯПУНОВЪ.

Когда настанетъ полночь,
Знапѣйшіе дворяне и жильцы

И сошники и головы градскія
Придутъ сюда.

князь шуйскій.

Я звалъ еще къ себѣ
Начальниковъ дружинъ Новгородскихъ ,
Дворянъ Тверскихъ, Смоленскихъ; ихъ полки
Вблизи споятъ и Царскихъ ждуть приказовъ ,
Чпобы въ походъ отправишься къ Ельцу.

ляпуновъ.

Надежны ли ?

князь шуйскій.

Ихъ нѣчего бояться ;
Народъ честной, издавна врагъ Липовъ,
И любятъ насъ и помнятъ Годунова.

ляпуновъ.

Да, помощь ихъ была бы кспати намъ.

князь шуйскій.

Пришла пора рѣшиться. Передъ нами
Готовится кровавая бѣда :
Предупредимъ ее.

скопинъ шуйскій.

Ну, слава Богу ?

Намѣшкались, надумались вы.

ляпуновъ.

А послѣ, Князь! Не правда ль, Земской Думой
Избрашь Царя?

князь шуйскій.

Конечно, Ляпуновъ,

Мы Думу соберемъ. А вопъ ужъ полночь. (Полночь
бѣлѣтъ. Изъ другихъ комнатъ слышно пѣніе слѣпаго Антонія).

Полнощный часъ, полнощный часъ!
 Душа проснися для моленья,
 Псалтырь возстань для пѣснопѣнья,
 Проснися гуслей сладкій гласъ!
 Молись! Господень взоръ не дремлетъ,
 Господень слухъ молишвамъ внимлетъ
 И ночи пасмурная тѣнь
 Предъ нимъ свѣпла, какъ ясный день.

Блаженъ, кто полный умиленья,
 Поднявши очи къ небесамъ
 Благоуханнаго хваленья
 Ночной сжигаетъ фиміамъ.
 Настанетъ день: и съ новой силой
 Онъ какъ орелъ широко-крылой
 Помчится въ путь, и Божій щипъ
 Его незримо осѣнитъ.

Но если именемъ свѣпыни,
 Какъ ризой покрываешь ты
 Лукавства, Злобы, иль Гордыни
 Своекорыстные мечты,
 Тебя Господень судъ постигнетъ;
 Народны бури Онъ подвигнетъ,
 И домъ и родъ пресупный твой
 Снесетъ кровавою волной.

скопинъ шуйскій.

Да будешь такъ!

ляпуновъ.

Какъ я люблю Россію ,
Такъ всѣ пруды и подвиги мои
Благослови Господь !

князь шуйскій (послѣ молчанія).

Госпеш примите !

Съ Антоніемъ межъ шѣмъ поговорю. (Уходитъ).

ляпуновъ.

Онъ промолчалъ, знашь совѣсть не чиста.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

скопинъ шуйскій.

Въ сѣняхъ шумяшь: не наши ль? Вотъ Тапищевъ
Съ Валуевымъ; Засѣкинъ, Колычевъ.

ляпуновъ.

Ихъ много шумъ, а въ задніе воропа
Такъ и валяшь. Пойдемъ ихъ принимаешь. (Уходитъ).

скопинъ шуйскій (входящимъ госпямъ).

Привѣспивую васъ, госпи дорогие ,
Ошъ имени хозяина.

1-й.

Да гдѣ жъ

Нашъ ласковый хозяинъ ?

скопинъ шуйскій.

Онъ сей часъ

Самъ явился.

2-й.

Едва пробила полночь
И по дворамъ пропѣли пѣшухи ,
Мы шумѣ какъ шумѣ.

СКОПИНЪ ШУЙСКІЙ.

На васъ надежда наша
Крыпка какъ спаль.

3-й.

Здорово, Князь Скопинъ ,
Повѣришь ли, чпо сердце шакъ и пляшетъ
Какъ на шебя взгляну? Ужъ какъ похожъ
Ты на опца и взглядомъ и лицомъ
И голосомъ.

СКОПИНЪ ШУЙСКІЙ.

Дай Богъ, чпобъ и дѣлами
Я былъ похожъ!

3-й.

Но шолько не концемъ.

СКОПИНЪ ШУЙСКІЙ.

Была бы жизнь возвышенна, прекрасна ,
Смерть все одна, какая бъ ни пришла.

ТВЕРСКОЙ ДВОРЯНИНЪ.

За чѣмъ мы здѣсь ?

ДРУГОЙ.

Ужъ вѣрно же недаромъ.
Князь Шуйскій звалъ, и въ эпопъ поздній часъ
Сбираетъ всѣхъ не для пуспой забавы.

ТРЕТІЙ.

Гляди-ка, братъ! Сановники, Купцы;
Бояре и Мъщане.

ДРУГОЙ.

Сердце чуепъ,
Чпо кроются здѣсь важныя дѣла.

ТРЕТІЙ.

Не на Липву ль? Она ужь всѣмъ поспыла.

КУПЕЦЪ.

Мы собрались. Да чпо же пользы въ помъ?
Вѣдь злой колдунъ, Разсприга-окаянный
И съ вѣдьмою Мариной, сквозь стѣны
Все видипъ, слышипъ; бѣсы переносятъ
Имъ каждое словечко.

ЛЯПУНОВЪ.

Подожди!

Немного здѣсь услышишь: всѣ окошки
Вороша, дверь, осѣнены креспомъ,
Окроплены святой водою.

КУПЕЦЪ.

Такъ по!

Догадливъ Князь, ужь нѣчего сказапъ!
(Входяпъ многіе) Спасите, заспунипесь.

ЛЯПУНОВЪ.

Чпо такое? (Окружающъ ихъ)

4-й.

Насъ Поляки. . . .

2-й.

Постойте, я скажу.

Мы пятеро безъ шума пробирались
По улицъ.

1-й.

Да изъ чего шумѣшь?

Кажися мы не хмѣльны.

2-й.

Не бродяги.

Я Сопникъ Городской.

4-й. 3-й.

А мы Купцы

Не изъ послѣднихъ; поргъ ведемъ съ Ганзою.

4-й.

А я Жилецъ.

5-й.

Я Царскій Дворянинъ.

Бояринъ.

Мы знаемъ васъ. Да что жъ случилось съ вами?

2-й.

Вопъ встрѣпилась намъ шайка Поляковъ.

4-й.

Всѣ пьяные.

2-й.

Какъ крикнуть : « прочь съ дороги,
Московскія собаки ! »

4-й.

А другой :

« Какія шупъ собаки, все бараны. »

2-й.

Нѣтъ : «зайцы,» онъ сказалъ.

1-й.

Ну, все равно;

И пьяные, какъ вдругъ поднимають хохотъ !

2-й.

Мы медлили: шутъ принялись они

Бить и рубить, рубить и бить. Скорѣе

Мы въ переулокъ, а они за нами,

Мы въ лавку, вопъ къ нему.

1-й.

Чтѣ на углу

Мясницкой.

2-й.

Да едва, едва спаслись.

1-й.

А лавку-то разграбили злодѣи,

Все унесли, поставили вверхъ дномъ.

ТВЕРСКОЙ ДВОРЯНИНЪ.

Ну, хорошо житье въ Преспольномъ градѣ !

У насъ въ Твери спокойно.

ЛЯПУНОВЪ.

И до васъ

Не нынче, завтра гости доберутся.

МНОГІЕ.

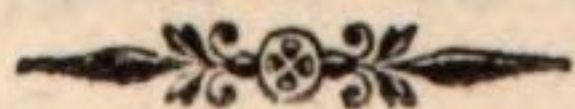
Чего же ждате? —

Да долго ли терпѣть ?

— Возспанемъ разомъ.

ЛЯПУНОВЪ.

Вопъ идетъ хозяинъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

(Входитъ Шуйскій).

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Опъ имени поруганной Москвы
 Опъ имени спрадающей Россіи,
 Въ послѣдній разъ, товарищи, друзья,
 Я васъ созвалъ для думы и совѣта.

ОДИНЪ ГОЛОСЪ.

А послѣ ужъ за дѣло?

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

О друзья ,

Предъ нами путь высокій и прекрасный,
 Предъ нами долгъ завидный и свяпой !
 Насъ Богъ зоветъ на подвигъ : въ наши руки
 Опечества грядущую судьбу,
 И древнее сокровище Свяпыни ,
 Владиміра Божественный завѣтъ
 Онъ опдаешъ.—Мы будемъ ли доспойны
 Высокаго призванія сего ?
 Свершимъ ли шрудъ завѣщанный опъ Бога ?
 Оспавимъ ли попомспву своему
 Мы край родной, могущій, чистый, вольный,
 Какъ опъ опцевъ его пріяли мы ?
 Опвѣпспвуйте !

ГОЛОСА.

Вѣспимо не измѣнимъ.

—Не выдадимъ.—

За красную Москву,

За Церковь и за Вѣру мы гошовы
И грудью спашь и головою лечь.

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, не въ конецъ за беззаконья наши
Прогнѣвался Господь. Нѣтъ: онъ спасетъ
Отъ гибели народъ свой Православный.
Есть бодрая и смѣлая сердца,
Горящія любовію къ Россіи;
Есть души сильныя, для коихъ смерть,
Пріятая за родину, краснѣе,
Чѣмъ долгій вѣкъ въ иноплеменныхъ узахъ.
И здѣсь онъ: и наша Русь жива! —
Минувшее вспомняемъ мы! — Царевичъ
Былъ въ Угличѣ убійцами сраженъ;
И видѣли оспапки бездыханны,
И знали всѣ, кѣмъ онъ убитъ. . . . увы!
Мы пѣжко согрѣшили: мы въ Порфиру
Свяпоубійцу нагло облекли!
И постѣпилъ насъ Божій гнѣвъъ правдивый. —
Подъ именемъ Царевича возспалъ
Разсприга злой, пріемышь Іезуитовъ,
И съ помощью враждебной намъ Липвы
Онъ рапъ привелъ и взоры опуманилъ;
И передъ нимъ (знашь пакъ Господь вельѣ)
Всѣ пали ницъ, и вѣрили безумно.
И нелюбимъ былъ спрогій Царь Борисъ,
И сладкими, волшебными рѣчами,
Опважныхъ дѣлъ высокою молвой
Невѣрящихъ прельспилъ злодѣй лукавый.

ГОЛОСА.

Да : онъ колдунъ и въ дѣлѣ и въ словахъ —

—Ужь соловей. —

И словно звѣрь въ сраженьи.

князь шуйскій.

Но долго ли продлился сей обманъ
И долго ль насъ надежда упѣшала? . . .
Вы знаете, чпо первый изъ Боярь
Я обличилъ злодѣя, чпо на плаху
Меня вели, чпо голова моя
Подъ попоромъ лежала.

ГОЛОСА.

Помнимъ, помнимъ!

князь шуйскій.

Я не хвалюсь: я долгъ исполнилъ свой
Какъ Рускій Князь и человекъ крещеный,
И всякой день на по же вновь гошовъ
За испину, за васъ и за Россію;
Хопъ завпра, нынче, хопъ сей часъ.

ГОЛОСА.

За по

Тебя Господь благословишь во вѣки.

князь шуйскій.

Я шель на казнь, злодѣй въ своемъ вѣнцѣ
Торжеспвоваль; Москва какъ въ снѣ глубокомъ
Не пронулась; но Божія Рука
Меня спасла! Съ пѣхъ поръ завѣса пала.
И иноки свяпые и Спрѣльцы
И ближніе и машъ его и брапья
Всечасными уликами будили
Нашъ спящій духъ — и болъ! — Небеса

Димитрія могилу освятили :
 Тамъ частыя сіяли чудеса,
 И свѣтлыя являлися видѣнья,
 И лились Благодать и исцѣленья
 Какъ благовонная роса. —
 И святъ былъ гробъ Царевича ; но что же
 Мы зрѣли здѣсь ? Безбожье и развратъ
 И стыдъ и грѣхъ подъ именемъ Святаго, —
 Въ самомъ Кремлѣ Лапинскихъ пѣсенъ гласъ
 Теперь звучитъ ; Полякъ съ своими псами
 Вступаеиъ въ храмъ ; Владиміра вѣнецъ
 На головѣ Царицы некрещеной.
 О тяжело ! Невольно поки слезъ
 Бѣгутъ изъ глазъ.

ГОЛОСА.

Смотри : онъ вправду плачетъ.
 — Что говоритъ ? Онъ праведникъ прямой.

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Царевичъ спитъ въ своемъ кровавомъ гробѣ ,
 А здѣсь злодѣй даритъ врагамъ Москвы
 Ея Царей державное спяжанье.
 Край Сѣверскій за Мнишкомъ укрѣпилъ ,
 А Новгородъ и древній городъ Ольгинъ
 Своей женѣ.

ГОЛОСА.

Какъ ! онъ дерзнулъ опдаиъ
 Нашъ старый Псковъ ?

— И Новгородъ ? быть не можетъ.

БОЯРИНЪ.

Мы грамоту читали.

князь шуйскій.

А Смоленскъ

Назначилъ онъ въ подарокъ Сигизмунду.

ГОЛОСА.

Смоленскъ, Смоленскъ !

—Нѣтъ, этому не быть !

Нѣтъ : мы умремъ скорѣе.

— Эту руку

Тогда я самъ зубами изложу ,

Когда враговъ она въ нашъ городъ пуспитъ.

князь шуйскій.

Увидите. И здѣсь въ самой Москвѣ

Мы плѣнники, а Ляхи господами. . . .

Чпо тамъ за шумъ ? кпо это весь въ крови

Съ мечемъ въ рукъ ? Ты, Колобовъ ?

КОЛОБОВЪ.

Опмсните ,

Опмсните за меня ! Въ мой мирный домъ

Съ оружіемъ вломилась шайка Ляховъ:

Мой сынъ убитъ , похищена жена ,

И ранами покрытый самъ на силу. . .

Опмсните! (падаетъ въ обморокъ).

князь шуйскій.

А ! Чпо говоритъ еще ?

Рѣшитесь ! Намъ дороги мгновенья,

Хопите ль ждашь грозящей намъ бѣды ?

Хопите ль зрѣшь, сложивъ спокойно руки,

На мѣспѣ помъ, гдѣ нынѣ Божій Храмъ

Безбожіе Лапинскаго Коспела ?

ГОЛОСА.

Нѣтъ, никогда!

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Съ высокихъ степей Москвы

Хопите ль зрѣшь Липовскую границу?

Хопите ли безъ ропоша главу

Подъ тяжкій гнѣтъ, подъ иго иноземцевъ,

Подъ злую руку робко преклонятъ?

ГОЛОСА.

Нѣтъ, не хопимъ.

— Нѣтъ, не пошерпимъ срама!

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Внемлите мнѣ! Хопите ли со мной

Возстапъ за Русь, за Церковь Пресвятую,

И Ляховъ цѣпь и власть Разсприги злую

Избытъ мечемъ и силой боевой?

Хопите ли? — и вспрянемъ мы грозою

И мспипели обмановъ и обидъ

Сопремъ могущею рукою

Россіи тяжкій плѣтъ, Москвы кровавый спыдъ.

Отвѣствуйте!

ГОЛОСА.

Мы всѣ съ побой —

— Избудемъ,

Избудемъ Самозванца. —

Чпобы слѣдъ

Его пропалъ! чпобъ Ляхами не пахло

На Руской споронѣ. —

Мы всѣ съ побой. —

—Веди насъ, Князь! не выдадимъ Россіи.

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Какой же день назначимъ?

ГОЛОСА.

— Чѣмъ скорѣй

Тѣмъ лучше.

— Да: но многіе оружья

Не добыли. —

— Пустое! Есипъ ножи

И попоры, рогатины, дреколья,

И въ правомъ дѣлѣ Богъ помощникъ нашъ.

БОЯРИНЪ.

За Спрѣпенской Заспавой послѣ завпра

Пиръ всей Москвѣ, и Ляхи, какъ всегда,

Напьются винъ и меда, и безпечно

Въ домахъ заснутъ. Ударимъ въ шуже ночь

На понедѣльникъ! Мудрые Бояры

Согласны ль вы?

БОЯРЕ.

Согласны.

БОЯРИНЪ.

Вы, друзья,

Чпо скажете?

ГОЛОСА.

Мы будемъ всѣ гошовы.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫНЪ.

На понедѣльникъ? Кпо-то будетъ живъ?

ДРУГОЙ.

Да: во Дворцѣ не даромъ говорили,

Чпо для Бояръ кровавый пиръ дадутъ

На Спрѣпенскомъ лугу.

БОЯРИНЪ.

Такъ завтра ?

ГОЛОСА.

Завтра.

— Бѣда близка и дорогъ каждый мигъ.

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Такъ! завтра въ ночь возстанемъ дружно, смѣло

И нападёмъ на дремлющихъ враговъ ,

Да перейдущъ опъ сновъ горячей нѣги

Въ холодный мракъ, въ подземный крѣпкій сонъ.

Передъ зарей раздаспся звукъ набата

Со всѣхъ Церквей; тогда спремипесь въ Кремль!

Не спрашенъ бой, побѣда несомнѣнна ;

Однихъ кресстьянъ и вѣрныхъ слугъ моихъ

Здѣсь тысящ шесть.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫНЪ.

Такъ много ?

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Изъ помѣспьевъ

Я ихъ созвалъ. Другихъ Боярскихъ слугъ

Не менѣ; всѣ съ ружьями, съ мечами.

ДВОРЯНЕ.

Дворяне всѣ возстанущъ.

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Вы Купцы

И Сотники Градскіе ?

КУПЦЫ.

Князь Василій !

Насъ трудно счестъ: Насъ много, и никпо
Не измѣнишь.

другой.

А развѣ кто опспанетъ,
Такъ Мясники.

другой.

Теперь имъ любо жить,
Пока пословъ не думаютъ и впомнишь
Ни Поляки, ни нашъ Опрепьевъ-воръ.

князь шуйскій.

Что намъ до нихъ? — Рогатки изгоповые,
Всѣ улицы запирае, чтобъ никпо
Не могъ ни въ Кремль, ни изъ Кремля спастися.
А что Спрѣльцы?

стрѣльцы.

Не пронуся они.

Хотъ многіе къ намъ склонны, да боясь
Микулина; другіе же Царю
Привержены за то, что онъ опваженъ
И удалствомъ ихъ пѣшишь, и окладъ
Двойной даетъ.

скопикъ шуйскій.

Безъ помощи Спрѣлецкой
Все сдѣлаемъ.

князь шуйскій.

Вы, храбрые Дворяне,
Начальники полунощныхъ Дружинъ,
Какъ много васъ?

дворянинъ.

У насъ осмнадцать тысячъ

Отборныхъ войскъ.

Князь шуйскій.

Когда попухнеть день,
Захвѣтите воропа городскія
И въ пишинѣ дождепесь вѣспи.

Дворянинъ.

Князь

На бой, на смерть, на язвы мы гоповы,
Да вопъ бѣда!

Князь шуйскій.

Что скажешь?

Дворянинъ.

Видишь, Князь!

Мы люди всѣ нехитрые, простые
И насъ легко ввеси въ обманъ.

Князь шуйскій.

Въ обманъ!

Въ какой обманъ?

Дворянинъ.

Послушай, Князь Василій,
Боярамъ всѣмъ мы вѣримъ и тебѣ. . . .

Князь шуйскій.

Такъ чпожъ еще?

Дворянинъ.

Великъ опвѣтъ предъ Богомъ.
Ну если онъ и въ правду Царскій сынъ!

Князь шуйскій.

Онъ Царскій сынъ? Онъ извергъ, бѣглый Дьяконъ.

Всѣ знаютъ по.

ДВОРЯНИНЪ.

Когда Царица Марѳа

Объявилъ намъ, что онъ не сынъ ея,

Тогда, тогда стубилъ его клянемся

И испребилъ и даже слѣдъ его

Съ земли сперешъ.

ДРУГОЙ.

И въ правду пусть Царица

Благословилъ нашъ подвигъ.

ТРЕТІЙ.

Для чего?

Всѣмъ истина извѣстна.

ДРУГОЙ.

Но сильнѣе

Свидѣтельствъ всѣхъ ея слова.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Она,

Одна она неправды намъ не скажетъ.

МНОГІЕ.

Она рѣшилъ и мы повѣримъ ей.

САЛТЫКОВЪ.

Бѣда, бѣда! вопль къ совѣсти Дворянской

Приспали въ мигъ Мѣщане и Купцы.

О! эша совѣсть, совѣсть!

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ (Ляпунову).

Мы погибли.

ЛЯПУНОВЪ (выходитъ впередъ).

Иль мнише вы, чюю мы на подвигъ сей
Созвали васъ безъ вѣдома Царицы?
Чюю не она, вручая намъ мечи,
Ко мщению нашъ пупъ благословила?

ДВОРЯНЕ.

Пусъ рѣчь швою намъ подтвердишь сама:
И мы пойдемъ и горе Самозванцу!
Но безъ шого не извлечемъ меча.

ДРУГОЙ.

Вѣспимо шакъ.

ЛЯПУНОВЪ.

Такъ завпра къ темной ночи
Сберишесь вновь: и съ вами въ монастырь
Мы всѣ идемъ. Согласны ли, Бояре?

БОЯРЕ.

Какъ Шуйскій Князь?

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Онъ мысль мою сказалъ.

ЛЯПУНОВЪ.

Сберешесь ли къ назначенному сроку?

МНОГІЕ.

Всѣ явимся до одного.

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Друзья!

Просните днесъ. Но помня обѣщанье

Вновь жду я васъ, когда наспашетъ ночь.

(Уходящъ всѣ, кромѣ Шуйскаго и Ляпунова).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

князь шуйскій.

Ты обѣщаль.

Ляпуновъ.

Да что же было дѣлать?

Молчать? Такъ въ мигъ всѣ измѣнили бѣ намъ.

князь шуйскій.

Да какъ исполнимъ?

Ляпуновъ.

Выручить Анницію.

Онъ набоженъ, хитеръ, краснорѣчивъ,

Въ немъ духъ горитъ любовію къ святынь.

И злобою на ересь Лже-Царя.

Иду къ нему: онъ насъ спасетъ. (уходитъ).

князь шуйскій (одинъ).

Ужасно!

У приспани погибнетъ ли корабль?

Исчезнутъ ли опять мои надежды?

Что? Ежели Царица. . . . Ляпуновъ

Насъ выручитъ. . . . Не вѣрю Ляпунову, —

Тяжелый часъ! Тупъ гибель, тупъ вѣнецъ! —

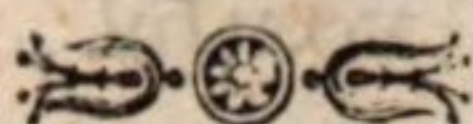
Когда она Димитрія признаетъ,

Тогда бѣда, тогда всему конецъ!

Глава горитъ и сердце замираетъ.

Конецъ 4-го Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Монастырская келья).

ЦАРИЦА МАРѢА (одна).

Ужъ конченъ день: заря вечерня гаснетъ.

О! не спѣши румяная заря,

Не угасай! Часы не улетайте,

Помедли ночь! Заутра спрашнйй день. —

Заутра вновь, о ужась! предъ народомъ

Опъ сына опрекусь, заутра вновь

Обманщику дамъ Царское названье

И вся земля услышитъ, Церковь вся

Во образъ святаго Папріарха

Благословитъ обрядъ.—Нѣтъ: не пойду.

Я не хочу и не должна.—Довольно

Мученія я на душу взяла,

Довольно тяжкихъ дней, ночей бессонныхъ

Я провела.—И вновь теперь иди

Вновь грѣшный духъ продашь нечиснымъ силамъ

Въ виду земли и внемлющихъ небесъ,

Въ виду Творца и Ангеловъ и смертныхъ,

Я не могу! . . . Но, горе! я клялась,

Безумная клялась передъ иконой

И Крестъ Свяшой въ свидѣтели звала ;
 И Божій громъ, когда нарушу клятву ,
 Меня сразитъ ; и ада вѣчный огонь
 Меня пожретъ.—О пощади Всевышній !
 О Господи, услышь мою мольбу ,
 О, укрѣпи слабѣющую душу ,
 Дай силы мнѣ, . . . Вновь смѣло согрѣшаю ,
 Вновь предъ Его Святыней лицемъришу
 И ложію обрадоваю бѣсовъ. —
 О горѣ, горѣ! Грѣшницы моливы
 Ужаснѣе хулы, мои слова
 Ругательство надъ Богомъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Входитъ Антоній.

Антоній.

Миръ Господень.

Обищали и кельи сей. . . . Молчаю ;

Знаю нѣтъ Царицы.

ЦАРИЦА МАРѢА.

Ты ль, слѣпецъ Антоній,

Такъ поздно, ночью ?

АНТОНІЙ.

День пора забойъ ,

Суешь, поржесавъ и шума и обмановъ ;

А ночь пиха, полна святыхъ моливъ ,

И Испины и Совѣси и Бога.

ЦАРИЦА МАРФА.

Нѣтъ: Совѣсти, Раскаянья и слезъ
Она полна.

АНТОНІЙ.

О переспань, Царица!

Тому спрашна безмолвной ночи пѣнь,
Кпо власпи пѣмь и вѣчно лгущимъ силамъ
Свой продалъ духъ безсмертный. Ты должна
Спокойной быть.

ЦАРИЦА МАРФА.

Да, я спокойна.

АНТОНІЙ.

Вѣрю,

Ужъ Царство жи слабѣетъ и падетъ;
Послѣдній слѣдъ обмановъ исчезаетъ.
Ты знаешь вѣсть?

ЦАРИЦА МАРФА.

Какую вѣсть?

АНТОНІЙ.

Топъ прахъ,
Топъ низкій прахъ, копорый въ Царскомъ гробѣ
Подъ именемъ Царевича сокрытъ.

ЦАРИЦА МАРФА.

Гдѣ, въ Угличѣ?

АНТОНІЙ.

Онъ почестью и блескомъ
Былъ окруженъ: но нынѣ Царь велѣлъ
Сей низкій прахъ извергнушь изъ Собора.

ЦАРИЦА МАРФА.

Прахъ сына моего?—Прости, прости
 О Господи! я измѣнила кляпвъ
 Я шайну обличила.—Прочь; спарикъ,
 Прочь съ глазъ моихъ! обманщикъ!

АНТОНІЙ.

Тайну, шайну,

Ты мнѣ открыва? Иль забыла ты,
 Чпо не всегда мой взоръ былъ шмой задернушь,
 Чпо въ Угличѣ нерѣдко я видалъ
 Царевича и послѣ шрупъ кровавый
 Въ Соборѣ зрѣлъ я; да, шопъ самый шрупъ,
 Который днесъ лишапъ могилы Царской.

ЦАРИЦА МАРФА.

Нѣшъ, не шерплю: нѣшъ, не позволю я.
 Ни чья рука враждебно не коснется
 Могилы шой, доколѣ я жива.

АНТОНІЙ.

Доколь жива: но послѣ? и на долго ль
 Лукавый врагъ шебѣ оспавипъ жизнь?
 Кшо сына прахъ спасепъ шогда?—Послушай!
 Погибнепъ злой любимецъ сащаны;
 Обманъ открывъ и мспипели гошovy,
 И шѣнь полна пищалей и мечей;
 Иди со мной, скажи едино слово, —
 И онъ падепъ: Бояре и Москва
 Оружіемъ безмолвно ополчились,
 Возспали всѣ ко мщенью; ждупъ шебя,
 Тебя одной.

ЦАРИЦА МАРФА.

Когда известна правда
Что жъ до меня?

АНТОНІЙ.

Есть слабыя умы,
Есть совѣспью болѣзненные души.
И въ ясный день свѣпильникъ нуженъ имъ,
Имъ оправданье нужно въ дѣлѣ правды.
Они Творцу молибся не дерзнуть
Безъ приказанья Паспырей Церковныхъ,
И не спасуть опчизны и Царя
Безъ Земскаго Указа. Много, много
Такихъ сердець: и ны нужна для нихъ.
Сомнѣніемъ окованы ихъ руки;
Но выйдешь къ нимъ и слово скажешь ты,
Всѣ двинулся и горе Самозванцу,
И кровію похищенный Пресполь
Омоешь онъ.

ЦАРИЦА МАРФА.

Какъ ты жестокъ, Антоній!

АНТОНІЙ.

Иди за мной.

ЦАРИЦА МАРФА.

Нѣтъ, спарець; не пойду.

Я знаю все: онъ дерзкій Самозванецъ;
Какъ ризою онъ именемъ чужимъ
Себя покрылъ и овладѣлъ порфирой,
Но смерть, ... Но кровь. . . . Повѣрь! незлобенъ онъ,
И любилъ Русь и полонъ думъ высокихъ,
И казни сей не заслужилъ.

АНТОНІЙ.

Кто? Онъ

Не заслужилъ? Нѣтъ, онъ достоинъ смерти
 И временной и вѣчной. О Господь!
 Излей свой гнѣвъ на голову злодѣя;
 Да сгинетъ онъ, да будетъ вѣкъ и вѣкъ
 Проклятіемъ клейменъ неумолимымъ,
 Проклятіемъ Іуды; прахъ его
 Съ лица земли, земли благословенной
 Да свѣетъ вѣтръ!—Ты скажешь, я жестокъ:—
 Но знаешь ли, что онъ Россію продалъ
 Своей Липѣ?

ЦАРИЦА МАРѢА.

Пустыя сказки. Нѣтъ,

Не вѣрю я.

АНТОНІЙ.

И ты тому не вѣришь,
 Что вскормленный для будущихъ злодѣйствъ
 Оправами коварныхъ Ізуйповъ,
 Онъ обѣщалъ училелямъ благимъ
 Смирить главу святой Христовой Церкви
 И подъ пяту Лапинскаго врага
 Ее сложить. Ты этому не вѣришь?
 Иди жь внимаешь, въ часы его забавъ
 Какъ нагло онъ надъ вѣрою смѣется,
 Какъ въ дни постовъ, порой святыихъ моливъ,
 Бѣснуется съ толпами скомороховъ
 Средь пѣсенъ, винъ и смрада гнусныхъ яствъ;
 Какъ Иноковъ торговой казнью муча,
 Обищелей завѣщную казну
 Для праздниковъ безбожно расхищаетъ.

Гляди какъ Ляхъ вспупаетъ въ чистый храмъ
 И за собой, хохоча, вводитъ спаю
 Нечистыхъ псовъ. . . . Иль нѣтъ, идемъ туда,
 Гдѣ въ сумракѣ Церквей незаренныхъ
 Едва блеснило ночной лампы свѣтъ;
 Тамъ слушай гласъ Гереевъ, звукъ анаѳемъ
 Зовущихъ Божій громъ на Лже-Царя;
 Внимай, внимай и послѣ, — сихъ проклятій
 Тягчайшую, ужаснѣйшую часпъ
 Возьми съ собой!

ЦАРИЦА МАРѢА.

О пощади, Антоній,
 Ты грудь мою перзаешь; но увѣ!
 Я Шуйскаго отъ гибели спасаю,
 Присягою тяжелой сопрягла
 Свою судьбу съ судьбой злодѣя.

АНТОНІЙ.

Кляпвой?

И эчимъ ли окованъ робкій духъ?
 Сильнѣе ли обѣтъ безумной, грѣшной,
 Чѣмъ пошъ обѣтъ, что Богу ты дала
 При таинствѣ спасительной купели?

ЦАРИЦА МАРѢА.

Нѣтъ, спарецъ, нѣтъ; не знаешь ты тѣхъ словъ,
 Тѣхъ грозныхъ словъ, копорыми навѣки
 Связала я свой препешный языкъ.

АНТОНІЙ.

Ты совершила страшный грѣхъ: но слушай!
 Когда бъ клялась ты Руси измѣнишь

Иль въ спящаго, невиннаго младенца
 Воизипь кинжалъ, иль Бога позабывъ,
 Поправъ креста Живоворящу силу,
 Безсмертный духъ продашь бвсамъ; Скажи.
 Должна ль бы пы тогда обѣщъ исполнишь?
 Все въ кляпвѣ той соединила пы,
 Обманъ и кровь, опечеслв измѣну,
 Предательство предъ Вѣрой и Творцемъ,
 И поржесство нечиспыхъ силъ и боль
 О, болѣе еще.—Иди за мной,
 Союзъ грѣха распоргни покаяньемъ,
 Преступника оспавь!

ЦАРИЦА МАРѢА.

Я не могу.

Не отвѣчай, подумай! я въ спраданьяхъ,
 Въ презрѣннй влачила дни свои;
 Всѣ съ ужасомъ изгнанныцы бѣжали;
 Онъ жизнь мою мгновенно оживилъ,
 Бездѣпную сыновнею любовью
 Онъ окружилъ, и мщенье, мщенье далъ;
 Да: мщеніе, копораго такъ долго
 Алкала я; и дней моихъ закапъ
 Озолопилъ поржеспвенной зарею. —
 И онъ мой сынъ и я Царицей вновь.
 А гдѣ враги? во прахъ.—О Антоній,
 Забуду ль все и измѣню ль ему,
 Чпобъ снова бытъ спрадалицей презрѣнной?

АНТОНІЙ.

Оспановись! Такъ вопъ чему душой
 Ты жертвуешь, и Вѣрой и Россіей?

А, вопть чему! Безумной мишуръ
 Мгновенныхъ почестей и злой гордынѣ
 И мщенію. Но вѣдай же, Царица,
 Чпо безъ тебя судебъ твоихъ завѣсть
 Свершилъ Господь; чпо безъ тебя съ Престола
 Преслупника онъ свергнетъ, безъ тебя
 Освободитъ онъ Вѣру Православну.
 Но ты, отвергшая его призывъ святой,
 Раба грѣха, опнынѣ падъ побой
 Клеймо суда, Анаѣма презрѣнья

Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ :

И казнъ спыда и отверженья
 Съ названіемъ твоимъ къ потомству перейдетъ.

ЦАРИЦА МАРѢА.

За чѣмъ, за чѣмъ споль грознымъ испытаньемъ
 Безсильная жена посѣщена?
 И робкому, волнуемому духу
 За чѣмъ людей тяжелая судьба
 Поручена?

АНТОНІЙ.

И пыль на Бога ропчень?
 Ты, боль всѣхъ въ сей беззаконный вѣкъ
 Избранная и взысканная свыше?
 Ты ль на опвѣсть Всевышняго зовешь,
 Межъ тѣмъ, какъ онъ сіяньемъ Чудотворства
 И свяпостью виднѣй неземныхъ
 Царевича безгрѣшную могилу
 Прославилъ дивно?

ЦАРИЦА МАРѢА.

Чью могилу? чью?
 Димитрія?

АНТОНІЙ.

И ты того не знала,
 Не слышала? Уже ль никто досель
 Преступницъ повѣдашь не дерзнулъ
 Величіе отверженнаго сына?
 Уже давно въ дали степей глухихъ,
 Во пмѣ лѣсовъ, въ пуспыняхъ полунощныхъ,
 Вездѣ грѣмишь хвалебныхъ ликовъ гласъ
 Димитрію, а ты одна не знаешь?
 Несчастливая!

ЦАРИЦА МАРѢА.

О счастливая мать,
 Мой сынъ, мой сынъ Небесною Любовью
 Искупилъ.

АНТОНІЙ.

Нѣтъ: отвергнетъ онъ тебя,
 Какъ ты его отвергла.

ЦАРИЦА МАРѢА.

Боже, Боже!

АНТОНІЙ.

Онъ чуждъ тебѣ: Твой сынъ Разсприга злой,
 Избранникъ твой, любимецъ; съ нимъ прекрасный
 Свой путь свершишь, съ нимъ мзду примешь ты.
 И каждый лучъ небесной благодаши
 Сіяющій надъ опрокомъ твоимъ,
 Надъ опрокомъ, отверженнымъ побою,
 И каждое Разсприги злое дѣло
 Какъ тяжкій гнѣвъ въ бездонной глубинѣ
 Тебя прижметъ, какъ мечъ вопьется въ душу
 Какъ огонь сожжетъ:

ЦАРИЦА МАРҢА.

И завпра я должна
Опѣ сына вновь опречься, опѣ Свяпаго ,
И Папріархъ благословишь обрядъ,
И вся земля узнаетъ.

АНТОНІЙ.

Завпра, завпра ?

Свою бѣду почуялъ хипрый врагъ. —
Но съ нами Богъ. — Въ послѣдній разъ, Царица ,
Всевышняго ослушная раба ,
Зову тебѣ; послѣдній мигъ спасенья
Даешь Господь; распоргни плѣнь грѣха :
Иди за мной, опвергни Самозванца.
Ты медлишь? А! возьми же приговоръ !
Внемли ему. — Твое опныиѣ имя
Изгладится изъ Книги Живопа ,
И въ Небесахъ, среди блаженныхъ ликовъ ,
Какъ Ложь, какъ Грѣхъ, забудется оно ;
И опврапится Ангелъ покаянья ;
И въ безпредѣльной Благости Творца
Тебѣ одной пощады не найдется.

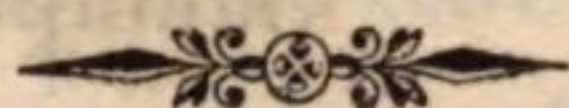
(Беретъ ее за руку).

Но ты дрожишь, ты спонешь, слезы льешь ! . . .
О, знаю я, ты не опвергнешь сына;
Внемли, внемли, я слышу: онъ зоветъ !
Возри горѣ: чело его сіяетъ.
Съ своихъ Небесъ, съ блаженныхъ тѣхъ высопѣ,
Онъ чистыя обяпья проспираетъ ,
И грѣшницу вѣнцами оствняетъ,
И въ Божій рай тебѣ опверзся входъ.

О не бѣги призванія роднаго,
 Не отвергай младенца своего!
 За мной, за мной; я именемъ его
 Тебя зову.

ЦАРИЦА МАРѢА.

Анпониѣ, я гопова!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

(Домъ Шуйскаго).

(Входящъ князь куракинъ и князь шуйскій.)

князь куракинъ.

Ну, признаюсь, опъ сердца оплегло.
 Была бѣда, — и если бъ швой Анпониѣ
 Усовѣспипъ Царицу не съумѣлъ:
 Пришлось бы намъ съ повинной головою
 Ошправипсья къ Опрепьеву.

князь шуйскій.

А онъ,

По милоспи своей неизреченной,
 Пустиплъ бы насъ домой безъ головы.

князь куракинъ.

Да кажется, что намъ съ побою, Шуйскій,
 Едвѣ ли бы избѣгнушь шопора.
 Ты знаешь ли, что нынѣ передъ ночью,
 Ужъ въ сумерки, вокругъ моего двора,

Кремлевскіе лазупчики верпѣлись ;
 Да къ счасію, дворецкой мой успѣлъ
 Ихъ захвапипь.

князь шуйскій.

Тожъ самое случилось
 Здѣсь у меня.

князь куракинъ.

Знашь чуепъ онъ бѣду.

князь шуйскій.

Но опврапипь не можешъ: всѣ исходы
 Захвачены, всѣ улицы къ Кремлю
 Наполнены моими молодцами ;
 И Граждане не спяпъ въ пиши домовъ ;
 И областей полунощныхъ дружины
 Безмолвно ждупъ , вблизи Тверскихъ воропъ ,
 Послѣдняго, рѣшипельнаго зова.
 Едва воспокъ освѣпипся зарей ,
 Всѣ церкви вдругъ заговоряпъ набапомъ, —
 И съ нами Богъ !

князь куракинъ.

И сгибнешъ нашъ злодѣй.

князь шуйскій.

Все хорошо: но эпо лишь начало.
 Кому жъ попомъ наслѣдіе Царей
 Поручимъ мы ?

князь куракинъ.

Повѣрь, народный голосъ

Уже избралъ власпипеля.

князь шуйскій.

Кого?

князь куракинъ.

Тебя.

князь шуйскій.

Нѣтъ, другъ мой, тяжко это бремя.

О, во сто кратъ счастливѣй тихій кровъ

Чѣмъ бурное волненіе чертоговъ ;

Счастливѣй попъ, кто можетъ безъ заботъ

Свой легкій трудъ вести въ смиренной долъ ,

Въ глуши полей, чѣмъ попъ, кто на себя

Пріялъ вѣнца мученье золотое.

(задумывается).

князь куракинъ.

Но въ дни грозы, въ годину общихъ смутъ ,

Лишь ты одинъ достоинъ Царской власпи.

князь шуйскій.

Но въ дни грозы, въ годину общихъ смутъ ,

Еще спрашивай сіяніе Престола:

Пусть изберутъ другаго.

князь куракинъ.

Но священъ

Опечесства спрадающаго голосъ.

князь шуйскій.

О, Князь Андрей! Когда верховну власпъ

Поручилъ мнѣ избранье Земской Думы ,

Я чувствую : священный долгъ великъ

Ее принять; но спрашно и подумапъ

О власпи сей. Я видѣлъ прехъ владыкъ,

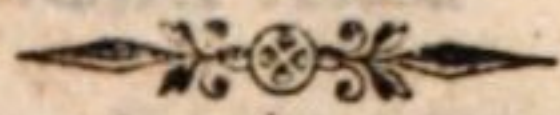
Крамолами взволнованные годы,
 И вѣдаю : какъ тяжела она,
 Правленія Державная Наука.
 О Князь Андрей! Одинъ безсиленъ умъ ;
 Одна глава, игральнице обмановъ,
 Невольная работница спраспей ,
 Не умиришь, не осчастливишь края
 Обширнаго, величіемъ своимъ
 Подобнаго вселенной. Вы, Бояре ,
 Мнѣ будете наставниками. Вы
 Прольете свѣтъ своихъ уроковъ мудрыхъ
 На темный путь, копорымъ я пойду.
 Клянуся въ помъ, что избранъ вашей волей ,
 Не прешагну Боярскаго Успава ,
 И буду съ свящъ Боярскій приговоръ,
 Какъ въ прежни дни , до Грозныхъ Іоанновъ.
 Но поздно, другъ! тебѣ и мнѣ заботъ
 Осталось довольно.

КНЯЗЬ КУРАКИНЪ.

На разсвѣтъ

Увидимся.

(Уходитъ).

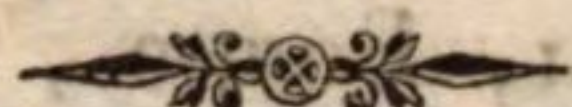

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ШУЙСКІЙ (одинъ).

Какъ много голосовъ
 Ужъ я купилъ шакой разумной кляпвой!

Къ чему жь терять благопріятный мигъ?
 Къ чему мнѣ ждаль невѣрной Земской Думы?
 Все за меня: дворянство и народъ.
 Теперь скорѣй проклятаго Разспригу
 Съ земли долой! Онъ пощадилъ меня,
 Но я не пощажу. . . . Сюда, Воейковъ,
 Валуевъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

(Входятъ Воейковъ и Валуевъ).

ШУЙСКІЙ.

Слушай: предъ лицомъ Царя,

Ты Поляка вчера ударилъ ѳземь
 За дерзкія слова о Москаляхъ?

ВАЛУЕВЪ.

Такъ почно, Князь!

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

И чпожь сказалъ Ошрепьевъ?

ВАЛУЕВЪ.

Не спрашивай: мнѣ больно воспоминашь,
 Какъ онъ шупилъ, какъ горько издѣвался
 Надъ бѣшенствомъ, надъ злобою моею;
 Какъ онъ велѣлъ прогнашь меня съ безчестьемъ,
 Съ ругательствомъ.

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

И выдашь головой

Обиженному Пану, но Бояре
Тебя спасли.

ВАЛУЕВЪ.

Я расплачусь съ нимъ.

князь шуйскій.

Въ сраженіяхъ тебя видалъ я часто:
Твой мечъ осперъ, рука крѣпка, и духъ
Опасности кровавой веселился.

Скажи же мнѣ: ты хочешь ли отмстить,
Какъ смѣлый мужъ, за кровную обиду?
Иль, какъ жена, свой гнѣвъ излить въ словахъ?
Иль, какъ дѣтя, сложивши скромно руки,
Заплакать?

ВАЛУЕВЪ.

Нѣтъ: мнѣ въ помѣ свидѣтель Богъ,
Что я опмѣю. О только бы съ злодѣемъ
Мнѣ вспрѣпнись такъ близко, чѣобы мечъ
О мечъ его ударился, — и если
Одинъ изъ насъ не ляжетъ головой:
То, Господи! прости грѣхи Разсприги,
А для меня сомкни врапа Небесь.

князь шуйскій.

Я узнаю Валуга.

ВАЛУЕВЪ.

Послушай!

Клянуся въ помѣ, что гдѣ бы ни былъ онъ,
Хотя бѣ во храмѣ предъ святой Иконой,
Хотя бѣ въ слезахъ, безъ силъ, у ногъ моихъ,
Съ опчаяньемъ, молилъ меня о жизни:
Я и тогда не пощажу его.

КНЯЗЬ ШУЙСКИЙ.

При спрогомъ Годуновъ, пы, Воейковъ,
Тому льпъ пашъ. . . .

ВОЕЙКОВЪ (перебивая).

Неловко, съ пьяныхъ глазъ,
Я кулакомъ убилъ Пепрова: помню.

КНЯЗЬ ШУЙСКИЙ.

Кпо спасъ тебя?

ВОЕЙКОВЪ.

Ты, милоспивый Князь.

КНЯЗЬ ШУЙСКИЙ.

Заплашишь ли услугой за услугу?

ВОЕЙКОВЪ.

Повелъвай: я пвой на жизнь и смерть.

КНЯЗЬ ШУЙСКИЙ.

Внимайте мнѣ. Вы знаете, что Демонъ
Злодѣю далъ волшебный даръ рѣчей;
Что сладкими словами онъ чаруетъ
Народный умъ.

ВАЛУЕВЪ.

Да, говоришь красно!

КНЯЗЬ ШУЙСКИЙ.

Что чернь всегда измѣнчива, безумна,
Обманамъ вѣришь, къ испинамъ глуха;
Что у него друзей сокрытыхъ много.

ВАЛУЕВЪ.

Все правда, Князь.

князь шуйскій.

Когда ворвемся мы
Съ оружіемъ въ Кремлевскія Палаты ,
И надъ собой увидишь онъ грозу ;
Въ послѣдній разъ испытывая счастье ,
Захочешъ онъ съ народомъ говоришь :
Тогда погибли мы.

валуевъ.

Зажму кинжаломъ
Обманщика болтливыя уста.

князь шуйскій (къ Воейкову).

Чпожь ты молчишь ?

воейковъ.

Чпо много говоришь ?

Убью, да полько.

князь шуйскій.

Я на васъ надѣюсь.

воейковъ.

О Господи! да развѣ я вола
Не убивалъ вопъ эпой пяпернею,
Рогатиной медвѣдя не кололъ ?
Такъ чпо жъ мнѣ вашъ Опрепьевъ ?

князь шуйскій.

Нѣтъ, Воейковъ,

Онъ самъ гораздъ медвѣдя бишь ножемъ.

валуевъ.

А эпо чпо? Винтовка не измѣнишь.

воейковъ.

Хопъ онъ колдунъ и драпся молодець,
А опъ свинца едва ли увернепся.

князь шуйскій.

Такъ рѣшено. Прощайте же, друзья. (Валуевъ уходитъ).

Что жъ ты, Воейковъ, медлишь? ты въ раздумьи.

воейковъ.

Свѣплѣйшій Князь, вошь видишь. Прикажи :

И съ голыми руками на медвѣдя

Пользу я, и задушю его.

князь шуйскій.

Такъ чтожь еще ?

воейковъ.

Вѣдь, можешь бышь, Ерэпикъ

Заговоришь ?

князь шуйскій.

Съ побою ?

воейковъ.

Нѣтъ: виншовку.

Иль, можешь бышь, волшебная броня

Прокляпаго незримо покрываетъ ?

князь шуйскій.

Вошь бредни. . . . Да, ты правду говоришь :

Тебѣ нужна серебряная пуля.

Пропивъ нея безсиленъ заговоръ.

Возьми ее. (опрыываетъ у себя пуговицу).

воейковъ.

Какой же я безумный !

Совсѣмъ забылъ; ты, благо, вразумилъ.

Прощай же, Князь. (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

князь шуйскій.

Дворецкій! э! Дворецкій!

ДВОРЕЦКІЙ.

Я здѣсь.

князь шуйскій.

Скажи мнѣ, сколько молодцовъ

Собрали мы изъ Суздальскихъ помѣспій,

Изъ опчины, опъ брашьева?

ДВОРЕЦКІЙ.

Тысячь шесть;

Нѣтъ, болѣе: всего шесть тысячъ приспа.

князь шуйскій.

Кудажъ пы ихъ пославиль?

ДВОРЕЦКІЙ.

Вкругъ Кремля

Спояпъ они на спражъ; да въ запасъ

Оспавлено шесть сопень лучшихъ рукъ,

Псарей, конюшихъ, ловчихъ и спремянныхъ,

Сокольничихъ. . . .

князь шуйскій (перебивая).

Всѣмъ эшимъ удальцамъ

Вели сѣдлашь. Съ разсвѣшомъ мы ударимъ.

ДВОРЕЦКІЙ.

Уже гошovy кони, а народъ

Ждепъ на дворъ.

князь шуйскій.

А къ Иліи Пророку

Послалъ ли ты ?

дворецкій.

Тамъ ждепъ уже давно

Мой сынъ Иванъ, и въ колоколъ ударишъ ,

Когда прикажешь. И въ другихъ церквахъ

Сидяпъ ребяпа наши.

князь шуйскій.

Дѣло, дѣло.

Ты думаешь, Мозоровъ, чпо вѣспей

До времени Опрепьевъ не получишъ ?

дворецкій.

Комужъ теперь добратъся до Кремля ?

Всѣ улицы я занялъ, переулки

Всѣ захвапиль. Змѣя не проползепъ ;

Безъ позволенья, крыса не пролзепъ.

князь шуйскій.

А по водѣ ?

дворецкій.

Такъ лодки на рѣкѣ

На шо спояпъ, все съ нашимъ же народомъ.

князь шуйскій.

Спасибо, брапъ Морозовъ : хорошо

Все сладиль ты.

дворецкій.

Ужъ мнѣ ли догадапъся ?

Все Ляпуновъ успроиль.

князь шуйскій.

Молодецъ!

Теперь еще послѣднее велѣнье ,
Но важное и тайное. Внимай :
Спѣши отккрыть глубокіе подвалы
Во всѣхъ домахъ, у брашневъ, у родныхъ
И у меня. Когда ворвемся въ Кремль
И кончимъ жизнь проклятый Самозванецъ :
Поиме чернь и пивомъ и виномъ
И крѣпкими завѣшными медами ,
Чтобы вездѣ раздался общій крикъ :
«Да здравствуетъ Василій, Царь Россіи !»

дворецкій.

Исполню все.

князь шуйскій.

А нашимъ молодцамъ

Вели бѣжають по улицамъ Московскимъ
И величаютъ Великаго Царя
Василія, избраннаго народомъ.
Ты понялъ ли ?

дворецкій.

Я понялъ.

князь шуйскій.

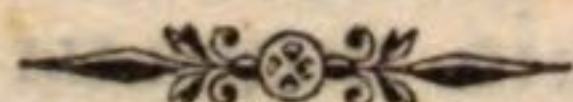
Но дополь

Молчаніемъ сомкни свои уста ,
Чтобы никто не вѣдалъ нашей тайны ,
А менѣ всѣхъ Прокофій Ляпуновъ !
Теперь иди.

ДВОРЕЦКІЙ (уходя).

Какое разоренье !

Какой убытокъ будетъ въ погребахъ !

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ШУЙСКІЙ (одинъ).

Оспалося не долго до разсвѣта.

Ужъ часъ впорой, а черезъ часъ еще

Войдутъ въ Москву Смоленскія Дружины.

(Съ жаромъ) Тогда, тогда пусть ропщеть Шаховскій ,

Пусть плачетъ Ташевъ, злился Теляшевскій :

Черезъ нихъ шагну я твердою стопой ,

Схвачу вѣнецъ могущею рукою.

Вѣнецъ, вѣнецъ ! какъ сладокъ эпощъ звукъ !

Какъ много думъ въ семъ словѣ обитаешь ,

Какъ сердце веселишь оно ! Вѣнецъ !

(Злая цѣль моихъ усопшихъ предковъ

Еще со дней Донскаго и Ташаръ ,

Злая цѣль, за коею такъ долго

Спремился я невидимымъ пушемъ !)

Ты мой пеперь ! о, для тебя какъ много

Я преперпѣлъ ! какъ много, много лѣтъ ,

Я для тебя во прахѣ изгибался

Какъ низкій червь, крамольспвовалъ, спрадалъ !

Ты мой пеперь, и я разширю крылья

И полечу.—Не медлите, часы !

Займись, заря ! благодарю судьбину :

Ужъ брегъ въ виду и ясны небеса.

О, мой корабль! лепи черезъ пучину!

Попушный въпръ, наполни паруса!

(по нѣкоторомъ размышленіи).

Но я забылъ, что передъ часомъ бѣшвы

Не совершилъ ночной своей молишвы.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

(Дворецъ Кремлевскій).

ДИМИТРІЙ, БАСМАНОВЪ.

ДИМИТРІЙ.

Тебѣ пора, Басмановъ, опдохнуть:

Уже давно за полночь; до разсвѣта

Не далеко.

БАСМАНОВЪ.

Чтожъ ты не опдохнешь,

Послѣ труда дневнаго?

ДИМИТРІЙ.

Мнѣ не спится.

Не вѣдаю что сдѣлалось со мной;

Но здѣсь и здѣсь, то вдругъ горитъ, то спынешь,

И въ жилахъ кровь то бурно помечетъ,

То спанетъ вся.

БАСМАНОВЪ.

Ты упоменъ, и бдѣнье

Волнуешь кровь.

ДИМИТРІЙ.

Лазушчики твои

Еще не возвращались?

БАСМАНОВЪ.

Досель

Опѣшья нѣтъ.

ДИМИТРІЙ.

Знашь шихо все въ Москвѣ :

Не правда ли? бытъ можетъ, Паперъ Квицкій
Самъ выдумалъ прокъ гнусный заговоръ ?

БАСМАНОВЪ.

Не думаю: слѣдовъ открыто много,
И признаки такъ вѣрны, что едва ль
Сомнѣніе возможно.

ДИМИТРІЙ.

Но надеждой

Еще хочу я упѣшашь себя.

Повѣрь: мнѣ, другъ, прошивны эшъ казни ,
Противна кровь подъ попоромъ суда ,
И опъ того мнѣ грустно здѣсь въ черпогахъ ,
Въ моей Москвѣ мнѣ скучно. О, шуда ,
Туда скорѣй, гдѣ биввы, гдѣ раздолье,
Гдѣ звонкій пиръ гуляющихъ мечей :
Тамъ на конѣ, въ пылу тревоги бурной ,
Подъ вольнымъ небомъ, въ ширинѣ полей ,
Я оживу.

БАСМАНОВЪ.

Ты хочешь послѣ завтра

Идти въ походъ ?

ДИМИТРІЙ.

Да, послѣ завтра въ ночь ,

Внезапностью враговъ предупреждая
И захвативъ сомнительныхъ Бояръ ,
Я выступлю съ отборными Спрѣльцами,
Да съ Нѣмцами, да съ вольницей Липвы.
Теперь въ Ельць ужь собралось войска
Не менѣе какъ тысячъ пятьдесятъ :
Доспапочно.—Мы съ ними въ степь выходимъ ;
Къ намъ на пупи дружины Козаковъ
Спекаются отъ Волги и отъ Дона
И отъ береговъ воинственныхъ Днѣпра ; —
И гордый Крымъ увидитъ насъ,—и громомъ
Ударимъ мы на Царство Мусульманъ.
Прекрасный край съ зелеными горами,
Съ долинами, гдѣ вѣчный блескъ весны ,
И съ синими, какъ яхонтъ, небесами,
И съ зеркаломъ лазоревой волны !
Прекрасный край, наслѣдье нашихъ предковъ ,
Владимира священная купель ,
Ужъ какъ давно оппоргнутъ отъ Россіи,
И какъ давно онъ Русскихъ не видалъ !

БАСМАНОВЪ.

Нѣтъ, Государь! при Грозномъ Іоаниъ ,
Бывали тамъ Московскіе полки, —
И хищники въ скалахъ своихъ дрожали.

ДИМИТРІЙ.

Когда же?—Да : Адашевъ Даніилъ
Ходилъ туда.—Князь Курбскій, Воропыинскій ,
Адашевы ! . . . какія имена !
Какъ счастливъ былъ ты, Грозный Самодержецъ !

Какихъ мужей дала тебѣ судьба !
 Зачѣмъ не мнѣ? Я встрѣпилъ бы любовью ,
 Схватилъ бы ихъ въ объятія свои ,
 Хранилъ бы ихъ шакъ , какъ зѣницу ока ,
 Какъ красоту любовницы молодой.
 А шы, увы! съ красой швоей Россіи,
 Съ надеждами величья и побѣдъ ,
 Что сдѣлалъ?—все желѣзною рукою
 Сломилъ, сдавиль: — за то и родъ его
 Погибъ. . . . Скажи, что́ болѣе: — живаго
 Опиятъ ли жизнь, иль имя мерпвеца ?

БАСМАНОВЪ.

Какой вопросъ? за гробовой доскою
 Всѣмъ общее одно названье—прутъ.

ДИМИТРІЙ.

Чпожъ мерпвецу до имени? не правда ль?
 Не встанешъ онъ, чпобъ допрошашъ живыхъ
 И требовашъ назадъ свое названье ;
 А если бы изъ гроба онъ возспалъ
 И допросилъ, — и смѣлый похищилъ
 Сказалъ ему: «Твое я имя взялъ ,
 Но я его прославилъ, и сіяньемъ
 И яркими лучами увѣнчалъ.
 Ты былъ забытъ въ своей могилѣ темной :
 Я оживилъ, я воскресилъ тебя
 Для чуднаго бѣзсмертія, для славы ,
 Для громкихъ пѣсень будущихъ вѣковъ !» —
 Я думаю: сердитый жипель гроба
 Смягчилъ бы, и пихою рукою
 Благословилъ преемника на подвигъ ,

На трудный путь.—Я все тебя открыл,
Все высказалъ.

БАСМАНОВЪ.

Твою я ведалъ тайну
Уже давно; но ты до сей поры
О ней молчалъ.

ДИМИТРІЙ.

Сегодня, что-то чудно
Волнуется въ встревоженной груди,
И прежние дни такъ ярко переходятъ
Передо мной, что я не могъ молчать.

БАСМАНОВЪ.

Димитрій ли, Григорій ли—равно
Люблю тебя, люблю твой духъ отважный,
И замысловъ возвышенный полетъ,
И будущую славу. Жизнью, кровью,
Всѣмъ жертвовать я для тебя готовъ.

ДИМИТРІЙ.

Я зналъ тебя и говорилъ безъ страха.
Но душно здѣсь: я подойду къ окну.
Прохлады нѣтъ: такъ въперъ слабо веетъ,
Такъ воздухъ тихъ, и Майской ночи мгла,
Какъ лѣтній день, удушливо шепла.
На западъ едва, едва яснеетъ
Рогъ мѣсяца.

БАСМАНОВЪ.

Но, въ эпоху годъ, его
Задернемъ мы завѣсою кровавой.
Не правда ли?

ДИМИТРІЙ.

Ты дѣльно говоришь ,

И вѣрю я, что сею чистой славой
Вънчаемся мы скоро. Но смотри :
Какъ дремлетъ все , и лентой голубою
Бѣжитъ рѣка, спокойна, безъ зыбей ,
И понкій паръ не пронесся надъ ней ,
И шума нѣтъ. Лишь слышно, что порою
Надъ городомъ широкій всходитъ гулъ ,
Какъ соннаго чудовища дыханье,
Или волны полночное роптанье ,
Когда съ зарей успалый вѣпръ заснулъ. —
Помысли, другъ, какъ много сильныхъ душъ
Здѣсь грустно спятъ; какъ много думъ высокихъ ,
Окованныхъ дремотой вѣковой ! —
Все пробудишь, все вызвешь къ полной жизни: —
Вопь подвигъ, да, вопь подвигъ для Царя!
Поднятъ лишь кличъ высокій, благородный : —
И загремятъ отпѣвны голоса,
Какъ звуки спрунъ, когда спруна родная
Заговоришь; какъ клектъ молодыхъ орловъ ,
Когда зовешь ихъ мощная орлица ,
Давнишняя владычица степей.
Что скажешь ты ?

БАСМАНОВЪ.

Что велика Россія ,

Что много въ ней возвышенныхъ сердецъ ,
И гласъ Царя, зовущій ихъ ко благу ,
Не пропадетъ, какъ звукъ въ степи глухой.

ДИМИТРІЙ.

Я разбужу всѣ дремлющія силы ,

Я имъ опкрою путь, сперва къ войнѣ,
 И чувствую : — орель ширококрылый
 Запишетъ Луну въ полуденной спранѣ.
 Тогда, тогда я буду вновь свободенъ ;
 Побѣдами сомкнувъ уста враговъ,
 Спряхну Липву и Римской цѣпи стягоспѣ, —
 И новый прудъ начну я для вѣковъ.

БАСМАНОВЪ.

О Государь ! гордыню книгъ разрядныхъ
 Низложишь ли? начало всѣмъ бѣдамъ
 Хранился въ ней.

ДИМИТРІЙ.

Чпѣо Іоаннѣ провидѣль,
 Чпѣо началъ Царь Борисъ—я довершу.
 И вольный судъ, и спроеіе законы,
 И крошкая, но швердая рука,
 Дадутъ покой и спройное спремленье
 И жаръ и жизнь проснувшейся землѣ ;
 Небесный свѣтъ, познанья и науки
 Намъ даспѣ чужбина.

БАСМАНОВЪ.

Спарый Годуновъ

Тогожѣ хошѣль.

ДИМИТРІЙ.

Высокій умъ державный !

Онѣ понималъ грядущую судьбу
 Своей спраны; онѣ вѣдалъ, чпѣо не даромъ

Богапспивомъ и избыпкомъ силъ

Ее Господь благословиль.

Безбрежна даль ея степей широкихъ

И гладь озеръ, приволье кораблямъ,

И льются воды рѣкъ глубокихъ ,
 Моря, текущія къ морямъ.
 И все не даромъ. Есмь тебѣ, Россія,
 Святой завѣтъ, и твердою рукой
 Его свершу,—и буду въ предѣ побой
 Склоняюсь въ прахъ спраны чужія ,
 Благоговѣю весь міръ земной !

БАСМАНОВЪ.

О, для чего споль многимъ неизвѣстенъ
 Твой замыселъ высокій и благой ?
 Трудовъ, препонъ ты встрѣпишь много.

ДИМИТРІЙ.

Много ;

А жизнь крапка, и грустно, тяжко мнѣ !
 Невольный страхъ въ душевной глубинѣ ;
 И я прошу, исполненный волненья ,
 Дней у судьбы и силъ у Провидѣнья.
 Дней у судьбы! Но вотъ родился день
 И на воспокѣ пышно разсвѣпаетъ. . .

БАСМАНОВЪ.

А! эно что? ты слышишь ли? набашъ
 Со всѣхъ церквей !

ДИМИТРІЙ.

Знашь городъ загорѣлся ,
 Но гдѣжъ пожаръ ?

БАСМАНОВЪ.

Нѣтъ, эно не пожаръ :
 По площади вездѣ блещетъ оружье ,
 Народъ валитъ, Бояре на коняхъ !

ДИМИТРІЙ.

Поспелъничій ! Поспелъничій ! скорѣе !

(входитъ Поспелъничій.)

Зови Спрѣльцовъ, бѣги на жишній дворъ,
(Ихъ тамъ пяшь сопъ)—веди ко мнѣ въ палаши;
Скорѣй, скорѣй : здѣсь дорогъ каждый мигъ.

(уходитъ Поспелъничій.)

БАСМАНОВЪ.

О Государь !

ДИМИТРІЙ.

Басмановъ, будь спокоенъ ;
Мы выдержимъ осаду ; между тѣмъ,
На помощь намъ Микулинъ подоспѣетъ ,
Да Маржеретъ съ дружиною своей.

Входитъ ФИРСТЕНБЕРГЪ.

Великій Царь ! на площади волненъе.

ДИМИТРІЙ.

Чпюжь, Фирспенбергъ? всѣ двери зашвориши
И укрѣпиши. Какъ много здѣсь на спражѣ
Товарищей съ побою ?

ФИРСТЕНБЕРГЪ.

Пяпъдесяпъ.

ДИМИТРІЙ.

Не болѣе?—ну, все равно, увидимъ. . . . (уходяпъ всѣ).

РАЗНЫЯ ЛИЦА.

Э! какой шумъ! — Сѣнныя двери опбишы. — Въ сѣняхъ де-
рушся, и Нѣмцы опспунаюпъ. — Такъ валомъ и валипъ
сюда. — Убирапъся до поры до времени; наше дѣло не во-
енное: за споломъ прислуживаемъ, а драпъся не умѣемъ. —

Руки плохи, за що ноги хороши,—убирайся! (Уходящъ.
(Входящъ опящъ. Димитрій съ Нѣмцами опускается сражаясь).

ДИМИТРІЙ.

Нѣтъ, щещино все, число превозмогаешъ.

Спой, Фирспенбергъ! спой, затворяйше дверь!

Подержимся, подмога подоспѣешъ,

Постройтесе! Ну, Нѣмцы молодцы!

(Крикъ за дверью)

Опрепьева! давайше намъ Разспригу!

БАСМАНОВЪ.

О Государь! позволь, въ послѣдній разъ

Я выйду къ нимъ, усовѣщу безумцевъ.

ДИМИТРІЙ.

Нѣтъ, слишкомъ поздно.

БАСМАНОВЪ.

Я молю тебя:

О Государь, позволь мнѣ.

ДИМИТРІЙ.

Нѣтъ, Басмановъ. (Басмановъ уходитъ).

Онъ вышелъ. А! спасайте! онъ погибъ,

Держите крѣпче дверь. Въ другомъ покоѣ

Я слышу шагъ моихъ Спрѣльцовъ. Скорѣй,

Скорѣй ко мнѣ!

(дверь выломана и выстрѣлъ)

О Господи! я раненъ,

Нѣтъ боль силь, и мечъ падешъ изъ рукъ.

Я не могу за жизнь свою сражаться,

За свой пресполь! Все меркнешъ! (падаетъ въ обморокъ).

НАРОДЪ.

А! злодѣй!

Ты нашъ шеперь; попался!

СТРѢЛЬЦЫ.

Подходише !

Ну, шубники Московскіе! сюда !
Опвѣдайте Спрѣлецкаго желѣза ,
Дошпроньтесъ до Царя.

НАРОДЪ.

Возьмемъ его.

ГОЛОСЪ.

Неладно, брашъ: народъ вѣдь эпо бойкой.

КНЯЗЬ КУРАКИНЪ.

Оппрепьева ль хошише вы въ Цари ?

СТРѢЛЬЦЫ.

Онъ не Оппрепьевъ.

КНЯЗЬ КУРАКИНЪ.

Мы клянемся Богомъ ,

Могилой предковъ, жизнию дѣшей —

И не солжемъ. Царица объявила,

Что онъ злодѣй, не сынъ ея. Тотъ свяшъ ,

Тотъ въ небесахъ, среди блаженныхъ ликовъ ,

И молился о спраждущей Руси ;

А эпо воръ, разсприга, черно книжникъ !

СТРѢЛЬЦЫ.

Не вѣрыше имъ: они безбожно лгунъ.

Не выдадимъ.

ГОЛОСЪ ИЗЪ НАРОДА.

О, храбрые Спрѣльцы !

Одни ли вы измѣнише Россіи

И Русской вѣрь? Мы клянемся вамъ,

Чпо онъ злодѣй. Спрѣльцы! побойтесъ Бога.
За изверга мечей въ крови родной
Не обагрѣйте!

СТРѢЛЕЦЪ.

Этому я вѣрю :
Онъ нашъ Спрѣлецъ, и честенъ и правдивъ ,
И никогда во лжи не применитъ кляпвы.

ДРУГІЕ.

Товарищи, не вѣрьте !

ДРУГІЕ.

Вся Москва
Противу насъ. Вѣдь мы одни не сладимъ :
Такъ изъ чего же бишься ?

ГОЛОСЪ ВЪ НАРОДѢ.

Э! друзья !

Чпо медлимъ здѣсь ? зажжемъ посадъ Спрѣлецкій ,
Убьемъ ихъ женъ, раздавимъ ихъ дѣшей.

СТРѢЛЕЦЪ.

За мной, за мной! дома свои избавимъ
Отъ пламени ! (уходятъ).

ОДИНЪ.

Охъ, жалко молодца !

Какъ былъ удалъ! я радъ бы головою
Лечь за него. (уходитъ).

ДИМИТРІЙ (опомниваясь).

Оставили меня :

Всему конецъ! Нѣтъ силы, нѣтъ защиты
И нѣтъ меча, чпобъ грудь свою пронзить !

КНЯЗЬ КУРАКИНЪ.

Ну чпожь, Опрепьевъ? говори: винишься ль?
Покаешься ль въ обманъ пы своемъ?

ДИМИТРІЙ.

На площади, предъ внемлющимъ народомъ,
Я испину опкрою.

ВАЛУЕВЪ.

Ну, пора! (Валуевъ и Воейковъ стрѣляютъ).

ДИМИТРІЙ.

О Господи! будь кропкимъ судіею
Моихъ грѣховъ. (падаетъ).

ВАЛУЕВЪ (продувая ружье).

Я долгъ свой заплапиль.

(Вбѣгаютъ Князь Скопинъ и Ляпуновъ).

КНЯЗЬ СКОПИНЪ ШУЙСКІЙ.

Гдѣ самозванецъ? (видитъ трупъ) Вы его убили?
Бѣгите прочь. О горе вамъ и спыдъ!
Вы правый судъ въ злодѣйство обрапили. (уходитъ народъ).

ЛЯПУНОВЪ.

Безмолвень, мерпвъ и хладень онъ лежитъ
У нашихъ ногъ. Какъ пылокъ былъ въ сраженьяхъ,
Какъ полонъ думъ и пламени и силъ!
Мнѣ жаль его.

КНЯЗЬ СКОПИНЪ ШУЙСКІЙ.

Онъ былъ обманщикъ дерзкій,
И не его пресполь Россійскій былъ.

(На улицъ крикъ)

Да здравствуемъ Василій, Царь Московскій!

ЛЯПУНОВЪ.

Чпо, Князь Скопинъ, ты слышишь?

князь скопинъ шуйскій.

Эпо что ?

Безъ выбора, безъ Земскаго собора ?

Пойдемъ пуда, Прокофій. (уходишь).

ЛЯПУНОВЪ. (одинъ).

Шуйскій Князь !

Неправдою и ты достигъ престола.

И эту кровь я пролилъ для него ?

О падшій вождь! я каюсь предъ побоею ;

Но день придетъ для мщенья твоего:

И злой спарикъ падетъ передо мною.

Je suis d'opinion que s'il se fut comporté plus modestement , sans se mesler des Polonois , et qu'il eut espousé une Dame du pays, et se fut accomodé à leur humeur, encor qu'il eut été pire qu'un moine moinant , si est-ce que la couronne luy fut bien demeurée sur la teste: mais je pense que le Pape avec ses séminaires les Jésuites , ont été cause de sa ruine et subversion totale: car ces assassins des Princes en ont voulu faire trop vistement un Monarche, et se sont fourrez trop tost dedans les ruches à miel: c'est dommage qu'on ne leur a pas mieux razé la teste , mais ils s'estoient trop bien transformez en habit séculier: car tels Allans ne se preignent pas volontiers sans vert.

La Légende de la Vie et de la Mort de Démétrius
dernier Grand Duc de Moscovie traduite nouvelle-
ment l'an 1606.

BRITISH MUSEUM

181

BRITISH MUSEUM

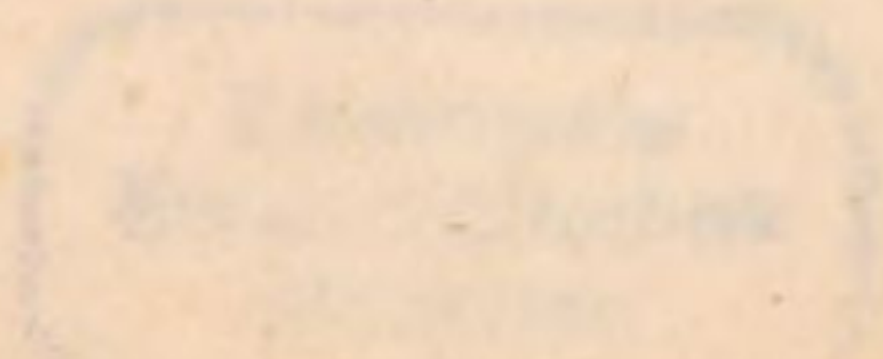
BRITISH MUSEUM

BRITISH MUSEUM

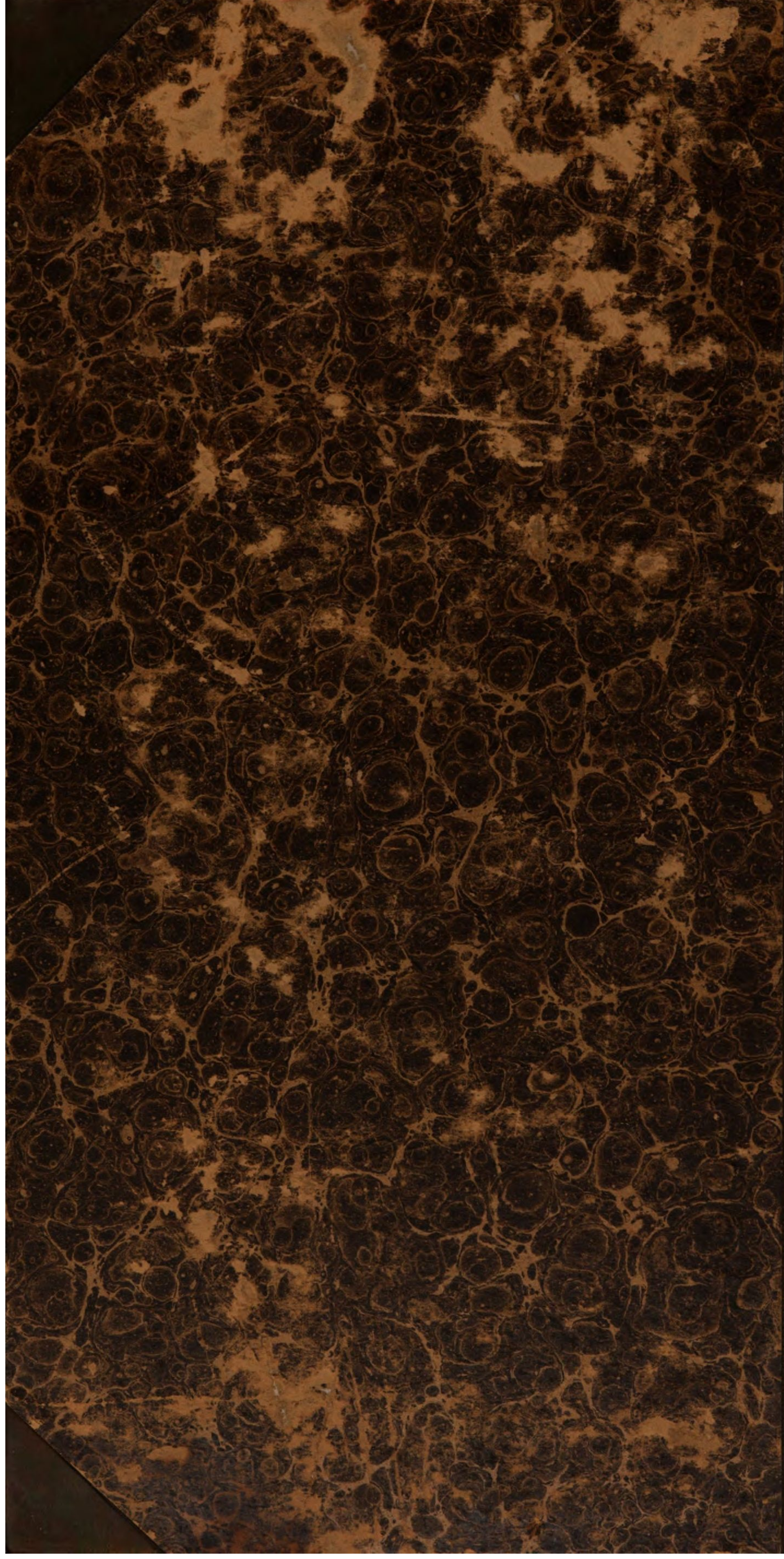
BRITISH MUSEUM

Je suis d'opinion que s'il se fut comporté plus modestement, sans se mesler des Polonois, et qu'il eût espargné une Dame du pays, et se fut contenté de leur humeur, encore qu'il eût été pire qu'un moine, voyant, si est-ce que la couronne n'y fut bien démentie sur la teste; mais je pense que le Pape avec ses séminaires les Jésuites, ont été cause de sa ruine et subversion totale; car ces masses des Princes en ont voulu faire trop, résistants au Monarque, et se sont levés trop tôt, dehaus les richesses à main; c'est dommage qu'on ne leur a pas mieux lavé la teste, mais ils s'étoient trop bien transformés en habit séculier: car tels Alleux ne se preignent pas volontiers sans vert.

La Légende de la Vie et de la Mort de Démétrius
dernier Grand Duc de Moscovie traduite nouvelle-
ment l'an 1666.

H. Heinrich
BÜCHERBINDEREI - EINZELEINBINDEN
34055 Rottenburg
Telefon 087 3117377

Chomjakov, Aleksej Stepanovič,

Dimitrij Samozvanec tragedija v pjati dějstvijach

Moskva 1833

P.o.russ. 157

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610254-1